

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

6 (51) 2023

ISSN 2411-7951

Ученые записки

НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ISSN 2411-7951

Главный редактор

Каминская Т. Л., д. филол. наук, доцент

Торопова Е. В., к. ист. наук, доцент, гл. редактор
научного направления (Великий Новгород)

Ариас-Вихиль М. А., д. филол. наук, с. н. с. (Москва)

Бессуднова М. Б., д. ист. наук, доцент
(Великий Новгород)

Васильев Я. А., к. ист. наук, доцент (Великий Новгород)

Владимирова Н. Г., д. филол. наук, профессор
(Калининград)

Гайдуков П. Г., д. ист. наук, член-корр. РАН (Москва)

Гиппиус А. А., д. филол. наук, профессор,
член-корр. РАН (Москва)

Жукова Е. Ф., к. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Ковалев Б. Н., д. ист. наук, профессор
(Санкт-Петербург)

Кулик С. В., д. ист. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Куприянова Е. С., д. филол. наук, профессор
(Великий Новгород)

Макаров В. И., к. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Маленко С. А., д. филос. наук, профессор
(Великий Новгород)

Моторин А. В., д. филол. наук, профессор
(Великий Новгород)

Прохорова О. Н., д. филол. наук, профессор (Белгород)

Седов Вл. В., д. искусств., профессор, член-корр. РАН
(Москва)

Семенова А. Л., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Тарабардина О. А., к. ист. наук (Великий Новгород)

Терешкина Д. Б., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Шмелева Т. В., д. филол. наук, профессор
(Великий Новгород)

№ 6 (51) 2023

Учредитель и издатель – Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

Адрес редакции и издателя:
173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1216
Тел. (8162) 338830 доб. 2294
Факс: (8162) 974526
E-mail: enotes@novsu.ru
<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Ученые записки

Новгородского государственного университета
№ 6 (51) 2023

Оригинал-макет подготовлен редакцией
сетевого издания «Ученые записки
Новгородского государственного университета»
Переводчик Наволоцкая О.В.

Свидетельство

Эл № ФС77-58076 от 20 мая 2014 г.
Роскомнадзора Российской Федерации
Выходит не менее 4 раз в год

Подписано в печать 15.12.2023 г.
Дата выхода 20.12.2023 г.

Отпечатано: ИП Копыльцов И.П.
349052, Воронежская обл., г. Воронеж,
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56
Тел. 89507656959, e-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

© НовГУ, 2023

© Авторы статей, 2023

(16+)

Memoirs of Novgorod State University

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 2411-7951

Editor-in-Chief

Kaminskaya T. L., Doctor of Philology, Associate Professor

Toropova E. V., Candidate of History, Associate Professor,
Research Area Chief Editor (Veliky Novgorod)

Arias-Vikhil M. A., Doctor of Philology, Senior Scientific
Researcher (Moscow)

Bessudnova M. B., Doctor of History, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Vasiliev Ya. A., Candidate of History, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Vladimirova N. G., Doctor of Philology, Professor
(Kaliningrad)

Gaidukov P. P., Doctor of History, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Gippius A. A., Doctor of Philology, Professor, Corresponding
Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Zhukova E. F., Candidate of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Kovalev B. N., Doctor of History, Professor
(Saint Petersburg)

Kulik S. V., Doctor of History, Professor (Saint Petersburg)

Kupriyanova E. S., Doctor of Philology, Professor
(Veliky Novgorod)

Makarov V. I., Candidate of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Malenko S. A., Doctor of Philosophy, Professor
(Veliky Novgorod)

Motorin A.V., Doctor of Philology, Professor
(Veliky Novgorod)

Prokhorova O. N., Doctor of Philology, Professor (Belgorod)

Sedov V. V., Doctor of Art History, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Semenova A. L., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Tarabardina O. A., Candidate of History (Veliky Novgorod)

Tereshkina D. B., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Shmeleva T. V., Doctor of Philology, Professor
(Veliky Novgorod)

№ 6 (51) 2023

Founder and Publisher —

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education

“Yaroslav-the-Wise Novgorod State University”
(NovSU)

Postal Address:

173003, Russian Federation, Veliky Novgorod,
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., office 1216
Tel.: +7 (8162) 338830 add. 2294

Fax: +7 (8162) 974526

E-mail: enotes@novsu.ru

<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Memoirs of NovSU

№ 6 (51) 2023

Camera-ready copy is prepared
by the Memoirs of NovSU editorial staff
Translation Editor Navolotskaya O.V.

Registration Certificate:

El No. FS77-58076 of May 20, 2014, issued by the
Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
Published no less than 4 times a year

Signed for publication on December 15, 2023

Published on December 20, 2023

Printed by IE Kopyltsov I. P.

349052, Voronezh Region, Voronezh
27-56, Marshala Nedelina str.

Tel.: +7 (950) 765-69-59

E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

© NovSU, 2023

© Authors of articles, 2023

(16+)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

1	Гавра Д. П., Быкова Е. В.	Прошлое как рефлексия политического настоящего: М. С. Горбачев в посмертных комментариях российской онлайн-аудитории	550
2	Ефимова О. В.	Образ Штирлица в интернет-мемах: культурно- лингвистический аспект	563
3	Дин Хао	Семантико-прагматический потенциал рекламных текстов (на примере наружной рекламы)	570

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

4	Мельникова Л. А.	Образы героев-игроков в романах Ф. М. Достоевского «Игрок» и Г. Фаллады «Волк среди волков»: сравнительный анализ	582
---	------------------	--	-----

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

5	Назарова И. Г., Станевич С. В.	«Леда» Р. М. Рильке: модернистское прочтение мифа	591
6	Фонова Е. Г., Шитц О. А.	Диалог культур: об опыте перевода «Путешествия в Россию» Бернардена де Сен-Пьера	599

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

7	Колобова А. В.	Социалистическое соревнование и ударничество на предприятиях пищевой промышленности Ленинграда в 1929– 1935 гг.	607
8	Воробьев Д. А.	Оформление юридической базы подпольного движения Ленинградской области во второй половине 1941 года	614
9	Мошник Ю. И.	«Как уету опять отсюда на свою родину». репатриация в СССН перемещенных в Финляндию ингерманландских финнов в 1944–1945 гг. (по материалам коллекции писем из собраний ленинградского областного государственного архива в г. Выборге)	626
10	Павловская А. Ю.	Блокадный дневник и память о войне 1950–1970-х гг.: этапы архивации и канонизации эго-документа в публичном дискурсе	637
11	Павловский А. Ф.	Блокада и компьютер: «цифровое воображение» в памяти о великой отечественной войне в 1980-е гг.?	646
12	Божичко В. В.	Документы обследования бюджетов как источник для изучения повседневности колхозников в 1945–1955 гг.	652
13	Оболонская Э. В., Соловьев М. М., Блинова А. В.	Научно-техническая коллекция горного музея как отражение истории пушечного завода в Мотовилихе (1863–1900 гг.)	660

АРХЕОЛОГИЯ

14	Колпакова Ю. В.	Крест с изображением преподобного Сергия Радонежского (?) из раскопок 1986 г. в Пскове	671

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

15	Брагова А. М.	Понятие «intellegentia» в трактовке Цицерона	678

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

16	Юрчук Л. А.	Колядные песни в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья	685

РУССКИЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

17	Синь Лумин	Фрейм «одинокый человек» в русском языковом сознании: лингвокогнитивный подход	694
18	У Маньхуа	Семантика и функционирование существительного «дилетант» в современном русском языке	704
19	Макаров В. И.	«ДОГОВОРИМСЯ», или об одной языковой маске взяточничества	711

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

20	Рештаненко А. А.	Креолизированный текст как элемент научного дискурса	720
21	Заика В. И.,
Яшина Д. С.	Учебный вторичный текст: к вопросу о содержании понятия	729
22	Ситько Ю. Л.	Система знаков Ч. С. Пирса как отражение учения о категориях и предикабиях: идеи Средневековья и Нового времени	744

CONTENTS

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

1	Gavra D. P.,
Bykova E. V.	The past as a reflection of the political present: M. S. Gorbachev in posthumous comments by the russian online audience	550
2	Efimova O. V.	Stierlitz in internet memes: cultural and linguistic aspects	563
3	Ding Hao	Semantic-pragmatic potential of advertising texts (by example of outdoor advertising)	570

THEORY OF LITERATURE

4	Melnikova L. A.	The images of heroes-players in the novels by F. M. Dostoevsky 'The Gambler' and H. Fallada 'Wolf among wolves'	582

LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

5	Nazarova I. G.,
Stanevich S. V.	"Leda" by R. M. Rilke: a modernist reading of the myth	591
6	Fonova E. G.,
Schitz O. A.	Dialogue of cultures: on experience of translating Bernardin de Saint-Pierre's journey to russia (voyage en Russie)	599

RUSSIAN HISTORY

7	Kolobova A. V.	Socialist competition and shock work at food industry enterprises in Leningrad in 1929–1935	607
8	Vorob'ev D. A.	Establishing legal base for underground movement of Leningrad region in second half of 1941	614
9	Moshnik Yu. I.	"When I leave here again for my homeland". repatriation of ingrian finns displaced to Finland to USSR in 1944–1945 (based on collection of letters from Leningrad region state archive in Vyborg)	626
10	Pavlovskaya A. Y.	Siege diary and memory of war in 1950s–1970s: stages of archiving and canonization of egodocuments in public discourse	637
11	Pavlovskiy A. F.	Blockade and computer: "digital imagination" in the memory of the great patriotic war in the 1980s?	646
12	Bozhichko V. V.	Budget survey documents as source for studying everyday life of collective farmers in 1945–1955	652
13	Obolonskaya E. V.,
Soloviev M. M.,
Blinova A. V.	Scientific and technical collection of mining museum as reflection of Motovilikha cannon factory's history (1863–1900)	660

ARCHAEOLOGY

14	Kolpakova Yu. V.	Cross with st. Sergius of Radonezh image (?) from excavations of 1986 in Pskov	671

WORLD HISTORY

15	Bragova A. M.	<i>Intellegentia</i> concept in Cicero's interpretation	678

ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

16	Yurchuk L. A.	Koliadkas in christmas rituals (Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye regions)	685

RUSSIAN LANGUAGE, LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

17	Xin Luming	Frame "single person" in the russian language consciousness: linguocognitive approach	694
18	Wu Manhua	Semantics and functioning of the noun «dilettante» in modern russian language	704
19	Makarov V. I.	"LET'S MAKE A DEAL", or about a linguistic mask of bribery	711

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

20	Reshtanenko A. A.	Creolized text as an element of scientific discourse	720
21	Zaika V. I.,
Yashina D. S.	Educational secondary text: concept content	729
22	Sitko Yu. L.	System of signs by Charles Sanders Peirce as his Reflection of Study About Categories and Predicabilia: Ideas of the Middle Ages and the Modern Period	744

Гавра Д. П., Быкова Е. В.

ПРОШЛОЕ КАК РЕФЛЕКСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСТОЯЩЕГО: М. С. ГОРБАЧЕВ В ПОСМЕРТНЫХ КОММЕНТАРИЯХ РОССИЙСКОЙ ОНЛАЙН-АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье анализируются комментарии пользователей российских социальных сетей в качестве массовой реакции на официальное сообщение о смерти Михаила Горбачева на Первом канале Российского телевидения в первые сутки 31.08.2022. Комментарии собраны в датасет с помощью программы Semantic Force. Эмпирическая база включает 2 528 комментариев к репостам официального сообщения на каналах vk.com, t.me, youtube.com, zen.yandex.ru, livejournal.com, 1sn.ru, otvet.mail.ru, odnoklassniki.ru. Анализ реакции на смерть национального лидера прошлого является изучением феномена смерти и её связи с политическими эффектами и природой властвования, дает информацию о текущем состоянии массового сознания в русле социологии массовой коммуникации и социологии памяти. Принцип отбора единиц для лексико-семантического анализа комментариев: номинации политика (136 неповторяющихся единиц). Проанализированные комментарии являются примером бинарной оппозиции сторонников и противников политика, комментариев с нейтральной тональностью в датасете не обнаружено.

Ключевые слова: рефлексия политического прошлого, кончина национального лидера, М. С. Горбачев, социальные сети, комментарии, социология медиакommunikации, социология памяти

Для цитирования: Гавра Д. П., Быкова Е. В. (2023). Прошлое как рефлексия политического настоящего: М. С. Горбачев в посмертных комментариях российской онлайн-аудитории // Ученые записки НовГУ. 6(51). 550-562. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).550-562

Смерть национального лидера прошлых периодов, внесшего значительный вклад в социальную или политическую динамику государства, всегда вызывает массовую эмоцию. Если эта динамика была сопряжена с тектоническими сдвигами в государственном устройстве, а тем более с социальными потрясениями, конфликтами, войнами, сменой политического режима, национальным триумфом или национальным унижением, эта эмоция приобретает особенно острый и поляризованный характер. Даже если этот лидер давно отошел от дел и не был в поле публичной политики, если его имя было на периферии актуального сознания людей, факт ухода вновь возвращает лидера в публичное пространство и ставит в центр общественных дискуссий. Из полузабытого героя/антигероя прошлого, персонажа воспоминаний и учебников истории ушедший лидер превращается в ньюсмейкера сегодняшнего дня. Он ненадолго снова становится нашим современником в том плане, что его снова обсуждают, вокруг его имени снова сталкиваются мнения. Но дело не только в этом. Умерший лидер на какой-то период становится актуальным современником потому, что его смерть дала толчок не столько к рефлексии прошлого, сколько к обсуждению настоящего и будущего в контексте связанного с ним (лидером) прошлого. Именно поэтому мы полагаем, что анализ реакции массовой аудитории на официальную информацию о смерти национального лидера в методологическом плане дает исследователю особый инструмент понимания актуальных глубинных общественных настроений, познание которых традиционными методами опросов общественного мнения или контент-анализа содержания социальных сетей затруднено. Особенно важно использование данного методологического инструмента для решения исследовательских задач социологии памяти и социологии массовых

коммуникаций. Традиционные социологические методы являются особенно проблемными в ситуациях общественного напряжения и информационно-психологического давления на массовое сознание. В таких ситуациях индивидуальные коммуникативные акторы дают социологам социально одобряемые ответы и вводят режим самоцензуры применительно к тем событиям и информационным поводам, неконвенциональное выражение отношения к которым создает риски для их социального рейтинга или понимаемой в широком плане безопасности. Они предпочитают выбирать режим коммуникативного молчания в сенситивных сферах и переносят свои активности в сферу коммуникации вокруг обыденных повседневных практик. Однако, когда появляется такой относительно неактуальный, а значит, воспринимаемый скорее безопасным повод, как смерть политического героя прошлого, этот повод позволяет высвободить те оценки настоящего, которые формально могут опознаваться как оценки прошлого.

Почему эти оценки становятся в большей степени оценками настоящего, чем оценки прошлого? Потому, что эти оценки пишутся человеком сегодняшнего дня, с его сегодняшним социальным статусом, эмоциональным состоянием и оценкой актуальной жизненной ситуации. Причем последняя, что очевидно, не является исключительно следствием того, что умерший лидер совершил когда-то, это еще и результат того, что происходит с человеком сегодня, здесь и сейчас. Именно об этом говорят работы по социологии памяти [Мысливец, 2018; Сеницына, 2008; Coser, 1999; Zerubavel, 1996]. В этом контексте, как мы полагаем, анализ массовой реакции на смерть национального лидера прошлого может дать богатую информацию о текущем состоянии массового сознания, а не просто еще раз охарактеризовать ушедшую политическую фигуру и ее эпоху в русле социологии массовой коммуникации.

М. С. Горбачев, первый и последний президент СССР, «архитектор перестройки» и в известной степени автор или по меньшей мере полноправный соавтор карты современной Европы, несомненно, относится к тем лидерам, о которых мы вели речь во введении к настоящей статье. Его не очень долгое, менее, чем семилетнее пребывание у власти породило колоссальные изменения как в геополитическом устройстве мира, так и в судьбах десятков миллионов людей на просторах бывшего СССР и вокруг него. Поэтому его кончина не могла не вызвать массового отклика и своеобразной эмоциональной бури по обе стороны «железного занавеса», который он так старался разрушить. Именно поэтому мы и обратились к анализу реакции российских пользователей социальных сетей на официальное сообщение о смерти М. С. Горбачева. Отметим при этом, что также собрана аналогичная информация по США, Великобритании и Германии. Но это предмет отдельного анализа.

Мифологизация известной личности происходит в течение всего его жизненного пути и особенно ярко проявляется после его кончины. По словам Ю. М. Лотмана «смерть выводит личность из пространства, отведенного для жизни: из области исторического и социального личность переходит в сферы вечного и неизменного. <...> Она (смерть) становится как бы зеркалом жизни, с той только поправкой, что отражение здесь не пассивно: каждая культура по-своему отражается в созданной ею концепции смерти, а смерть бросает свое зловещее или героическое отражение на каждую культуру [Лотман, 2022, с. 210]. Смерть как концепт хранит первичные культурные коды, которые почти в неизменном виде встречаются и в современном

культурном общении, что трактуется как свидетельство вневременной устойчивости народной ментальности (Леви-Брюль, 1994). Как пишет И. Ерофеева: «В российской модели мира категория «смерть» всегда была тем, к чему обязательно полагается смысл. С одной стороны, смерть внеположена собственно культурному бытию и запредельна к нему, с другой стороны, она оказывает воздействие на кристаллизацию ценностей, делает осмысленным человеческое бытие, разворачивая его в разных аксиологических направлениях, но к единому концу [Ерофеева, 2017, с. 85]. Нельзя не согласиться с Д. Е. Москвиным в том, что «... понимание феномена медийного дискурса смерти возможно через реконструкцию выстраивания отношений смерти и власти, а теперь, очевидно, власти и медиа. СМИ определяют значимость и знаковость той или иной смерти, определяют порядок в виртуализированном царстве мёртвых, устанавливают, кого следует помнить, кого предать забвению. ... Физическое умирание, таким образом, перестало быть таинством (духовным и властным), но оно должно быть рассмотрено через призмы объективов, превращено в со-бытийность, включено в порядок и ход вещей» [Москвин, 2007, с.22].

Медийный дискурс смерти лидера или знаменитости имеет тотальный характер. Стоит вспомнить дни, когда всё медийное пространство заполняется репрезентацией чьей-то смерти: похороны официальных лиц – Шарля де Голля, Нельсона Манделы, принцессы Дианы, королевы Елизаветы II, в России – первого президента России Б. Н. Ельцина, лидера ЛДПР В. В. Жириновского, оппозиционного политика Б. Е. Немцова. В этом же ряду назовем похороны медийных звёзд (М. Джексона, В. Листьева). Не случайно современную ситуацию называют Новым Средневековьем, когда публичная казнь или смерть были главным зрелищем, становилось городским событием и сопровождалось массовым стечением народа.

Сегодня эти события перетекали в цифровое пространство социальных сетей, в которых рядовые пользователи получают возможность еще раз вернуться к своим жизненным перипетиям и переживаниям во времена пребывания умершего политического лидера у власти и выплеснуть в его адрес свои сегодняшние эмоции. А если автором комментария является молодой человек, не живший в те времена, он опирается на воспоминания и эмоции близких, на ту мифологию прошлого, которая сформировалась в его социальном окружении. При этом, повторим, пользователь, пишущий комментарий, если он к тому же находится в неблагоприятной жизненной ситуации, получает возможность еще раз снять с себя ответственность за это и возложить ее на ушедшего политика. С другой стороны, для той части аудитории, у которой социальная траектория была успешной, умерший лидер, напротив, рассматривается как своеобразный соавтор его жизненного успеха. В структуре аудиторий, пишущих комментарии на смерть значимой фигуры политического прошлого, есть и еще одна значимая группа. Это люди, успешные в эпоху ушедшего лидера, которых новая эпоха низвергла или отправила на обочину политической и социальной жизни. Для них смерть лидера – значимый повод не только для ностальгии по ушедшему политическому режиму, но и для критики режима нынешнего. Вспоминая Ги Дебора, отметим, что «общество спектакля», вобравшего в себя все составляющие жизни человека от рождения до смерти, проявляется в том, что одних персон провожают как актеров аплодисментами, других освистывают: «Даже покойников просят сыграть маленькую сценку перед фотографами, телевидением и

толпой» [Брюнелен, 2001, с. 213].

Максима спартанского политика и поэта Хилона «О мертвых или хорошо, или ничего» в социально-политическом плане оценивалось неоднозначно и не стала руководством в отечественном политическом дискурсе. Широко известно, например, высказывание князя В. Ф. Одоевского: «...Нам так часто повторяют, и сами мы повторяем: *De mortuis aut bene, aut nihil*, что совестно спросить: да есть ли смысл в этой фразе? — Никто из нас, кажется, и не подумал, что если бы эта фраза была справедлива, то вся история должна бы состоять из панегириков. ... Неужели можно хвалить или молчать относительно зла, сделанного, например, в Русской литературе Булгариными и Сенковскими, или например, Аракчеевыми для целой России? — Знаменитое присловье надобно переделать так: *De mortuis seu veritas, seu nihil*. Это так. Ложь или даже подозрение против живого неопасны, — он сам огрызается; ложь, неопределенное подозрение против мертвого позорны. Но правда и против мертвого, и против живого — дело святое» (*Полная цитата в: Прим. 1*).

И в этом плане особый исследовательский интерес представляет массовая сетевая реакция на смерть лидеров, оставивших противоречивый след в истории своих стран, тех, которые и при жизни для одних были объектом уважения и даже поклонения, а для других — объектом негативных эмоций вплоть до ненависти. Это безусловно относится к М. С. Горбачеву, сетевой реакции на смерть которого посвящена настоящая статья. Данная реакция на уход из жизни первого и последнего президента СССР, официальное сообщение о котором прошло по всем федеральным каналам 31.08.2022, в комментариях подписчиков схожа с реакцией британцев на смерть Маргарет Тетчер (12.04.2013). Об этом можно судить по анализу российских комментаторов: «Читала про смерть Мадлен Олбрайт, Маргарет Тетчер — такие же почти как у Горбатого. Царство небесное! Маргарет Тэтчер заждалась». Анализ комментариев некрологов в массмедиа по поводу смерти М. Тетчер показал, что в британской истории, пожалуй, еще не было политика, который и при жизни, и после смерти вызывал у своих сограждан настолько разные эмоции (*Прим. 2, 6*). На следующий день после смерти Маргарет Тэтчер британские газеты вышли с заголовками от "Женщина, которая спасла Британию" (*Daily Mail*) до "Шотландия не забудет и не простит" (*Daily Record*) и "Ликуйте!" (*Socialist Worker*) (*Прим. 3*). При этом интересно, что именно М. Тэтчер открыла для Запада Михаила Горбачева, назвав советского лидера человеком, с которым "можно иметь дело" (*Прим 4*). Она по праву считается наряду с Рональдом Рейганом величайшим архитектором победы в Холодной войне. «В XX в. в политических коммуникациях и в теории информационно-психологической войны появилась аргументированная технология «управляемой ненависти» [Ерофеева, 2017, с. 80], поскольку в связи со смертью возникает прошлое, а иногда и будущее остающихся. И вот здесь находится тот водораздел, по которому все комментарии относительно смерти политика поляризуются. И эта поляризация сегодняшних позиций авторов комментариев — факт сегодняшнего дня. Не позавчерашнего. И соответственно анализ этих комментариев способен дать информацию о том, что происходит в массовом сознании сегодняшнего дня в привязке к актуальной социально-политической ситуации.

В подчеркивании отчуждающих различий между людьми или социальными группами актуализируется фундаментальная для политического дискурса

семантическая оппозиция «свой-чужой», отражающая принадлежность коммуникантов к тем или иным социальным и политическим группам, что проявляется в речевом поведении субъектов коммуникации в комментировании события, где самой частой речевой формой становится навешивание ярлыков.

Ярлык – единица коммуникативного злоупотребления. Ярлык является прототипным для политического дискурса видом инвективы, для которой характерна идеологизированность, субъективность и предубежденность [Шейгал, 2000]. Просто по Н. В. Гоголю: «Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырублится топором» (Гоголь Н. В. «Мертвые души»).

Опасность ярлыков в том, что входя в широкий обиход благодаря средствам массовой информации, они приживаются надолго, становятся привычными, повседневными словами, порой замещая, вытесняя смежные, но менее агрессивные понятия [Демидов 2007, с. 117], влияют на формирование общественной оценки тех аудиторий, которые не являлись и/или не являются свидетелями событий оцениваемой эпох. Негативные оценки, передаваемые с помощью пейоративной лексики, нередко заменяют логическую аргументацию, точнее, будучи рассчитанными на эмоциональное восприятие, сами приобретают характер аргументов [Демидов 2007, с. 119]. Пейоративная лексика часто приобретает просторечно-сниженную тональность. Активно используется разговорная, грубая, бранная лексика, отличающаяся высокой экспрессивностью, отражающая накал политических страстей в обществе [Демидов 2007, с. 120]. Негативное отношение к личности покойного политика проявляется в вербальной агрессии комментаторов. «...Вербальная агрессия имеет не только ярко выраженную национально-культурную специфику, но также и специфична в разных речевых сферах: бытовом, производственном, военном, педагогическом, политическом дискурсах». По наблюдению Е. И. Шейгал, в политическом дискурсе преобладает критика субъекта «за глаза», в общении с третьим лицом или массовой аудиторией [Шейгал, 1999, с. 204]. В речи агрессия проявляется в модальности категоричности, в тональности пренебрежения, грубости, презрения [Жельвис 1997, с. 74] и выражается в инвективной и пейоративной лексике.

Целью исследования выступало выявление лексико-семантических групп ярлыков М. С. Горбачева, появившихся в социальных сетях после сообщения о его смерти, и увязка ярлыков с социально-культурными параметрами комментаторов. (Дата: 31.08.2022. 1sn.ru (461) Первый канал: *На 92-м году жизни после продолжительной болезни скончался Михаил Горбачев.* (https://www.1tv.ru/news/2022-08-31/436820-na_92_m_godu_zhizni_posle_prodolzhitelnoy_bolezni_skonchalsya_mihail_gorbachev). Эмпирической базой выступили 2 528 комментариев в репостах на следующих каналах: vk.com (61091) , t.me (17025), youtube.com (15605), zen.yandex.ru (1156), livejournal.com (757) ,1sn.ru (461), otvet.mail.ru (352), odnoklassniki.ru (205). Принцип отбора лексических единиц для анализа: номинации субъекта. Общее количество

сообщений в датасете, собранных с помощью программы Semantic Force, 100000 единиц. Из извлеченного массива медиатекстов вручную удалены случайные материалы, не имеющие отношения к теме.

Рабочие гипотезы были таковы:

1. Лексико-семантическое поле вокруг личности М. С. Горбачева, образованное российскими пользователями после сообщения о его кончине, является поляризованным.
2. В континууме выявленных лексем негативно окрашенные номинации доминируют над позитивно окрашенными.
3. Лексика позитивно окрашенных номинаций тяготеет к публицистическому или официально-деловому стилям.
4. Негативно окрашенные лексемы относятся к обиходно-бытовой, разговорной или бранной, в том числе пейоративной лексике.

В исследуемом массиве комментариев выявлено 50 позитивно и 86 негативно окрашенных лексем, относящихся к личности М. С. Горбачева. Таким образом первая и вторая гипотезы получили свое подтверждение. На основании тематического критерия мы сформировали лексико-семантические группы и проанализировали их в порядке убывания количества единиц в группе.

Для проверки третьей гипотезы обратимся к ЛСГ с позитивным значением, выявленным в комментариях пользователей российских социальных сетей к сообщению о кончине М. С. Горбачева. В блоке этих номинаций в порядке убывания выявлено несколько лексико-семантических групп:

- ЛСГ, связанные с категориями уникальности и превосходных личных и политических качеств, замкнутые на оценку «лучший»: лучший правитель, лучший из всех советских лидеров, нереальный президент, человек-Легенда, яркий был президент, единственный порядочный интеллигентный руководитель, единственный правитель России, который поставил интересы народа выше желания властвовать вечно, самый адекватный президент, был одним из самых ярких российских политиков, последний из Могикиан;

- ЛСГ, связанные с категорией «величие»: ВЕЛИКОМУ президенту, величайший человек, Великий Михаил Сергеевич, величайший политик XX века, великий человек, Величайший политик 20 века, самый могущественный генеральный секретарь;

- ЛСГ, связанные с категорией «гениальность»: гениальный, гениальный политик современности;

- ЛСГ, связанные с категориями демократии и патриотизма: чемпион демократии, сын своего народа;

- ЛСГ бытовизмов с позитивной коннотацией: настоящий мужик, хороший мужик, хороший комбайнер и отличный муж, симпатичный мужик.

Анализ ЛСГ с позитивным значением позволяет сделать вывод о том, что четвертая гипотеза подтвердилась: позитивно окрашенные лексемы тяготеют к публицистическому или официально-деловому стилям. Смысловое наполнение позитивных номинаций – *«гениальный политик современности», «адекватный президент», «величайший политик XX века», «интеллигентный руководитель», «лучший из лидеров», «могущественный генеральный секретарь», «правитель*

России, который поставил интересы народа выше желания властвовать вечно», и т.д. и т.п. говорит о том, что субъектами, сформулировавшими эти номинации, были пользователи сети, на рабочем уровне владеющие официально-деловым или публицистическим стилем и, видимо, в большинстве своем имеющие высшее образование. И это вывод не опровергают даже позитивно окрашенные бытовизмы, где преобладает номинация «хороший мужик». Само слово «мужик» в российской культуре и обыденной коммуникации конца XX – начала XXI века означает не крестьянское происхождение и низшую позицию в дихотомии «барин – мужик», а в позитивном ключе означает настоящего мужчину, человека, принадлежащего к близкому кругу.

Для проверки четвертой гипотезы обратимся к анализу негативных ЛСГ. Как мы уже говорили, обсуждая факт подтверждения второй гипотезы, количество и, что не менее важно, предметно-тематический и метафорический спектр негативных номинаций, представленных в комментариях пользователей российских социальных сетей, оказался гораздо более широким и диверсифицированным.

На первом месте по частотности в ряду негативных номинаций ушедшего политика стоят разные версии номинации «предатель», на втором – зоонимы, на третьем – номинации, отсылающие к связи с нечистой силой, на четвертом – библеизмы с негативной коннотацией, на пятом – отсылки к категории непорядочного человека/мошенника.

ЛСГ «предатель» в разной лексической экспликации занимает первое по частотности место: *предатель Советского НаРОДа главный предатель подлый предатель, предатель Родины, вор и предатель, первый предатель Родины, меченый предатель, Генеральный лицемер, меченый предатель*. «Самое главное недовольство вызывала внешняя политика Горбачёва, сдача наших позиций перед Западом, односторонние обязательства перед ним, которые вели к подрыву статуса Советского Союза как великой державы» (Прим.4). В публичном дискурсе конца 80-х-90-х обвинение М. Горбачева в сознательном развале Советского Союза было достаточно распространенным. Отголоски этой позиции одновременно с негативным отношением к Западу и западным ценностям вполне ожидаемо присутствуют в комментариях осени 2022 г., когда этот «обобщенный Запад» вел активную прокси-войну против России. Это и определяет широкое тематическое поле, образованное вокруг лексемы «предатель»: *резидент абвера, иностранный агент, агент спецслужб Запада, америкосовская подстилка, настоящий враг народа, агент «Комитета 300», рожа жидомасонская, засланный казачок, масон, американский агент, незаконно разваливший Советский Союз, главный тайный резидент от США, это для запада он герой, меченый нобелевский медалист, место которому на виселице*.

На втором месте по частности в комментариях представлены ЛСГ зоонимов, которые на культурно-архетипическом уровне обычно классифицируются по критерию верх/низ и ассоциируются с образом умного/сильного человека или слабого/вероломного/низкого человека. Типичный объект негативной зоонимической метафоры – политический оппонент, враг [Будаев, Тихонов 2016]. Зооним зачастую имеет пейоративную оценочность и становится средством выражения однозначно негативного отношения к субъекту посредством устойчивой ассоциации: дикие

животные (шакалы и гиены), домашние животные (свинья, козел), мелкие животные-грызуны (мыши, крысы), птицы (ворона), насекомые (муха, таракан, вошь, блоха, клоп) [Вепрева, 2023, с.21; Гура, 1997].

В исследуемом эмпирическом материале типы пейоративных зоонимов представлены следующими лексемами: *шакал; псина, собака поганая, немецкая овчарка, козёл, пятнистый козел; крыса; голубь с помойки; гнида, вошь лобковая, бесхребетный слизень, гад, гаденыш*. Отметим, что в целом в российской культуре зооним «собака» не имеет однозначной негативной окраски (например: верный, как собака), поэтому авторы комментариев используют его с разветвленным по стилистической маркированности синонимическим рядом с актуализированной негативной градацией: нейтральное стилистически слово собака/псина усиливают негативное значение лексемы с помощью прилагательных поганая, немецкая. Кроме того, зоонимический ряд дополняют гиперонимы в пейоративной функции: *скотина, политическое быдло, скот бесполезный, тварь, тварь паскудная, животное, убившее миллионы шкура, падаль, падаль продажная*.

Третье место по частотности занимают ЛСГ, обозначающие нечистую силу: *старый упырь, чудище, чёрт, старый вурдалак, кощей, бес, черт меченый*.

Четвертое место занимают ЛСГ библеизмов: *раб Антихриста, Иуда, сатана, сатана в облике человека, слуга мамоны, демон, Меченый на челе дьяволом, большой грешник, ирод*. Авторы комментариев, используя данную лексику, причисляют субъекта сравнения к силам «мирового Зла». С нашей точки зрения, эти номинации при всей их эмоциональной нагруженности не в полной мере опираются на знание и понимание их авторами экстралингвистического контекста периода перестройки. Как известно, именно при М. Горбачеве произошло два знаковых для новейшей истории Русской Православной Церкви события: празднование тысячелетнего юбилея Крещения Руси (1988) и принятие «Закона о свободе совести и религиозных организаций» (1990) Горбачев назвал Крещение Руси «знаменательной вехой на многовековом пути развития отечественной истории, культуры и русской государственности» (Прим. 5). «Закон о свободе совести и вероисповеданий», принятый менее чем за год до смещения Горбачева с его поста, – 1 октября 1990 г., стал еще одной вехой церковного возрождения. Но лексический ряд, примененный комментаторами в 2022 г., еще раз подчеркнем, очень сильный для российской культурной традиции, очевидно связан не с обобщением фактов церковной истории тридцатилетней давности, а с личным непосредственным или опосредованным эмоциональным опытом эпохи М. С. Горбачева и ее последствиями.

Замыкает негативный ряд лексика со значением «мошенник» – *мошенник, шельма, пройдоха*.

Статистически значимыми среди лексем с негативным значением, стали ЛСГ с характеристиками личности (1); ЛСГ с оценкой профессионально-политического и ценностно-политического характера (2); ЛСГ традиционных бытовых инвектив (3).

В первую группу входят:

- **лексико-семантическая группа (ЛСГ) со значением физиологической неполноценности** (наличие родимого пятна, особой метки на лице) - *уродец, горбач, меченная мразь, плешивый, урод, старое пятнистое чмо, урод, горбатый, меченый*

предатель, меченый чёрт меченый Горбач проклятый, позорное пятно в истории России, Мишка меченый;

- **ЛСГ интеллектуальной слабости:** *интеллектуальный кретин, идиотище, глупый, недалёковидный, полная бездарность, ничтожный и бездарный по своей сути человек;*

- **ЛСГ морально-волевой слабости и ущербности:** *слабый человек, подкаблучник, подкаблучник Раисы, моральный урод, трус, негодяй, пройдоха, моральный подонок.*

Во вторую группу входят ЛСГ:

- **ЛСГ со значением политической слабости:** *пустышка, болтун первой степени, непонятный говорильник, подкаблучник штатов, никакой защитник СССР, царь провалившийся;*

- **ЛСГ со значением человека не на своем месте:** *комбайнер из Ставрополя, бестолковый комбайнёр, мелкий аграрный деятель;*

- **ЛСГ со значением разрушителя великой страны:** *разрушитель и убийца великого народа, уничтожитель русского народа и российского государства, Герострат СССР, губитель Союза, черная полоса Родины, человек, лишивший всех нас Великой Родины;*

- **ЛСГ злодея, кровавого убийцы:** *страшный человек, злодей, злодей высшей марки, Чикатило всего трудового, доверчивого, советского народа, кровавый правитель самый смертоносный, кровавый предатель, убийца, кровавый диктатор.*

В третью группу входят:

- **ЛСГ, основанные на негативной манипуляции с именем и фамилией политика:** *дедушка Горбачев, Михаил Меченый, Мишаня, Миха, меченый Мишка, Мойша Гербер.*

- **ЛСГ прямых пейоративных номинаций:** *суконец, колхозная чмоха, тварюга, падла, шельма, шваль, сволочь, мерзавец, погань, мразь, подонок, ублюдок, выродок, ублюдок пятнистый, и т.п.*

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что четвертая гипотеза получила свое подтверждение. Не только бытовые инвективы, но и лексемы в большинстве других ЛСГ тяготеют к просторечной и пейоративной лексике. Это является косвенным подтверждением того, что в базе своей пользователи российских социальных сетей, выражавшие негативное отношение к только что скончавшемуся последнему Президенту СССР, принадлежат скорее к средней и низшей стратам российского социума, для которых такая лексика является базовой не только в повседневных социальных практиках, но и в сетевой онлайн коммуникации.

Проведенное исследование в целом подтвердило наш базовый тезис о том, что комментарии пользователей социальных сетей, посвященные смерти национального лидера прошлого, являются важной и информативной эмпирической базой, позволяющей даже в сложных текущих условиях цензуры и самоцензуры более точно выявлять текущие социальные настроения, чем с опорой на комментарии актуальных и острых политических событий. По поводу лидера прошлого могут высказываться даже «молчуны», в силу социального опыта или занимаемой должностной или

профессиональной позиции опасаясь высказывать такие оценки текущей политической ситуации, которые в чем-то не совпадают с политическим мейнстримом. В пользу такого вывода говорит не только большое количество и широкая полифония комментариев, но и используемая комментаторами лексика, в том числе остро пейоративная, применять которую по отношению к лидеру прошлого авторам комментариев оказывается легче и, видимо кажется безопаснее, чем по отношению к амбивалентным информационным поводам текущего политического настоящего.

Во-вторых, исследование скорее имплицитно, чем эксплицитно, подтвердило второй наш тезис о том, что анализ комментариев на смерть противоречивого национального лидера или государственного деятеля прошлого дает характеристику не столько этого лидера или его исторического периода, сколько картину текущего состояния социально-психологического статуса и социального благополучия авторов комментариев и – шире – текущего состояния общественных настроений. И это может считаться важным методологическим результатом для эмпирической социологии массовых коммуникаций. Разумеется, поводом высказывания является кончина героя/антигероя прошлого, текущий статус и текущие настроения трактуются авторами комментариев в контексте влияния ушедшего лидера на сегодняшнюю жизнь. И тем не менее, это сегодняшние высказывания сегодняшних людей. И мотив высказаться здесь и сейчас – не столько неудачи или удачи прошлого, сколько проекция сегодняшнего статуса и настроений на это прошлое и вину/заслуги лидера.

В-третьих, подтвердились базовые гипотезы среднего уровня, связанные с анализом эмпирического материала. Поле номинаций М. С. Горбачева, сформулированных российскими пользователями после сообщения о его кончине, является поляризованным, причем негативно окрашенные номинации доминируют над позитивно окрашенными. О чем это говорит в социологическом плане – предмет отдельного исследования, лежащего в поле социологии памяти. Мы не можем только на основе полученных результатов сделать однозначный вывод о том, что в национальной памяти фигура М. С. Горбачева окрашена в негативные тона. Этот ответ могут дать репрезентативные опросы общественного мнения. Но результат исследования говорит о том, что среди пользователей российских социальных сетей факт кончины М. С. Горбачева в большей степени породил мотив высказаться у тех, кто относится к нему и его правлению негативно. Более того, сама преимущественно использованная в негативных комментариях лексика – жесткая и тяготеющая к пейоративной – свидетельствует о том, что среди подвыборки негативно ориентированных комментаторов преобладают испытывающие к фигуре М. С. Горбачеву стойкую эмоционально окрашенную неприязнь. Также используемая просторечная лексика позволяет предположить, что среди авторов негативных комментариев преобладают представители средних и средних-низших социальных страт. При этом предметно-содержательная структура негативных номинаций ушедшего лидера является крайне диверсифицированной. В ней представлены все уровни – от высшего (архетипического и библейского) до низшего (прямые инвективы) и широкий спектр предметных номинаций.

Анализ выявленных речевых форм с выражением оценки продемонстрировал явный перевес в сторону негатива с актуализированной эмоциональной составляющей со значением злорадства, презрения уничижения. Аргументация выражения

негативной оценки с одной стороны опирается на личную сферу пишущего, с другой – носит генерализированный характер (от «он все развалил» до «он всех освободил»). Выражение позитивной оценки (первый Президент, великий политик) сопровождается аргументацией с выражением благодарности, затрагивающей личную сферу пишущего (открыл нам границы, позволил мне уехать и т.п.).

Анализ позитивных номинаций позволяет сделать вывод о том, что авторы соответствующих комментариев преимущественно пользуются публицистическим или официально-деловым стилями, что дает основание предполагать их более высокий социальный и культурно-образовательный статус. Предметно-содержательная структура позитивных номинаций является менее развитой по сравнению с соответствующей структурой негативных номинаций, хотя в ней также представлены все три уровня – от экзистенциального до обыденного.

Примечания

1. "РУССКИЙ АРХИВЪ" 1873 года, материал "Изъ бумагъ князя В.Ф. Одоевскаго"
2. Петр Мультатули ЗАГАДКА ГОРБАЧЁВА: ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ РЕФОРМАТОР https://tsargrad.tv/articles/mify-o-pervom-i-poslednem-prezidente-sssr_102497 (25.12. 2017).
3. Обзор некрологов: "железная леди" Маргарет Тэтчер <https://ria.ru/20130408/931577141.html>
4. Стоит ли радоваться смерти Тэтчер? <https://russellab.livejournal.com/599565.html>.
5. Иван СУПОНЕВ, Кирилл БРАГИН. При Горбачеве Церкви дали свободу и не потребовали ничего взамен <https://www.miloserdie.ru/article/pochemu-gorachev-razreshil-czerkov/>.
6. Маргарет Тэтчер - антикумир молодежи <https://ria.ru/20130409/931726617.html> (09.04.2013).

Литература

- Брюнелен Андре Жан Габен (2001). *Андре Брюнелен*. Москва, Искусство, 222.
- Будаев Э. В., Тихонов В. В. (2016). Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США. *Политическая лингвистика*, 2 (56), 43–49.
- Гура А. В. (1997). *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва, Индрик, 912.
- Демидов О. В. (2007). Инвективные высказывания в речи политического деятеля. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1, 112-120.
- Ерофеева И. В. (2017). Смерть как терминальная аргументация современного медиатекста. *Вопросы теории и практики журналистики*, Т. 6, 1, 77–90.
- Жельвис В. И. (1997). *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема*. Москва, Лодомир, 328.
- Вепрева И., Яо Цзясюй (2023). Зоометафоры в российском политическом дискурсе, связанные с топосами грязи и мусора. *Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы*, 11, 1 (21), 31–50.
- Леви-Брюль Л. (1994). *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Москва, Педагогика-Пресс, 602.
- Лотман Ю. М. (1994). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург, Искусство, 399.
- Москвин Д. Е. (2007). Политическая танатология: методологические наброски. *Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады второй международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Жана Бодрийяра*. Екатеринбург: издательский Дом «Дискурс-Пи», 27–29.
- Мысливец Н. Л., Романов О. А. (2018). Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 18 (1), 9–19.
- Серебрякова А. Ю. (2021). Виды инвективной лексики в медийном дискурсе *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*, Т. 18, 4, 42–46. DOI: 10.14529/ling210406
- Синицина Н. А. (2008). *Историческая память как регулятив современной культуры:*

- социологический анализ: автореферат дис. ... кандидата социологических наук. Майкоп, 23.
- Чесноков И. И. (2014). Дискурсивная тактика поругания: косвенные формы объективации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 7 (92), 19–24.
- Шейгал Е. И. (1999). Вербальная агрессия в политическом дискурсе. *Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования*, 28, 204–222.
- Шейгал Е. И. (2000). *Семiotика политического дискурса*. Волгоград, Перемена, 367.
- Coser, L. A. (1992). *The revival of the sociology of culture: the case of collective memory*. In *Sociological Forum*, Eastern Sociological Society, 365–373.
- Zerubavel, E. (1996). Social memories: Steps to a sociology of the past. *Qualitative sociology*, 19, 283–299.

References

- Bryunelen A. Zhan Gaben (2001). *Andre Bryunelen* [André G. Brunelin]. Moscow, Iskusstvo, 222.
- Budaev E. H., Tikhonov V. V. (2016) Zoomorfnye metafory kak instrument konceptualizacii sirijского konflikta v SMI Rossii i SSHA [Zoomorphic metaphors as a tool for conceptualization of conflict in Syria in US and Russian mass media]. *Political Linguistics*, 2 (56), 43–49.
- Chesnokov I. I. (2014). Diskursivnaya taktika poruganiya kosvennye formy obektivacii [Discursive tactics of abuse: indirect forms of objectification]. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 7 (92), 19–24.
- Coser, L. A. (1992). *The revival of the sociology of culture: the case of collective memory*. In *Sociological Forum*, Eastern Sociological Society, 365–373.
- Demidov O. V. (2007). Invektivnye vyskazyvaniya v rechi politicheskogo deyatelya [Invective claims in the speech of policy-makers]. *Znak problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problem field of media education], 1, 112–120.
- Erofeeva I. V. (2017). Smert kak terminalnaya argumentaciya sovremennogo mediateksta [Death as terminal argumentation of the modern media text]. *Issues of theory and practice of journalism*, 6, 1, 77–90.
- Gura A. V. (1997). *Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii* [The symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik, 912.
- Levi Bryul L. (1994). Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika Press, 602.
- Lotman Y. M. (1994). *Besedy o russkoj kulture byt i tradicii russkogo dvoryanstva XVIII nachalo XIX veka* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo. 399.
- Moskvin D. E. (2007). Politicheskaya tanatologiya metodologicheskie nabroski [Political thanatology: methodological outlines]. *Diskursologiya metodologiya teoriya praktika* [Discourseology: methodology, theory, practice]. Ekaterinburg, Diskurs P, 27–29.
- Myslivec N. L., Romanov O. A. (2018). Istoricheskaya pamyat kak sociokulturnyj fenomen opyt sociologicheskoy rekonstrukcii [Historical memory as a sociocultural phenomenon: the experience of sociological reconstruction]. *RUDN Journal of Sociology*, 18 (1), 9–19.
- Serebryakova A. Yu. (2021). Vidy invektivnoj leksiki v medijnom diskurse [Types of invective vocabulary in media discourse]. *South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*, 18, 4, 42–46.
- Sinitsina N. A. (2008). *Istoricheskaya pamyat kak regulativ sovremennoj kultury sociologicheskij analiz* [Historical memory as a regulator of modern culture: sociological analysis]: abstract of PhD thesis. Maikop, 23.
- Sheigal E. I. (1999). Verbalnaya agressiya v politicheskom diskurse [Verbal aggression in political discourse]. *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Saratov, 28, 204–222.
- Sheigal E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena, 367.
- Vepreva I. Yao Czyasyuj (2023). Zoometafory v rossijskom politicheskom diskurse svyazannye s toposami gryazi i musora Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury [Zoometaphors in russian political discourse related to topos of dirt and garbage]. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature], 11, 1 (21), 31–50.
- Zerubavel, E. (1996). Social memories: Steps to a sociology of the past. *Qualitative sociology*, 19, 283–299.
- Zhelvis V. I. (1997). *Pole brani Skvernoslovie kak socialnaya problema* [Battlefield: foul language as a social

problem]. Moscow, 328.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 20.10.2023.
Принята к публикации 20.11.2023.

Об авторах

Гавра Дмитрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета, ORCID: 0000-0002-6536-9277; dpgavra@gmail.com

Быкова Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета, ORCID: 0000-0003-3842-8419; bykova2april@gmail.com

Gavra D. P., Bykova E. V.

THE PAST AS A REFLECTION OF THE POLITICAL PRESENT: M.S. GORBACHEV IN POSTHUMOUS COMMENTS BY THE RUSSIAN ONLINE AUDIENCE

Abstract: The article analyzes the comments from users of Russian social networks as a mass reaction to the official announcement of the Mikhail Gorbachev's death (the First Russian Television Channel; August 31, 2022) The dataset was collected using the Semantic Force program. The empirical base includes 2,528 comments to reposts on the channels vk.com, t.me, youtube.com, zen.yandex.ru, livejournal.com, 1sn.ru, otvet.mail.ru, odnoklassniki.ru. The simultaneous reaction to the past national leader death provides information about the current state of mass consciousness in line with the sociology of mass communication and the sociology of memory. Selection of units for lexical-semantic analysis of comments: nominations of a politician (136 non-repeating units). The comments are the binary opposition of supporters and opponents of the politician. Comments with a neutral tone were not found in the dataset.

Keywords: political past reflection, death of a national leader, M. S. Gorbachev, social networks, comments, sociology of media communications, sociology of memory

For citation: Gavra D. P., Bykova E. V. (2023). Past as reflection of political present: M. S. Gorbachev in posthumous comments by Russian online audience. *Memoirs of NovSU*, 6(51), 550-562. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).550-562

Ефимова О. В.

ОБРАЗ ШТИРЛИЦА В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ: КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Интернет-фольклор – это не только способ коммуникации пользователей, но и инструмент для популяризации образов, в том числе и литературных героев. Распространение тех или иных мемов – процесс интересный как с точки зрения социологии, культурологии, так и с точки зрения лингвистики.

Штирлиц – образ знаковый для отечественной культуры, ставший символом советской разведки. Интернет-мемы о данном герое последние годы активно распространяются пользователями сети. Интерес интернет-среды к данному персонажу, к телесериалу «Семнадцать мгновений весны» – любопытный феномен, который требует изучения.

В статье классифицированы мемы о советском разведчике Исаеве-Штирлице, проанализированы способы создания интернет-мемов о нем, обозначены основные причины интереса аудитории к данному герою в интернет-пространстве. Автор делает выводы об образе Штирлица, сформировавшемся в интернете посредством сетевого фольклора.

Ключевые слова: мем, Штирлиц, сетевой фольклор, «Семнадцать мгновений весны».

Для цитирования: Ефимова О.В. (2023). Образ Штирлица в интернет-мемах: культурно-лингвистический аспект // Ученые записки НовГУ, 6(51), 563-569. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).563-569

Мемы получили активное распространение с развитием интернета. Мемы – это «вирусные интернет-знаки, распространяющиеся от одного интернет-пользователя к другому» [Канашина, 2018, с. 125]. Мем обладает вирусностью и повторяемостью. Чаще всего он, состоит из визуальной и текстовой составляющих. Яркий визуал необходим для привлечения внимания, он позволяет «четко «считать» суть и информацию» [Изгарешва, 2020, с. 89]. Главная цель мема – отразить с иронией происходящие события и осмыслить их по-новому. Условно мемы можно разделить на такие виды: развлекательные, мемы-приветствия, поздравления, советы [Бударина, 2019] и пр.

Объектом исследования являются мемы вокруг культового персонажа Юлиана Семенова – Исаева-Штирлица. Штирлиц, образ яркий и запоминающийся, уже на протяжении полувека будоражит мысли и чувства разных поколений. Любопытно, что персонаж, созданный кинематографом в 70-е годы XX века, продолжает оставаться актуальным и привлекательным, в том числе и для молодежи. Именно этот феномен и является интересным для исследования: каким образом спустя столько лет мемы с персонажем полувековой давности активно распространяются по интернет-пространству.

В прошлом столетии анекдоты про Штирлица занимали огромную часть всех шуточных присказок в российском обществе. «Подсчеты по материалам личных дневников и эмигрантских собраний второй половины 70-х – первой половины 1980-х годов показывают, что на один анекдот о Брежневке приходится 2,5 анекдота о Штирлице» [Архипова, 2013, с. 9]. Сейчас ситуация несколько изменилась: анекдоты не так популярны в качестве разговорного жанра, однако альтернативой стали мемы в онлайн-пространстве. Так, образ Штирлица активно закрепился в мемах в интернет-среде. Об этом могут служить тысячи изображений, которые можно найти в Яндекс.

Картинках. По данным wordstat Яндекс, за июль 2023 года запрос «Штирлиц» был отправлен почти 95 тысяч раз, «Штирлиц анекдоты» запрашивали более 18 тысяч раз. Всё это свидетельствует о большом интересе интернет-аудитории к данному персонажу, популярности данного героя в сети. Это важно отметить, так как герои мемов – это узнаваемые личности, образы, которые хорошо известны интернет-пользователям.

При создании мемов существуют некоторые правила: «интернет-мем должен быть креативным, интересным, нестандартным, его идея – свежей и злободневной» [Изгарешва, 2020, с. 90]. Большинство мемов о Штирлице строится посредством креализованного текста: фото Штирлица из телесериала «Семнадцать мгновений весны» и текстовая часть. Их все можно отнести к развлекательным. Г. Н. Боева, изучая мемы о писателях, отмечала, что «непременное условие успешного восприятия мема, посвященного писателям, – культурная пресуппозиция» [Боева, 2022]. В нашем исследовании речь не идёт о писателях, однако семантический компонент играет большую роль во всех интернет-мемах о Штирлице.

Итак, исследуемые мемы можно разделить на несколько групп: мемы, посвященные происходящим в данный момент событиям; мемы, отсылающие нас к тексту книги (фильма); иронизирующие мемы о современном обществе; мемы в формате комикса на абсолютно разные темы; и группа, которая состоит из высказываний, отсылающих нас к известным фразам героя (ставшими устойчивыми и узнаваемыми в обществе).

Первая группа мемов посвящена актуальным в мире (стране) событиям. Например, пандемия не прошла мимо образа Штирлица. К стоп-кадру из фильма (сцена разговора Штирлица и Мюллера) создатели пририсовали маску на Мюллера, а также появилась подпись: *«Штирлиц, дружище...Почему вы ходите без маски?»*. В период коронавируса такой вопрос можно было услышать повсюду. Так, мем выражает эмоции пользователей в тот момент времени. Раздражительность общества в пандемию от масок вылилась в множество мемов, эта тема коснулась и героя Штирлица. В данном примере невербальный компонент равноценен вербальному.

Ещё один мем в период пандемии связан с вакцинацией: в интернет-среде было много споров о действенности вакцин. Мюллер и Штирлиц в диалоге мема обсуждают вакцинацию: *«– Группенфюрер, не желаете вакцинироваться новой русской вакциной «Спутник»? – Вы совсем оуели, Штирлиц! Может, сразу мне «Новичок» предложите?»*. В данном меме эмоциональность подчеркнута нецензурной лексикой, что часто свойственно интернет-творчеству. Вербальный компонент содержит отсылку к яду «Новичок», без знания этой информации мем не будет иметь смысла.

Другой пример из этой группы – мем, посвященный случаю с отравлением Скрипалей. Скандал был мирового масштаба, поэтому создатели интернет-мемов не упустили случая создать целый сюжет для мема с участием Штирлица. Невербальный элемент – Штирлиц сидит в кафе Элефант. Вербальный элемент: *«В кафе встретились Штирлиц и Скрипаль. Выпили за встречу по бутылке водки. Скрипаль упал под стол, и умер. «Новичок» - подумал Штирлиц»* (пунктуация автора сохранена). Перед нами не просто фраза, описывающая иллюстрацию, а целый небольшой сюжет. Ирония

создается с помощью игры слов: «новичок» как неопытный в каком-то вопросе, сфере деятельности человек и «новичок» как название яда, которым предположительно был отравлен Скрипаль. Обратим внимание, что мем содержит пунктуационные ошибки, что часто встречается в целом в данном виде медиатекстов. Добавим, что в данном примере именно вербальный компонент задает тон обращения, а невербальная составляющая является лишь дополнением для привлечения внимания, создания нужного впечатления.

Следующая группа мемов с иронией, часто с помощью языковой игры отсылает интернет-пользователей к тексту книги. Можно назвать эту группу креализованных текстов с погружением в пре-текст. Так, мем с фразой *«Штирлиц скомкал бумажку и бросил в унитаз. Бумажка попала в центр»* становится понятен только знатокам истории Штирлица. С помощью, можно сказать, лексической омонимии, каламбура, автор создает данный мем. Лексема «центр» обретает два значения: центр – это середина чего-то, а также Центр – разведывательное управление, куда Штирлиц отправлял шифровки. Хорошо узнаваемый фон для мемов (черно-белые полосы, идущие от центра), на котором изображен Штирлиц, уже стал привычным для различных мемов. Видимо, по задумке авторов, внимание реципиентов должен привлечь именно он, как уже стандартный в сети данного медиадискурса. Клиповость, которая свойственная интернет-мемам, в данном примере реализована как раз с помощью данного визуального компонента.

Ещё один пример мема данной группы, в котором с помощью сравнения автор достаточно жестко сопоставляет вылетевшую муху с «вылетевшим» в окно Плейшнером: *«Штирлиц сидел у открытого окна и писал отчет. Возле него назойливо жужжала муха, Штирлиц махнул рукой, муха вылетела в окно. «Совсем как Плейшнер», - подумал Штирлиц»*. Если не знать историю профессора Плейшнера, то мем теряет смысл и читатель может не понять аналогию, предложенную автором мема. В вербальной части мема можно отметить коллоквиализацию. Она выражается в использовании разговорного стиля («устно-письменная речь в интернете» [Лутовинова, 2008]): этому способствуют короткие предложения, состоящие в основном только из подлежащего и сказуемого. Невербальная часть мема содержит кадр из цветной версии телесериала, за Штирлицем видно окно (иллюстрирует вербальную часть).

Группа мемов, иронизирующих о современном обществе на разные темы, состоит из отсылок к тому, что беспокоит интернет-пользователей. Например, популярность коучей, которая была высока в определенное время, вылилась в такой мем: *«В дверь позвонили. – Кто? – поинтересовался Штирлиц. – Здесь задаем вопросы мы! – раздалось из-за двери. «Коучи» - подумал Штирлиц»*. Текстовая часть мема строится по принципу диалога, а также мысли Штирлица (опять с пунктуационными ошибками). Стоит отметить, что содержание диалога, отсылает нас к образу разведчика («задаем вопросы»), ведь на протяжении текста Штирлиц участвует в допросах, т.е. задает вопросы. Таким образом, для мема не просто так выбран образ именно Штирлица, он поддерживает текстовую часть и передает суть мема.

Ещё один пример, отсылающий к злободневной теме. Мюллер спрашивает у

Штирлица: «Крым чей?!» Помимо актуальной информации, мем содержит очень известную фразу из «Семнадцати мгновений весны»: «Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу». Этот прецедентный текст стал, наверное, самым узнаваемым в дискурсе о Штирлице. Данная фраза имеет огромную популярность в интернет-среде. Симбиоз этих составляющих делает мем узнаваемым, ярким и с долей юмора.

Отсылки к известным героям, прочно вошедшим в отечественный культурный код, также активно используются в мемах данной группы. Например, мемы, которые образовались вокруг кадра Шелленберга и Штирлица на фоне медной статуэтки лошади. Эти мемы отсылают нас к Новосельцеву из фильма «Служебный роман» (эпизод, в котором Новосельцев несет медного коня). «– Где-то я уже видел эту лошадь...-подумал Штирлиц. – Новосельцев принес, – ответил Шелленберг». В данном меме ирония достигается за счет фоновой памяти пользователей об эпизоде из «Служебного романа» и внедрении этого знания в контекст «Семнадцати мгновений весны». Такое абсурдное сочетание добавляет вербальной части мема комический эффект.

Формат комикса характерен в целом для интернет-мемов. «Подача контента в сериальном формате – бесспорный мейнстрим современной массовой культуры» [Шомова, 2021, с. 420]. Этот вариант медиатекста не обошел и мемы с участием Штирлица. Чаще всего в диалоге принимают участие Мюллер и Штирлиц. Можно сказать, что эти два персонажа самые представленные в интернет-мемах данной медиагруппы. Разговоры получаются на отвлеченные темы, которые интересны интернет-сообществу: от онлайн-игры «Танки» до самозанятости. В данной группе медиатекстов авторы могут использовать сниженную лексику («дебил»), а также нецензурную лексику для создания большей эмоциональности мема. Интернет-среда позволяет авторам выражаться свободно, и «стилистическая сниженность – одна из ключевых жанровых характеристик интернет-мема» [Канашина, 2018, с. 128].

Например, диалог: «– Штирлиц, говорят вы профи в «Танчиках»? Не желаете ли к нам в клан? Какой у вас ник? – «СТАЛИНА_НА_ВАС_НЕТ_41-45». – ???!!!». В данном меме автор отсылает к известной онлайн-игре, использует геймерскую лексику (клан, ник). Разведчик Штирлиц становится подходящим образом, чтобы передать заложенный юмор в данном меме: советский шпион в тылу врага сталкиваются с ником, отсылающим к советскому вождю. Некий оксюморон, лексический каламбур – эти вербальные и невербальные инструменты работают для создания необходимой реакции интернет-пользователей.

Или такой пример диалога Мюллера и Штирлица, наполненный сниженной лексикой: «– Как сегодня холодно, Штирлиц.. Вы, случайно не умеете вязать шапки? – БЛ***, как он узнал?! Сейчас самозанятость шить будет, мудака..» (пунктуация сохранена). Эмоциональный мем, который построен на актуальной проблеме – необходимости оформить самозанятость, проверках, которые проходят среди работающих на дому. Вербальная часть – острая тема, волнующая интернет-пользователей. В ней эмоциональность передается с помощью сниженной, нецензурной лексики. Невербальная часть – Мюллер и Штирлиц – типичное противостояние, которое символизирует борьбу.

Отдельно стоит выделить мемы, которые просто начинаются с фразы из

телесериала «Семнадцать мгновений весны», ставшей максимально популярной. Такие мемы не требуют досконального знания текста, а оперируют лишь к поверхностным, самым раскрученным цитатам. Например, фраза «Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу» – одна из самых обыгрываемых в мемах. Часто даже без «лица» Штирлица, т.е. просто в текстовых мемах. Её используют как подпись к иллюстрациям разного плана, например, такое фото: целая ячейка яиц, а среди них один помидор. Эта картинка иллюстрирована фразой «Ещё никогда Штирлиц не был так близок к провалу». В таких мемах равнозначны вербальный и невербальный компоненты. Эта группа мемов не всегда нуждается в иллюстрации героев телесериала, данные интернет-мемы могут иллюстрироваться абсолютно разными картинками, фотографиями.

Итак, основными способами создания интернет-мемов о Штирлице становятся омонимы (лексическая омонимия), лексические каламбуры, аналогии, языковая игра. Некоторые мемы содержат сниженную лексику (в некоторых можно и вовсе встретить нецензурные слова). Обращение к такой лексике передает эмоциональность транслируемого сообщения. Ассоциации, которые несет Штирлиц в интернет-среде: шпион, мастер своего дела, профессионал, всегда выходит сухим из воды, искусно всех обманывает.

В интернет-мемах о Штирлице большую нагрузку несет вербальная часть, а невербальный компонент лишь дополняет сообщение. С помощью лингвокреативности авторам мемов удастся достичь яркости высказывания. Можно сказать, что мемы данного медиадискурса довольно интеллектуальны, т.к. зачастую требуют знания текста «Семнадцати мгновений весны» и понимания происходящих в мире процессов. Как и в других мемах, в данной группе медиадискурса аффективная функция преобладает. Всегда сложно сказать, как долго просуществует тот или иной мем: «Одни мемы «кочуют» по сети годами и не теряют своей актуальности. Другие забываются, как только становится неинтересным событие или персонаж, с которыми они ассоциировались» [Пешкова, 2018, с. 464]. Как видим, герой Штирлиц десятилетиями продолжает быть интересным для пользователей.

Популярность Штирлица в интернет-среде можно объяснить огромным влиянием Штирлица на юмористический разговорный жанр, а именно – анекдоты. Мы уже упоминали, что Штирлиц был популярным героем советских анекдотов. «Анонимность интернет-мемов роднит этот жанр с анекдотом, генетическая связь интернет-мема с анекдотом очевидна» [Канашина, 2018, с. 126]. Видимо, поэтому Штирлиц столь привлекателен для интернет-анекдотов в новом формате. Очевидно, что Штирлиц уже стал культурным кодом российского общества, который имеет большое влияние в социуме, а интернет-фольклор о самом известном советском разведчике продолжает пополняться мемовтворчеством.

Литература

- Архипова А. С. (2013). *«Штирлиц шел по коридору...»: Как мы придумываем анекдоты*. Москва, РГГУ, 156.
- Боева Г. Н. (2022). Интернет-стереотипы восприятия русской классики: визуальный аспект [Электронный ресурс]. *Журнал филологических исследований*, 7, 4. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/53508/view> (Дата обращения: 19.08.23).
- Бударина О. А. (2019). Интернет-мем как новая форма массовой культуры. *Вестник Московского*

государственного университета культуры и искусств, 2 (88), 98–107.

- Изгаршева А. В. (2020). Интернет-мем как медиатекст: лингвистический аспект. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 5, 86–101.
- Канашина С. В. (2018). Интернет-мем как современные медиадискурс. *Известия ВГПУ. Филологические науки*, 8 (131), 125–129.
- Лутовинова О. В. (2008). Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 71, 58–65.
- Пешкова Н. П., Титлова А. С. (2018). История одного мема (мем как прецедентный текст в микроблоге). *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*, 6, 461–465.
- Шомова С. А. (2021). Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте рунета. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5 (165), 399–424.

References

- Arhipova A. S. (2013). «*Shtirlic shel po koridoru...*»: *Kak my pridumyvaem anekdoty*. [«Stirlitz was walking down the corridor ...»: How we come up with jokes] Moscow, Russian State University for the Humanities, 156.
- Boeva G. N. (2022). Internet-stereotipy vospriyatija russkoj klassiki: vizual'nyj aspekt [Internet perceptual stereotypes Russian classics: visual aspect]. *The Journal of Philological Studies*, 7, 4. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/53508/view> (accessed 19.08.23).
- Budarina O. A. (2019). Internet-mem kak novaja forma massovoj kul'tury [Internet meme as new form of mass culture]. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*, 2 (88), 98–107.
- Izgarsheva A. V. (2020). Internet-mem kak mediatekst: lingvisticheskij aspekt [The Internet meme as media text: linguistic aspect]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 86–101.
- Kanashina S. V. (2018). Internet-mem kak sovremennye mediadiskurs [Internet meme as a modern media discourse]. *Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki* [News of the VSPU. Philological Sciences], 8 (131), 125–129.
- Lutovinova O. V. (2008). Internet kak novaja «ustno-pis'mennaja» sistema kommunikacii [The Internet as a new "oral-written" communication system]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 71, 58–65.
- Peshkova N. P., Titlova A.S. (2018). Istorija odnogo mema (mem kak precedentnyj tekst v mikrobloge) [One meme's story: a meme as a precedent text in micro blogging]. *Dinamika jazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia], 6, 461–465.
- Shomova S. A. (2021). Mem-letopisec: reprezentacija novostnoj povestki dnja pandemii v memeticheskom kontente runeta. [Meme chronicler: representation of the pandemic news agenda in the Runet memetic content]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 5 (165), 399–424.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 17.09.2023.
Принята к публикации 01.11.2023.

Об авторе

Ефимова Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, ORCID: 0000-0002-6020-8175; oxana_efimova@inbox.ru

Efimova O. V.

STIERLITZ IN INTERNET MEMES: CULTURAL AND LINGUISTIC ASPECTS

Abstract: Internet folklore is not only a way for users to communicate, but also a tool for popularizing images, including literary characters. The spread of certain memes is an interesting process both in terms of sociology, cultural studies, and linguistics.

Stierlitz is an iconic image for Russian culture, which has become a symbol of Soviet intelligence. Internet memes about this character have been actively distributed by netizens in recent years. The interest of the Internet environment in this character, in the TV series "Seventeen Moments of Spring" is a curious phenomenon that requires study.

The article classifies memes about the Soviet intelligence officer Isaev-Stierlitz, analyzes the ways of creating Internet memes about him, identifies the main reasons for the audience's interest in this hero in the Internet space. The author draws conclusions about the image of Stierlitz, formed on the web through online folklore.

Keywords: memes, Stierlitz, Internet folklore, Seventeen Moments of Spring

For citation: Efimova O. V. (2023). Stierlitz in internet memes: cultural and linguistic aspects. *Memoirs of NovSU*, 6(51), 550-562. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).563-569

Дин Хао

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями функционирования и выявления семантико-прагматического потенциала рекламных текстов на примере наружной рекламы. Материал исследования составили рекламные баннеры, отобранные методом сплошной выборки из различных интернет-порталов, содержание которых определяется наличием взаимодействующих друг с другом невербальных текстовых элементов и вербальных знаков. Наружная реклама рассматривается с точки зрения прагматического потенциала, характер которого зависит от выбора языковых единиц с определенным денотативным и коннотативным значением, влияющим на коммуникативные стратегии. Показано, что при создании рекламного текста автор может использовать различные приемы и методы воздействия на адресата, чтобы рекламное сообщение привлекло внимание и произвело должный коммуникативный эффект (побуждение к действию). В статье рассматривается рекламный текст как семиотически осложненный феномен, состоящий из набора лексико-семантических средств и их взаимосвязи с визуальными элементами.

Ключевые слова: реклама, наружная реклама, рекламный текст, прагматический потенциал, коннотативный фон, вербальные и невербальные знаки, семиотика.

Для цитирования: Дин Хао. Семантико-прагматический потенциал рекламных текстов (на примере наружной рекламы) // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 570-581. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).570-581

В последнее десятилетие рекламный текст как отдельный вид социально-культурного взаимодействия приобретает особый статус. В рамках рекламного дискурса текст рекламного сообщения можно рассматривать как семиотически осложненный социокультурный феномен, охватывающий многие сферы жизни современного социума и, таким образом, оказывающий влияние на различные виды жизнедеятельности. Внимание ученых направлено на изучение способов взаимодействия единиц из разных семиотических систем (соотношение изображения, текста, символики, графических особенностей, коннотативных оттенков лексических единиц и т.д.), что позволяет выявить способы транслирования рекламных смыслов и оказывать воздействие на реципиента. Среди таких средств коммуникативного воздействия, по мнению Ш. Д. Эгамбердиевой, «главным является интенция заказчика, замысел исполнителя, которые определяют выбор средств художественной выразительности в наборе лингвистических и несобственно лингвистических средств. Употребление языковых средств и приемов усиливает общий экспрессивный эффект рекламы» [Эгамбердиева, 2021, с. 102]. Как справедливо подчеркивает М. Б. Ворошилова, в рекламе заложена смысловая и эмоциональная нагрузка, которая распределяется «между вербальными и невербальными компонентами и определяет ее общий смысл» [Ворошилова, 2013, с. 67]. Относительно средств изобразительности, как отмечает Д. П. Чигаев, кроме вербальных (например, двойной актуализации, языковой игры, антитезы, оксюморона и т.д.), существуют их визуальные аналоги, включение или замещение которых в вербальном тексте способствует его креолизации» [Чигиев, 2008, с. 82].

Рассуждая о рекламном дискурсе как отдельном виде общения, А. В. Олянич утверждает, что «реклама предлагает товары и услуги и, помещая их в определенный социальный контекст, переводит их в сферу ценностей, формируя соответствующий образ, стиль жизни, понимаемый как конкретная ситуация ритуальных предписаний, господствующих в данной социальной сфере, символические модели поведения во всех сферах жизнедеятельности людей: в потреблении, отношении к искусству, политике, религии, общественным организациям и т.д.» [Олянич, 2011, с. 89]. Прагматическая ориентация рекламных текстов «определяет логический и/или эмоциональный стержень высказывания, общую тональность дискурса, диктует отбор языковых и неязыковых средств и способ их подачи и организации» [Куликова, 2008, с. 197]. Анализируя прагматические особенности рекламного сообщения, Л. А. Казанова отмечает, что «наряду с лингвистическими приёмами, дающими игровой эффект, в анализ вовлекаются и нелингвистические приёмы, выполняющие аналогичную функцию, что ещё раз доказывает, что реклама – это процесс, и что понятие прагматики по отношению к рекламному тексту выходит за лингвистические рамки и приобретает более широкий смысл» [Казанова, 2016, с. 105]. Ученый Н. Н. Оломская считает, что «интегративной составляющей рекламного дискурса является стиль – решающий фактор выбора и упорядочения элементов на двух взаимосвязанных уровнях дискурсивной иерархии: лингвистической структуры и содержания» [Оломская, 2009, с. 94].

Проведенный анализ фактического материала помогает заключить, что именно комплексное рассмотрение вербального и визуального компонентов позволяют создать целостный образ наружной рекламы, установить особенности ее манипулятивного потенциала. Подтвердим данный тезис конкретными примерами (рисунок 1).

Рисунок 1. Ламинат здесь. Мы решим ваш половой вопрос.

Зачастую мы видим примеры, в которых употребляется стилистически окрашенный элемент вместе со стилистически нейтральными единицами, что, таким образом, формирует заданный тон рекламного сообщения. Так, в данном примере

рекламы строительного магазина используется разговорная манера речи «здесь» наряду с нейтральной лексемой «ламинат» с целью привлечь внимание. Однословное наречие «здесь» на баннере преобразуется в двусловное просторечное слово «здесья». Оно употреблено с целью добавления беззаботного веселого тона для придания тексту уникальности, создания непринужденного контакта с потенциальным адресатом. Ниже заглавия «ламинат здесья», расположенного в верхней части щита и занимающего половину композиции, написано рекламное торговое предложение «мы решим ваш половой вопрос». Оно находится в желтой фигуре стрелки, указывающей направление, где можно приобрести ламинат. Здесь важна роль вербальной информации, в частности, омонимии, которая и создает игровой эффект на основе лексемы «пол», имеющей следующие значения: «ПОЛ1, -а (-у), о поле, на полу, мн. -ы, -ов, м. В доме, помещении: нижнее покрытие, настил. ПОЛ2, -а, мн. -ы, -ов, м. Каждый из двух генетически и физиологически противопоставленных разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок), организмов» [Ожегов, 2006, с. 177]. Меньшую роль занимает визуализация рекламного сообщения, фон которого представлен черным цветом в сочетании с желтым текстом. В символике этот цвет ассоциируется с солнцем, жизнью, радостью, заботой и доверием [Трессидер, 1998, с. 89]. Желтый на черном фоне смотрится довольно броско и вызывающе, однако в сочетании с оформлением и шрифтом становится оригинальным и запоминающимся. Отметим, что в рекламе строительных магазинов часто наблюдается языковая игра на основе омонимического значения лексемы «пол», однако, визуальная репрезентация имеет отличительные черты (рисунок 2).

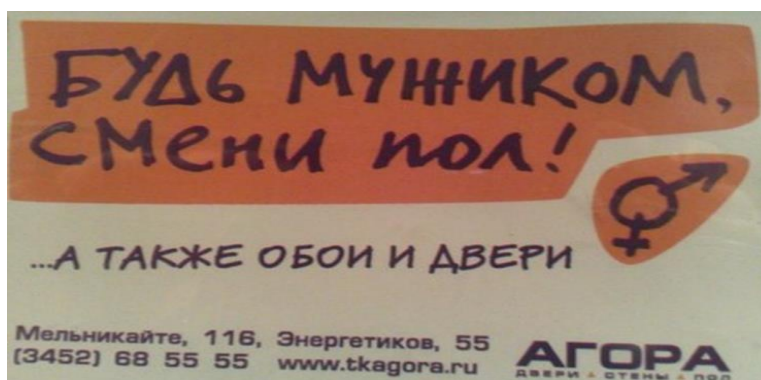

Рисунок 2. Будь мужиком, смени пол!

Одной из основных черт наружной рекламы является провокационность с целью быстро привлечь внимание и заинтересовать потенциального покупателя. Так, в рекламе строительного супермаркета «Агора» мы видим следующий слоган: «Будь мужиком, смени пол!». На баннере в дополнение к этому изображен гендерный символ значения пола, вызывающий ассоциативную связь с гендерным признаком, а именно, выполнить мужскую работу, сделать ремонт. Фон текстового сообщения и символа гендера имеет оранжевый цвет, который олицетворяет жизнерадостность,

амбиции и уверенность [Трессидер, 1998, с. 167]. Ниже продолжение слогана: «... а также обои и двери», которое вносит ясность в содержание языковой игры на основе омонимического значения лексемы «пол», содержание которой уже определено выше. Ниже мелким шрифтом располагаются адреса магазина и контактная информация с указанием на официальный сайт компании.

На рекламном баннере ресторана «Разгуляй» выделяется текст с призывом отведать ухи. Следует отметить, что название заведения написано шрифтом с эффектом дуги или полукруга. Здесь используется языковая игра со словом «уха» в родительном падеже с ударением на последний слог и лексема «ухи» с ударением на первый слог, разговорным вариантом множественного числа от лексемы «ухо», используемым для придания комического эффекта. Языковая игра формирует визуальное представление (уши рядом с текстом). Можно предположить, что здесь используется аллюзия на фразеологизм «наострить уши», который призывает внимательно посмотреть на рекламное сообщение, прислушаться. Элемент языковой игры «ухи», создающий комический эффект и несущий наибольшую смысловую нагрузку рекламного сообщения размещен в центре рекламного щита посредством крупного шрифта красного цвета. Ниже расположено торговое предложение с указанием выгоды для клиента. Внизу композиции находится адрес ресторана с рекламируемым блюдом (ухой) и контактная информация (рисунок 3).

Рисунок 3. Отведай ухи.

На рекламном плакате магазина «Пятерочка» видим пример двойной актуализации смысла в слогане «Удар по яйцам», где лексема «яйцам» выделена заглавными буквами для акцентирования внимания на продаваемом продукте. Буквальный смысл «сильный удар» преобразуется в значение «большая скидка» на продукт, что отражено крупным шрифтом ярко-красного цвета. Менее актуальная для потенциального потребителя информация (сроки действия акции) располагается внизу рекламного плаката мелким шрифтом (рисунок 4).

Рисунок 4. Удар по яйцам.

В рекламе автомобильной компании «Genser» в левой верхней части композиции находится громкий заголовок, начало которого, на первый взгляд, имеет негативную коннотацию, однако вторая часть сообщения полностью опровергает это впечатление, при этом используется с восходящей интонацией, о чем свидетельствует восклицательный знак. Таким образом, информация в плане экспрессии приобретает градационный спуск в начале слогана и резкий подъем в конце. В правой части изображен улыбающийся мужчина в деловом костюме, на плечах которого сидит девушка в зеленом сарафане. Языковая игра возникает в сочетании с заголовком: можно заметить связь с устойчивым выражением «ездить (верхом) на ком-либо» в значении «использовать кого-либо в своих интересах, подчинять своей власти» [Евгеньева, 1999, с. 289]. Внизу расположена важная контактная информация и указание на официальный сайт компании (рисунок 5).

Рисунок 5. На нас все ездят.

На переднем плане в левой части композиции содержится изображение автомобиля марки Лада Веста зеленого цвета, на фоне которого расстроенная, обиженная девушка азиатской внешности в свадебном наряде. Она хмуро и словно с завистью смотрит на заголовок с призывом справа от нее: «Время расстаться с не Вестой», в котором цветом авто и слогана подчеркнута частица НЕ. Таким образом, делается интонационный и визуальный акцент на отрицании последующего слова. В рекламном сообщении важную роль выполняет языковая игра, построенная на слитном и раздельном написании лексемы «невеста», где акцент смещается на отрицательную частицу НЕ со значением «иной автомобиль не марки Веста».

Становится очевидной причина хмурого выражения лица невесты. Отметим, что национальность девушки также имеет значение, так как в России предпочтение отдают автомобилям китайского производства. Реклама призывает расстаться с невестой, олицетворяющей импортные автомобили и приобретать отечественные посредством Trade in – услуги по приему старого автомобиля в счёт покупки нового.

Изображение автомобиля и текста слогана представлено зеленым цветом, который символизирует жизнь, природу, спокойствие, гармонию и равновесие [Трессидер, 1998, с. 89]. Зеленый цвет ассоциируется с возрождением и весной, когда все оживает и преобразуется, что переносит ассоциацию на продаваемый продукт – автомобиль отечественного производства, который обновит жизнь и подарит спокойствие и равновесие его владельцу (рисунок 6).

Рисунок 6. Время расстаться с НЕ вестой.

Реклама приложения «Яндекс. Навигатор» (рисунок 7). Монитор изображен в виде тарелки, в которой находится карта с указанием пробок. Справа и слева от нее располагаются базовые столовые приборы – ложка и вилка. Навигатор используют для построения маршрута до места назначения и возвращения назад, следовательно, приходится прокладывать путь дважды. Из данного логического размышления появился слоган: «Два раза в день перед ездой». Изображение навигатора в виде столовых приборов ассоциируется с приемом пищи. В связи с этим может произойти ошибочное восприятие текста, где лексема «ездой» заменяется на «едой».

Рисунок 7. Два раза в день перед ездой.

Рисунок 8 служит примером наружной рекламы и двусмысленного восприятия текстового содержимого. Так, реклама направлена на услугу по силуэтному вырезанию

из бумаги на красивом фоне, представляющему собой вырезание ножницами непрерывным движением по контуру воображаемой или наглядной фигуры человека. Рекламная вывеска предоставления услуг состоит из набора работ разного типа и надписи «Силуэт. Вырежу всю семью». Языковая игра основывается на буквальном восприятии глагола, где под «вырезать» может подразумеваться «зарезать», т. е. «убить кого-то с помощью режущего предмета». Усиливает комический эффект приписка «и тещу тоже». Дополнение в скобках «из кожи заказчика» прибавляет драматичности и усиливает иронический оттенок.

Рисунок 8. Силуэт. Вырежу всю семью (из кожи заказчика).

На данной вывеске (рисунок 9) с социальной экологической рекламой, призывающей бросить курение, явно передано предостережение об опасности сигарет. В центре композиции выделенный курсивом заголовок с вопросом «Родите ли?». Ниже надпись, гласящая о том, что курение вызывает бесплодие. «Курение» выделено оранжевым шрифтом, а «вызывает бесплодие» – светло-серым, таким образом из данного слогана создается визуальный образ зажженной сигареты. Примечательно, что от слова «бесплодие» идет дым от сигарет, который будто разделяет родителей. Использован прием разделения существительного «родители» на два составляющих: глагол в будущей форме «родите» и частица «ли». Можно предположить, что рекламщики образно показали последствия курения. Внизу на красном фоне задан провокационный вопрос «Все равно?», воздействующий на сознание человека.

Рисунок 9. Родите ли? Курение вызывает бесплодие.

На данной вывеске (рисунок 10) наблюдается ненамеренная языковая игра, состоящая из аббревиатуры СК (страховая компания) и названия «Верность». При слитном прочтении «скверность» появляется дополнительный смысловой оттенок с негативной коннотацией. Ниже подпись «предан каждый», в которой также содержится языковая игра на основе омонимии слова «преданный». Так, в «Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова» содержатся следующие определения: 1. Преданный 'прич. страд. прош. вр. от предать' и 2. 'всецело приверженный к кому-чему-нибудь, проникнутый любовью и верностью кому-чему-нибудь'. Таким образом слово «предан» может обозначать как качество верности кому-то, если предполагать, что данная часть речи является отглагольным прилагательным, так и предательство от кого-то, если воспринимать данное слово как краткое страдательное причастие.

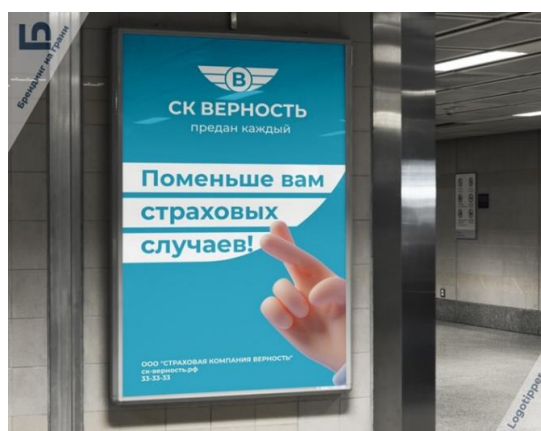

Рисунок 10. СК Верность. Предан каждый.

Приведем еще один пример наружной рекламы с элементами языковой игры на основе полисемии (рисунок 11). На рекламном щите изображена улыбающаяся девушка с поднятой рукой, жест которой свидетельствует о прощании. В центре композиции крупным жирным шрифтом надпись «Достойный уход». Отметим, что в лексикографических источниках лексема «уход» имеет 2 значения: 1. 'действие по знач. глаг.: уходить' и 2. 'действие по знач. глаг.: ухаживать'. В переносном значении 'уходить' – это то же, что и 'умирать' [Ушаков, 1935, с. 239]. Изображение прощающейся девушки усиливает близость с данной коннотацией слова. Надпись ниже более мелким шрифтом «у нас можно разложиться и отдохнуть с покоем и миром» также воспринимается двояко, так как в «Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова» можно увидеть два значения в данный контекст вписываются 2 значения глагола «разложиться»: 1. (несов. раскладываться). 'Лечь по разным местам, разместиться по поверхности (разг.)' и 5. (несов. разлагаться). 'казнить, подвергнуться под действием бактерий гниению, распаду на составные элементы' [Ушаков, 1935, с. 453]. Сложность определения нужного значения заключается в невозможности определения точного слова в несовершенном виде. В первом случае от 'разложиться' в совершенном виде можно образовать 'раскладываться' в несовершенном виде. Во втором – представляем 'разлагаться' в несовершенном виде. Помимо этого, «отдохнуть с покоем и миром» близко к выражению, которое обычно говорят усопшему «покойся

с миром».

Рисунок 11. Достойный уход. Дом престарелых для всех.

На рекламном штендере бара (рисунок 12) указаны название и логотип «Чокнуться можно!», в котором замечена языковая игра в зависимости от того, на какое слово сделать логическое ударение. Если интонационно выделить первое слово, то выражение приобретает переносное значение, если же выделить второе, то речь пойдет о его прямом значении. Рассмотрим определение в Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где представлено два значения лексемы 'чокнуться': 1. (прост.). 'Помешаться, свихнуться' (в 1 знач.) и далее идет отсылка к определению образующего слова II. см. чокаться. Коннотация лексемы 'чокаться' в словаре определяется как 'прикасаться своей рюмкой (бокалом) к рюмке (бокалу) другого (при питье вина в знак приветствия, поздравления)' [Ожегов, 2006, с. 134]. В первом примере семема 'чокнуться' приобретает значение 'сойти с ума' и употребляется как просторечная лексика, на что указывает помета в словаре прост.

Рисунок 12. Чокнуться можно! Повод на повод!

Слоган магазина 1000 мелочей «Всё для быта – ничего не забыто» (рисунок 13) записан в виде рифмы, согласно которой наблюдается созвучие в окончании нескольких слов. В данном примере на фонетическом уровне в лексему 'забыто' включена лексема слово 'быт' в родительном падеже. Примечательно графическое оформление: название магазина написано белым цветом крупным шрифтом на синем фоне. Можно заметить, что нули в 1000 подчеркнуты и имеют круглую форму, что больше похоже на букву «о». Подобное оформление вызывает ассоциацию с туалетной бумагой, лежащей на полке. Мы инстинктивно понимаем, что в данном магазине находятся бытовые вещи, необходимые для повседневной жизни.

Рисунок 13. 1000 мелочей. Все для быта-ничего не забыто!

Таким образом, проведенный анализ рекламных текстов на примере наружной рекламы позволяет прийти к заключению, что комплексное исследование вербального и визуального компонентов рекламы определяет ключевые составляющие манипулятивных стратегий и тактик, значимых при формировании определенного имиджа товара или услуги, навязывании положительной характеристики потенциальным потребителям. При знакомстве с наружной рекламой адресат зачастую воспринимает не объективные факты, а особенности подачи информации. Чем ярче и эмоциональнее будет представлено сообщение, чем больше ассоциаций оно вызовет у адресата, тем успешнее будет работать наружная реклама. Манипулятивный потенциал текстов наружной рекламы, таким образом, реализуется с опорой на интралингвистические и экстралингвистические факторы, предполагает особое внимание к социальным, гендерным, возрастным особенностям адресата, его системе ценностей и приоритетов.

Перспективой дальнейшего исследования представляется выявление национально-культурных особенностей наружной рекламы с опорой на ее вербальные и визуальные составляющие.

Литература

- Ворошилова М. Б. (2013). *Политический креолизированный текст: ключи к прочтению*. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 194.
- Казанова Л. А. (2016). Прагматические особенности рекламного слогана (на материале русско- и франкоязычной рекламы). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов,

- Грамота. 10(64): в 3-х ч. Ч. 2, 102–105.
- Куликова Е. В. (2008). Языковая специфика рекламного дискурса. *Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 4, 197–205.
- Ожегов С. И, Шведова Н. Ю. (2006). *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Москва, ООО «А ТЕМП», 944.
- Оломская Н. Н. (2009). Лингвостилистические характеристики рекламного дискурса. *Культурная жизнь Юга России*, 2 (31), 94–96.
- Олянич А. В. (2011). *Рекламный дискурс и его конститутивные признаки*. Москва, Флинта – Наука, 296.
- Евгеньева А. П. (1999). *Словарь русского языка*. Москва, Русский язык, 702.
- Трессидер Д. (1998). *Словарь символов*. Москва, 448.
- Ушаков Д. Н. (1935). *Толковый словарь русского языка: в 4 томах*. Ленинград, 1935–1939. Т. 1. 1935, 1563.
- Чигаев Д. П. (2008). Креолизованная лексема. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»*, 2, 82–85.
- Эгамбердиева Ш. Д., Эгамбердиева Ф. О. (2021). Рекламный текст как особый вид дискурса. *Academic Research in Educational Sciences*, 2 (1), 102–109.

References

- Casanova L. A. (2016). Pragmatic peculiarities of an advertising slogan (by the material of Russian and French advertising). *Philology. Theory & Practice*. Tambov: Diploma, 10(64), 2, 102–105.
- Chigaev D. P. (2008). Kreolizovannaya leksema [Creolized Lexeme]. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2, 82–85.
- Egamberdieva Sh. D., Egamberdieva F. O. (2021). Reklamnyy tekst kak osobyiy vid diskursa [Advertising Text as a Special Kind of Discourse]. *Academic Research in Educational Sciences*, 2, 1, 102–109.
- Evgenieva A. P. (1999). *Slovar' russkogo yazyka: V 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Moscow, Russkiy yazyk, 1, 702.
- Kulikova E. V. (2008). Yazykovaya specifika reklamnogo diskursa [Specific nature of the language in the advertising discourse]. *Filologiya. Iskustvovedenie* [Philology. Art Criticism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 4, 197–205.
- Olomskaya N. N. (2009). Lingvostilisticheskie harakteristiki reklamnogo diskursa [Linguostylistic characteristics of advertising discourse]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2 (31), 94–96.
- Olyanich A. V. (2011). *Reklamnyy diskurs i ego konstitutivnye priznaki* [Advertising Discourse and its Constitutive Features]. Moscow, Flinta-Nauka, 296.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, LLC "A TEMP", 944.
- Tressider D. (1998). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow, 448.
- Ushakov D. N. (1935). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes]. Leningrad, 1935–1939. Т. 1. 1935, 1563.
- Voroshilova M. B. (2013). *Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political Creolized Text: Reading Keys]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 194.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 16.08.2023.
Принята к публикации 20.11.2023.

Об авторе

Дин Хао – аспирант, Южный федеральный университет; ORCID: 0009-0008-0214-4493; 280291123@qq.com.

Ding Hao

SEMANTIC-PRAGMATIC POTENTIAL OF ADVERTISING TEXTS (BY EXAMPLE OF OUTDOOR ADVERTISING)

Abstract. The article deals with issues related to the features of the functioning and identification of the semantic and pragmatic potential of advertising texts on the example of outdoor advertising. The material of the study was advertising banners selected by continuous sampling from various Internet portals, the content of which is determined by the presence of non-verbal text elements and verbal signs interacting with each other. Outdoor advertising is considered from the point of view of pragmatic potential, the nature of which depends on the choice of language units with a certain denotative and connotative meaning that affects communication strategies. It is shown that when creating an advertising text, the author can use various techniques and methods of influencing the addressee so that the advertising message attracts attention and produces the proper communicative effect (incitement to action). The article considers the advertising text as a semiotically complicated phenomenon, consisting of a set of lexico-semantic means and their relationship with visual elements.

Keywords: advertising, outdoor advertising, advertising text, pragmatic potential, connotative background, verbal and non-verbal signs, semiotics

For citation: Ding Hao (2023). Semantic-pragmatic potential of advertising texts (by example of outdoor advertising). *Memoirs of NovSU*, 6(51), 570-581. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).570-581

Мельникова Л. А.

ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ-ИГРОКОВ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК» И Г. ФАЛЛАДЫ «ВОЛК СРЕДИ ВОЛКОВ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению особенностей репрезентации образов героев-игроков в романах Ф. М. Достоевского «Игрок» и Г. Фаллады «Волк среди волков». Посредством использования сравнительно-исторического метода исследования выявляются параллели в развитии сюжетных линий произведений, связанных с темой игры, а также схожие средства раскрытия характеров центральных персонажей. Установлено, что оба автора ставят своей задачей воссоздание психологического портрета героя-игрока, выявление влияния игры на сознание человека, его образ мыслей и поведение. Ведущими средствами раскрытия образов Алексея Ивановича в романе Ф. М. Достоевского «Игрок» и Вольфа Пагеля в романе Г. Фаллады «Волк среди волков» являются речевая характеристика, внутренний монолог, выразительная художественная деталь, портрет-оценка. Однако если в романе Ф. М. Достоевского тема игры является центральной, то в романе Г. Фаллады психологические коллизии героя-игрока освещаются лишь в первой части произведения. Оба автора последовательно прослеживают в своих произведениях динамику изменения отношения своих героев к игре, показывая, как благоразумие уступает место импульсивным и необдуманным поступкам, что в итоге приводит персонажей к состоянию морального и материального краха. Однако если Г. Фаллада в финале своего произведения показывает своего героя, освободившимся от пагубного порока и сумевшим нравственно преобразиться, то Ф. М. Достоевский в финале «Игрока» изображает морально опустившегося героя, полностью поглощенного стихией игры, но сохраняющего при этом надежду на свое духовное воскресение.

Ключевые слова: Г. Фаллада, Ф. М. Достоевский, роман, игра, Вольф Пагель, Алексей Иванович, литературное влияние.

Для цитирования: Мельникова Л. А. Образы героев-игроков в романах Ф. М. Достоевского «Игрок» и Г. Фаллады «Волк среди волков»: сравнительный анализ // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 582-590. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).582-590.

Творчество немецкого писателя Ганса Фаллады (настоящее имя Рудольф Дитцен, 1893–1947) исследователи склонны рассматривать в контексте реалистической литературы XX века, отмечая при этом, что наряду с развитием традиций реализма XIX века, в текстах этого автора присутствуют и новаторские черты. Его мировоззрение неразрывно связано с огромными философскими сдвигами, характерными для художественного сознания первой половины XX века, с модернистским мироощущением – бессмысленности, хаотичности бытия, вызванного утратой трансцендентного центра; чувством одиночества, отчужденности и заброшенности человека в мире [Дронова, 2005, с. 47]. Как отмечает Т. Л. Мотылева, Фаллада не был склонен к философствованию, его герои, погруженные в мир повседневного быта, житейски достоверны, и мысли, и заботы у них самые заурядные, будничные. И в то же время его лучшие романы богаты конкретно-историческим, социальным содержанием: они представляют как бы летопись жизни народа Германии от начала Первой до конца Второй мировой войны [Мотылева, 1990, с. 5].

Существенную роль для формирования творческого стиля Г. Фаллады, наряду с Ч. Диккенсом, сыграло литературное наследие Ф. М. Достоевского, которого он считал одним из своих основных учителей писательского мастерства. Во многих произведениях немецкого автора – например, в романах «Маленький человек, что же дальше?», «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды», «Железный Густав» и других –

присутствуют признаки рецепции идей, мотивов, проблематики текстов русского классика.

Приметами литературного влияния Ф. М. Достоевского отмечен и художественный мир романа «Волк среди волков», на что уже обращалось внимание в исследовательской литературе: «Цепь сменяющихся переживаний Вольфганга Пагеля за рулеткой, его стремление постигнуть скрытую «математику» игры, смены у героя приступов надежды и отчаянья, «благоразумной» расчетливости и азарта; ряд обезнадеживающих проигрышей, после которых следует огромный, неожиданный выигрыш, тут же неожиданно ускользающий из рук; столкновение Пагеля с женщиной-игроком и произведенный им «скандал» – все эти сцены романа Фаллады непосредственно перекликаются с соответствующими эпизодами из «Игрока» и «Подростка»» [Фридлендер, 1978, с. 156].

Обратимся в данной статье к сравнительному анализу образов героев-игроков, представленных в романах Ф. М. Достоевского «Игрок» и Г. Фаллады «Волк среди волков». Отсутствие в настоящее время в отечественном литературоведении работ, содержащих результаты развернутого сопоставительного изучения поэтик указанных произведений в названном аспекте, обусловит новизну нашего исследования.

И Ф. М. Достоевский, и Г. Фаллада стремятся выявить особенности влияния игры на сознание человека, его образ мыслей и поведение. Способом решения данной художественной задачи для обоих писателей становится воссоздание психологического портрета героя-игрока.

В романе Ф. М. Достоевского «Игрок» (1866) действие происходит в вымышленном городе Рулетенбурге. Последний являет собой «символ и фантом всех игорных казино, которые возможно себе представить, это Лас-Вегас девятнадцатого столетия, составленный Достоевским из лоскутков всех мест, в котором он сам играл» [Геригк, 2016, с. 268]. Источником топонима «Рулетенбург» вероятно стал русский перевод очерка Уильяма Теккерея «Семья Киклбери на Рейне» («The Kicklebury on the Rhine», 1850), опубликованный под названием «Английские туристы» в 1851 году в журнале «Отечественные записки». В данном очерке вымышленный топоним “Rougetnoirebourg” (от фр. «городок красного и черного») был переведен А.И. Бутаковым как “Рулеттенбург”. Теккерей намекал выдуманным им Rougetnoirebourg'ом на Бад-Хомбург, где посещал казино и Достоевский» [Геригк, 2016, с. 268]. Данное название весьма символично. Пространство Рулетенбурга организовано концентрически: в центре его находится рулетка, которая воспринимается героями как нечто вожащенное, спасительное и запретное одновременно [Габдуллина, 2008, с. 14].

В романе «Волк среди волков» (“Wolf unter Wölfen”, 1937) Г. Фаллада воссоздает социально-экономическую ситуацию Германии 1923 года, панораму бедствий немецкого народа после Первой мировой войны, картину глубокого социального и нравственного кризиса [Мотылева, 1990, с. 413]. Местом действия, связанным с развитием темы игры в произведении, становится Берлин, западная часть которого в 1920-е годы была буквально переполнена игорными клубами. Уровень безработицы в городе на тот момент был настолько высок, что игра на рулетке для многих становилась единственным шансом на получение какого-то дохода.

Героями-игроками в анализируемых текстах являются их центральные персонажи. В романе Ф. М. Достоевского это 25-летний обедневший дворянин Алексей Иванович, в романе Г. Фаллады – 27-летний отставной портупей-юнкер Вольфганг Пагель. Стоит отметить, что анализируемые произведения отличаются типом повествования. В «Игроке» повествование ведется от лица главного героя, находящегося внутри рассказываемой им истории, в «Волке среди волков» нарратор находится над миром повествуемой им истории.

В романе Ф. М. Достоевского тема игры является основной, что подчеркивается самим названием произведения, в котором игра, рулетка становится пробным камнем для человека [Данилова, 2015, с. 250], в романе Г. Фаллады она раскрывается только в первой части и отражает лишь один из этапов личностной эволюции Вольфа Пагеля.

И Алексей Иванович, и Вольф Пагель прибегают к игре из-за материальной нужды. Отметим, что для обоих персонажей фактором, мотивирующим их на игру на некоторое время выступает забота о возлюбленной – Алексей Иванович в ряде случаев отправляется в казино для того, чтобы финансово помочь Полине, Вольф вынужден играть на рулетке для того, чтобы обеспечить их существование с Петрой и иметь возможность выкупить заложенные в ломбард вещи своей девушки.

И Алексей Иванович, и Пагель пытаются определить для себя некоторые закономерности игры. В романе Ф. М. Достоевского герой констатирует: «действительно, в течение случайных шансов бывает хоть и не система, но как будто какой-то порядок, что, конечно, очень странно. Например, бывает, что после двенадцати средних цифр наступают двенадцать последних; два раза, положим удар ложится на эти двенадцать последних и переходит на двенадцать первых. Упав на двенадцать первых, переходит опять на двенадцать средних, ударяет сряду три, четыре раза по средним и опять переходит на двенадцать последних [Достоевский, 1982, с. 36].

У Пагеля в результате долгих наблюдений также выработалась собственная система игры: «Из тридцати шести цифр рулетки восемнадцать – красные, восемнадцать – черные. Если не брать в расчет тридцать седьмой шанс – zero, при котором все ставки забирает банк, то шансы делят поровну между черным и красным. Согласно теории вероятности, при бесконечно долгой игре черное и красное должны выйти равное число раз. Это неоспоримо. Но как выпадают черному и красному в ходе игры, этим управляют более таинственные законы, которые постигаются отчасти наблюдением, отчасти чутьем» [Фаллада, 1957, с. 65]. Посредством несобственно-прямой речи Петры выведенные Пагелем закономерности подвергаются в романе иронической оценке: «У него была какая-то своя “система” относительно движения шарика рулетки, система бессистемности, построенная на том, что шарик часто делает не то, что он, казалось бы, должен сделать» [Фаллада, 1957, с. 47]. Используя этот прием, Г. Фаллада подчеркивает наивность убеждений Пагеля в отношении законов игры.

В сознании обоих героев способ заработка денег на рулетке не выглядит предосудительным или недостойным. Вольф склонен считать, что «это же собачий труд, лучше таскать кирпичи, чем стоять там и выжидать и не давать себе увлечься, когда манит счастье» [Фаллада, 1957, с. 47]. Алексей Иванович недоумевает: «И

почему игра хуже какого бы то ни было способа добывания денег, например, хоть торговли? Оно правда, что выигрывает из сотни один. Но – какое мне до того дело?» [Достоевский, 1982, с. 315]

Обоим персонажам свойственно ожидание большого выигрыша. В разговоре с Петрой Вольф говорит о главной цели, которой подчинены все его визиты в казино: «Погоди... дай мне только раз сорвать большой куш! Настоящую сумму, которая чего-то стоит! Тогда ты увидишь, как мы с тобой заживем! Тогда ты увидишь, что я не игрок!» [Фаллада, 1957, с. 47]. Примечательно, что, будучи игроком, Пагель пытается убедить окружающих в обратном. Тем самым герой старается подвергнуть отрицанию тот факт, что игра незаметно для него самого становится смыслом и главной целью его жизни.

Алексей Иванович во время своего первого визита в казино в Рулетенбурге признается: «Как это ни смешно, что я так много жду для себя от рулетки, но мне кажется, что еще смешнее рутинное мнение, всеми признанное, что глупо и нелепо ожидать чего-нибудь от игры» [Достоевский, 1982, с. 314].

Оба персонажа связывают с крупным выигрышем долгожданные положительные перемены в своей судьбе. Герой Достоевского надеется, что наличие у него денег заставит Полину, генерала, Де-Грие увидеть в нем не просто учителя, а человека, равного им самим по значимости. Герой Фаллады мечтает о том, что деньги помогут забыть им с Петрой о бедности, голоде и долгах, открыть какое-нибудь дело, например, антикварный магазин и тем самым вести достойную, независимую от других жизнь.

В то же время стоит отметить, что несмотря на оптимистические надежды центральных героев, которые последние связывают с игрой в рулетку, в обоих произведениях отсутствует романтическая идеализация игорных домов. Герой Достоевского прежде чем перейти к описанию процесса игры, развенчивает устоявшиеся представления, насаждаемые фельетонистами в русских газетах о великолепии игорных залов в рулеточных городах на Рейне и горах золота на игорных столах: «Никакого великолепия нет в этих дряных залах, а золота не только нет горами на столах, но и чуть-чуть едва ли бывает» [Достоевский, 1982, с. 314]. Посредством данного упоминания Ф. М. Достоевский показывает читателю, что для его персонажа пространство игорного дома отмечено нравственной нечистотой [Габдуллина, 2008, с. 15]. В казино для героя «нравственно скверно и грязно». В романе Фаллады указывается на то, что игорные клубы в те годы, спасаясь от преследования уголовного розыска, часто перемещались с места на место и, как правило, располагались в гостиных или столовых обшарпанных служащих. Разговаривали в таких помещениях шепотом, никакие напитки в них не подавались. Игорный стол же представлял собой скатерть, расстеленную на простом обеденном столе.

Каждый из героев выступает в определенный момент в качестве своего рода наставника, помощника в казино для других начинающих игроков – Алексей Иванович для бабуленьки, Пагель – для Праквица. Но если Антонида Васильевна Тарасевичева стремится проявлять инициативу и властно указывает учителю, игнорируя в ряде случаев его советы, какие именно нужно делать ставки, и тем самым добивается получения некоторого выигрыша, то ротмистр, увлеченный самой техникой игры,

оказывается направляемым Пагелем. В результате разъяснения и помощь Вольфа не приносят ему существенного выигрыша, напротив, Праквиц проигрывает почти все имеющиеся у него деньги. Все это свидетельствует о том, ни у Пагеля, ни у Алексея Ивановича не получилось, несмотря на все их старания, в должной мере постичь «математику игры».

Обоим героям после ряда проигрышей удается в итоге выиграть крупную сумму денег. У Алексея Ивановича обладание 100 тысячами флоринов вызывает ощущение наслаждения, победы, могущества. Однако парадоксальным является то, что он отправился в казино в ставший выигрышным для него вечер для того, чтобы помочь Полине избавиться от долга. Однако в итоге игра вытесняет из сознания героя любовь к Полине, мысли о необходимости заботы о последней, и он тратит выигранную сумму на развлечения с мадам Бланш в Париже.

Когда Пагель срывает банк (его счастливое число 17 действительно приносит ему удачу), герой испытывает «невыразимое блаженство бытия», сравнивает себя с деревом, которое после многодневного мучительного набухания соками вдруг расцвело сразу всеми цветами. Однако вмешательство полиции лишает его этого выигрыша и соответственно возможности в должной мере насладиться своей победой. Символично, что ему удается добиться долгожданного выигрыша во время своего последнего визита в казино. Описание этого визита является знаковым в романе, оно отражает «скачки» изменений отношения героя к игре как таковой. Первоначально Вольфу кажется, что «все шло слишком медленно, и эта игра, которая в последний год заполняла всю его жизнь, показалась ему вдруг чем-то совершенно идиотским» [Фаллада, 1957, с. 335]. Парадоксальным образом он не чувствует желания играть, имея большую сумму денег и тем самым возможность ставить сколько угодно. Посредством несобственно-прямой речи в романе получают отражение внутренние переживания Пагеля в этот момент: «Что бы ты ни делал, все одинаково бессмысленно. Поучительно наблюдать, как жизнь растекается между пальцами, словно сама лишает себя смысла и цены, так же как деньги, текущие все более стремительным потоком, сами себя обесмысливают и обесценивают. За один короткий день он утратил мать и Петера, нет, Петру, а теперь и страсть к игре...» [Фаллада, 1957, с. 336]. Однако вместо того, чтобы уйти и тем самым покончить с игрой навсегда, Пагель делает очередную ставку, которая в итоге и становится для него выигрышной.

Ни Алексей Иванович, ни Пагель не имеют в своем характере достаточно твердости, чтобы раз и навсегда окончательно пресечь свое тяготение к игре. Имея в кармане последний гульден, Алексей Иванович вместо того, чтобы потратить эти деньги на обед, отправляется на рулетку. Будучи уже на пороге игорного дома для того, чтобы уйти, Пагель меняет свое решение, обнаружив, что в кармане у него остается 17 фишек, а 17 является его счастливым числом. Герой решает на финальную ставку, его внутренний монолог при этом убеждает читателя в том, что Вольф полностью поработен стихией игры: «Какое мне дело до других с их нищими ставками? Они играют, чтобы выиграть, чтобы забрать дерьмовые бумажные деньги, я играю ради самой игры, ради самой жизни...» [Фаллада, 1957, с. 386].

Каждый из героев ставит своей целью самостоятельно избавиться от зависимости

– игры, но без посторонней помощи этого не получается достичь ни одному из них. Алексей Иванович оказывается глух к призывам Астлея вернуться к нормальному, добропорядочному образу жизни. Однако финальный внутренний монолог этого персонажа, наряду с признанием им факта своего падения («я сам погибший человек»), содержит также мотив надежды на духовное воскресение: «Но – почему же я не могу воскреснуть. Да! стоит только хоть раз в жизни быть расчетливым и терпеливым и – вот и все! Стоит только хоть раз выдержать характер, и я в один час могу всю судьбу изменить! Главное – характер!» [Достоевский, 1982, с. 446]

Вольфу же удается избавиться от болезненной зависимости благодаря вмешательству Штудмана, который предлагает ему уехать в Нейлоэ и стать там управляющим в имении Праквица. В результате этого Пагель смог нравственно воскреснуть: вернуться в Берлин, жениться на матери своего ребенка, поступить в университет. Хотя стоит отметить, что подобный финал произведения воспринимался рядом исследователей неправдоподобным и идеализированным [Сучков, 1957; Мотылева, 1990].

Помимо сюжетных параллелей, в романах используются и сходные средства репрезентации образов игроков. Кроме уже упомянутого выше внутреннего монолога, таковыми также являются речевая характеристика, портрет-оценка, выразительная художественная деталь.

Процесс постепенного погружения Пагеля и Алексея Ивановича в игровую стихию отражают их речевые характеристики. Пагель в своих разговорах с Петрой убеждает ее: «<...> я не игрок <...>, я каждый день снимаю свой маленький выигрыш и, получив его, тут же заканчиваю, никогда не поддаюсь соблазну продолжать игру» [Фаллада, 1957, с. 47]. Однако его чувства во время мыслей о возможном выигрыше (у него пересыхает во рту, а кожа на висках делается сухой, как пергамент), увлеченность Пагеля игрой противоречат утверждениям этого героя. В то же время стоит отметить, что во время игры Вольф стремится демонстрировать самоконтроль и расчетливость. Портрет-оценка Пагеля стремным игорного дома, содержащая указание на ключевые черты тактики Вольфа, подтверждает наличие у персонажа этих качеств: «Мы называем его просто “Барс аль-пари”, так как он всегда ставит только на черное и красное... Но как! Он игрок до мозга костей! <...> Ну и хладнокровен же он <...> Просто диву даешься, как это он умеет остановиться, когда у него в кармане достаточно!» [Фаллада, 1957, с. 332-333].

Алексей Иванович же, напротив, сразу же проявляет себя максималистом. В разговоре с Полиной он признается: «Я только знаю, что мне *надо* выиграть, что это тоже единственный мой исход» [Достоевский, 1982, с. 331]. Порывистость, эмоциональность, азартность, проявляемые этим персонажем в казино, коррелируют с портретом-оценкой, данной ему Полиной: «Вы человек беспорядочный и неустановившийся» [Достоевский, 1982, с. 331]

Выразительной художественной деталью, подчеркивающей остроту переживаний героев в обоих романах, является указание на то, что те испытывают дрожь в конечностях, когда делают ставки. В романе Г. Фаллады Вольф Пагель не имеет постоянного рода деятельности, кроме игры, лейтмотивной деталью для раскрытия его образа становится упоминание о поношенном кителе.

Каждый из героев в результате чрезмерной сосредоточенности на игре теряет и собственное достоинство, и любимую девушку.

Таким образом, оба автора последовательно прослеживают в своих произведениях динамику изменения отношения своих героев к игре, показывая, как благоразумие уступает место импульсивным и необдуманным поступкам. Кульминационной точкой порабощения героев этим пороком является формирование у них убеждения в том, что игра является возможностью убежать от действительности и необходимости решения реальных проблем. Все это, а также сюжетные параллели и схожие средства репрезентации образов центральных персонажей позволяют сделать вывод о том, что, воссоздавая в романе «Волк среди волков» образ игрока Вольфа Пагеля, Г. Фаллада ориентировался на художественный опыт Ф. М. Достоевского. Однако игра в романе Ф. М. Достоевского имеет больший смысл, чем это можно заключить из прямого значения слова: это не только игра в карты или на рулетке, это и отношения между героями, это и образ жизни Европы [Захаров, 2013, с. 257]. Роман «Игрок» целиком посвящен исследованию страсти игры, которая оказывает разрушительное воздействие на личность Алексея Ивановича и приводит его к статусу погибшего человека.

В нравоописательном же, согласно определению Т. Л. Мотылевой, романе «Волк среди волков», тема игры не является центральной. Немецкий автор в своем произведении испытание страстью игры делает лишь одним из этапов личностной эволюции Пагеля. Утверждая идеи гуманизма, Г. Фаллада дает возможность своему герою достичь нравственного возрождения посредством общественно полезной деятельности, что свидетельствует об оптимистических взглядах этого автора на возможности человека в плане борьбы с пороками и страстями.

Литература

- Габдуллина В. И. (2008). Испытание Европой: роман Ф.М. Достоевского «Игрок». *Вестник Томского государственного университета*, 314, 13–17.
- Геригк Х. Ю. (2016). *Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых»*. Санкт-Петербург, Издательство Пушкинского Дома; Нестор-История, 320.
- Данилова Н. К. (2015). «Игрок» и особенности романа Достоевского. *XIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург, 249–253.
- Дронова О. А. (2005). Человек и история в романе Г. Фаллады «Маленький человек – что дальше?». *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*, 2 (38), 47–52.
- Достоевский Ф.М. (1982). *Игрок. Собрание сочинений в 12 т. Т. 3*. Москва, Правда, 305–446.
- Захаров В. Н. (2013). *Имя автора – Достоевский. Очерк творчества*. Москва, «Индрик», 456.
- Мотылева Т. (1990). Предисловие. *Фаллада Х. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1*. Москва, Художественная литература, 5–24.
- Кауфман Л. С. (1976). *Фаллада. История немецкой литературы в пяти томах: Т. 5. 1918–1945*. Москва, Наука, 403–418.
- Сучков Б. (1957) Ганс Фаллада. *Волк среди волков*. Москва, 3–27.
- Фаллада Г. (1957). *Волк среди волков*. Москва, 880.
- Фридлиндер Г. М. (1978). Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. *Достоевский в зарубежных литературах*. Ленинград, Наука, 117–174.

References

- Gabdullina V. I. (2008). Iskushenie Evropoj: roman F.M. Dostoevskogo «Igrok» [Temptation by Europe: a novel by F. M. Dostoevsky 'The Gambler']. *Tomsk State University Journal*, 314, 13–17.
- Gerigk Kh. Yu. (2016). *Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'ev Karamazovykh»* [Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov"]. Saint Petersburg, Pushkin House Publishing House; Nestor-History, 320.
- Danilova N. K. (2015). «Igrok» i osobennosti romana Dostoevskogo ['The Gambler' and the features of Dostoevsky's novel]. *XIX Tsarskosel'skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The 19th Tsarskoye Selo Readings: Proceedings of the International Scientific Conference]. St. Petersburg, 249–253.
- Dronova O. A. (2005). Chelovek i istoriya v romane G. Fallady «Malen'kiy chelovek – chto dal'she?» [Man and History in H. Fallada's novel *Kleiner Mann – was nun?*]. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2 (38), 47–52.
- Dostoevskiy F. M. (1982). Igrok [The Gambler]. *Collected works in 12 volumes*, 3. Moscow, Pravda, 305–446.
- Zakharov V. N. (2013). *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The author's name is Dostoevsky. Essay of creativity]. Moscow, Indrik, 456.
- Kaufman L. S. (1976). Fallada [Fallada]. *The history of German literature in five volumes. Vol. 5. 1918–1945*. Moscow, Nauka, 403–418.
- Motyleva T. (1990). Predislovie [Foreword]. *Fallada Kh. Collected works in 4 volumes*, 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 5–24.
- Suchkov B. (1957). Gans Fallada [Hans Fallada]. *Wolf among wolves*. Moscow, 3–27.
- Fallada G. (1957). *Volk sredi volkov* [Wolf among wolves]. Moscow, 880.
- Fridlender G. M. (1978). Dostoevskiy, nemetskaya i avstriyskaya proza XX v. [Dostoevsky, German and Austrian prose of the twentieth century]. *Dostoevsky in foreign literatures*. Leningrad, Nauka, 117–174.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.08.2023.
Принята к публикации 10.11.2023.

Об авторе

Мельникова Любовь Александровна – кандидат филологических наук (10.01.03), доцент кафедры филологических дисциплин Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»; ORCID: 0000-0001-5257-6069; lmelnikova5@mail.ru

Melnikova L. A.

CHARACTERS-PLAYERS IN THE GAMBLER BY F. M. DOSTOEVSKY AND WOLF AMONG WOLVES BY H. FALLADA: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to comprehending the features of the representation of the characters-players in the novels 'The Gambler' by F. M. Dostoevsky and 'Wolf among Wolves' by H. Fallada. Using a comparative historical method of research, parallels are identified in the development of the storylines of the works, related to the theme of the game, as well as similar means of revealing the main characters. It is found that both the authors set themselves the task of reconstructing the psychological portrait of the character-player revealing the influence of the game on the human mind, his way of thinking and behaviour. The leading means of revealing the characters of Alexei Ivanovich in *The Gambler* and Wolfgang Pagel in *Wolf Among Wolves* are speech characteristic, internal monologue, expressive artistic detail, portrait-assessment. However, if in the novel by F. M. Dostoevsky the theme of the game is central, in the novel by H. Fallada the psychological collisions of the character-player are covered only in the first part of the work. Both the authors consistently trace the dynamics of changes in the attitude of their characters to the game, showing

how prudence gives way to impulsive and thoughtless actions, which ultimately leads the characters to a state of moral and material collapse. However, if H. Fallada in the finale of his work shows his character freed from a pernicious vice and able to morally transform, F. M. Dostoevsky's finale of *The Gambler* depicts a morally degraded character, completely absorbed in the elements of the game, but at the same time retaining hope for his spiritual resurrection.

Keywords: H. Fallada, F. M. Dostoevsky, novel, game, Wolfgang Pagel, Alexei Ivanovich, literary influence

For citation: Melnikova L. A. The images of heroes-players in the novels by F. M. Dostoevsky 'The Gambler' and H. Fallada 'Wolf among wolves'. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 582-590. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).582-590

Назарова И. Г., Станевич С. В.

«ЛЕДА» Р. М. РИЛЬКЕ: МОДЕРНИСТСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ МИФА

Аннотация. В статье представлен литературоведческий анализ стихотворения Райнера Марии Рильке «Леда» с нескольких позиций. Сонет рассматривается как модернистское произведение, созданное под влиянием Огюста Родена, обладающее признаками литературного произведения синтетического типа и представляющее собой так называемое «стихотворение-вещь». Доказывается присутствие в стихотворении скрытого смысла, который делает всё произведение метафорой поэтического творчества. Обосновывается идейное влияние самого мифологического первоисточника, что художественно выражается в трактовке образа Лебеда как дионисийского начала, а не полностью аполлонического. Рассматривается художественная форма сонета и доказывается присущая ей, в данном случае, орнаментальность в расположении лексического материала, что подчёркивает модернистскую природу произведения Рильке. Делается вывод о преемственности, присущей стихотворению, как в использовании мифической персонификации, так и поэтической формы.

Ключевые слова: Леда и Лебедь, метафора, миф, модернизм, поэзия, Рильке, сонет, стихотворение-вещь.

Для цитирования: Назарова И. Г., Станевич С. В. «Леда» Р.М. Рильке: модернистское прочтение мифа // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 591-598. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).591-598

Сонет Р. М. Рильке о Леде входит в цикл «Новые стихотворения», часть 2. Эти стихи - плод воображения зрелого поэта, когда у Рильке уже сформировано понятие о красоте не без влияния Огюста Родена. Ранний Рильке придерживался традиции позднего романтизма, романтической концепции искусства как озарения [O'Leary, 2006]. После знакомства с Роденом он пересмотрит свои взгляды. В июне 1902 года Рильке получил от издателя и искусствоведа Мутера заказ на монографию о Родене. Он уезжает в Париж, чтобы лично познакомиться со скульптором и его творчеством. В том же году книга была написана. В ней Рильке изложил новый модернистский взгляд на природу творчества и идею красоты. По его словам, с ним говорят вещи, среди которых вещи Родена, вещи готических соборов, античные вещи, они-то и указывают поэту на образцы, на движущийся, живой мир [Rilke, 1981]. У Рильке формируется новое понимание красоты и, как следствие, рождаются *стихотворения-вещи* (Ding-Gedichte), в форму которых вмещается вся вселенная. Вещи находятся в диалоге с человеком и со всем миром культуры. Скульптурные образы Родена сыграли свою роль в изменении эстетических взглядов Рильке, переходе его на позиции модерна при сохранении преемственности с романтизмом. Скульптуры Родена - почти всегда образы единоборства со стихией, они полны застывшей динамики и энергетики эротизма. Подобный образ становится эстетическим идеалом и для Рильке. Многие из «Новых стихотворений» созданы под влиянием эстетических предпочтений Родена. Сонет «Леда» словно являет собой стихотворное воплощение скульптуры Родена, например, «Вечной весны», в которой у Рильке мужская фигура заменена на лебедя, или скульптуры иного мастера эпохи модерна, например, «Леды и Лебеда» Степана Эрзи. Произведения синтетического типа вообще характерны для модернистского искусства. В сонете Рильке – синтез искусства словесного и визуального, литературы и скульптуры. Скульптор, создавая образ какого-либо объекта, обращает внимание поэта на важность работы с натурой. Взгляд поэта переключается с субъективного восприятия на

объективное. Эротизм произведений Родена находит своё воплощение в сонете Рильке. Оба понимают эротизм как высшее природное явление. Конфликт между чувственностью и невинностью, возрастающее отсюда эмоциональное напряжение, - характерная черта искусства модерн. Если для ранних стихотворений Рильке характерны мечтательность и поэтическая рефлексия, то в «Новых стихотворениях» он акцентирует внимание на конкретном зримом образе. Благодаря творчеству Родена Рильке строит свою концепцию *стихотворения-вещи*, воссоздающего предмет действительности и создаваемого тяжким трудом: «Man wird einmal erkennen, was diesen großen Künstler so groß gemacht hat: Daß er ein Arbeiter war, der nichts ersehnte, als ganz, mit allen seinen Kräften in das niedrige und harte Dasein seines Werkzeugs einzudringen» («Когда-нибудь мы узнаем, что сделало этого великого художника таким великим: он был рабочим, который ничего не желал, кроме как полностью погрузиться всеми своими силами в низкое и тяжелое существование своего инструмента») [цит. по Rilke, 1981, s. 439]. Роден с его одержимостью, умением отречься от всего второстепенного, сиюминутного во имя главного, искусства, с его умением трудиться постоянно, всегда, не дожидаясь вдохновения и не рассчитывая на него, стал для Рильке примером подлинного художника, творящего искусство из обыкновенной жизни. Ведь жизнь - и это главное, чему Рильке учится у Родена, - может стать искусством, только если она станет сначала работой. Метафорическое воплощение этой концепции творчества художника в широком смысле мы увидим в стихотворении Рильке «Леда». Свою задачу Рильке видит в том, чтобы через конкретные изображения конкретных вещей постигать логику бытия, поскольку вещь – часть этого бытия, часть нашего «я», часть материально запечатленной духовности. В вещи человек реализует свое мироощущение, творит, через неё имеет возможность состояться во времени и пространстве, прикоснуться к будущему. Смысловой центр тяжести в цикле «Новые стихотворения» – это изображение предметов (вещей) объективного мира. Предметы, даже неодушевленные, существуют в своей реальности, живут своей жизнью. В этом выражается один из принципов модернистской поэтики: внешнее – это внутреннее и наоборот, видимое и невидимое – неразрывны [Перси, 2007]. Так, сквозь зримый эротизм произведений Родена и Рильке проступает иной, невидимый, смысловой пласт.

Сонет Рильке «Леда» входит в категорию «вещных» стихотворений, категорию одновременно философскую и эстетическую. Его источником послужил древнегреческий миф о Зевсе и Леде (жене спартанского царя Тиндарея). У Рильке стихотворение-сонет «Леда» стоит третьим по счету в серии мифологических сюжетов после «Архаического торса Аполлона» и «Артемиды Критской». Сюжет о Леде и Лебеде часто возникает в истории искусств. Не мог обойти его своим вниманием и модернизм, и Рильке как представитель югендстиля, хотя, конечно, Рильке, скорее, ищет не первоисток, а «субъективную возможность для фантазии и поэтического описания» [Stone, 2017, p. 477]. Миф о Лебеде и Леде дал ему эту возможность. Сам образ лебеда глубоко символичен. Лебедь – постоянный мотив модерна, и не только его, в искусстве он присутствует всегда, символизируя разные вещи [Перси, 2007]. В мировой культуре лебедь изначально выступает символом красоты, чистоты, верности и любви. Недаром именно лебеди, запряженные в повозку, сопровождают богиню любви Афродиту. Они

же приветствуют рождение Аполлона. Другие эпохи наполняют символ другими смыслами. Лебедь в романтизме, например, совсем не то же, что в модернизме. Мотив – один, а символ различен [Перси, 2007]. Так что, присутствие лебедя в искусстве – древняя традиция, каждый раз наполняющаяся новыми смыслами, в основе которых всё равно лежит что-то общее. Лебедь – образ универсальный, в модерне присутствует и в литературе, и живописи, и скульптуре (Бальмонт, Врубель, Эрзья). На его стилизацию влияет сама его наружность, его белоснежное оперение, стремительное плавное скольжение по воде, величественный гордый вид.

Leda

Als ihn der Gott in seiner Not betrat,
erschrak er fast, den Schwan so schön zu
finden;
er ließ sich ganz verwirrt in ihm
verschwinden.

Schon aber trug ihn sein Betrug zur Tat,

bevor er noch des unerprobten Seins
Gefühle prüfte. Und die Aufgetane
erkannte schon den Kommenden im Schwane
und wußte schon: er bat um Eins,

daß sie, verwirrt in ihrem Widerstand,
nicht mehr verbergen konnte. Er kam nieder
und halsend durch die immer schwächere Hand

ließ sich der Gott in die Geliebte los.
Dann erst empfand er glücklich sein Gefieder
und wurde wirklich Schwan in ihrem Schoss.

Леда

Когда его обличье принял бог,
то испугался стати лебединой,
он с птицей гордой плотью стал единой,
и собственный обман его увлек.

Иного бытия он чувств желал.
Она его узнала в новом теле
и чувства поняла, что им владели,
которые он, впрочем, не скрывал.

Противиться едва ль она могла
и уступила натиску в смятенье.
Он распростер над нею два крыла

и овладел возлюбленной в тот миг,
потом, счастливый, белым опереньем
он лебедем на лоно к ней приник.

(Перевод И. Г. Назаровой)

Стать лебедем для Зевса – это что-то непостижимое; его самого это удивляет и пугает одновременно, но сдержать свою страсть и удержаться от соблазна он не может. (Он испытывает потребность перевоплощения, если перевести слово *Not* буквально, то это – «нужда». Разумеется, слово многозначно. В русском варианте, скорее, подойдет слово «необходимость», но оно слишком длинное для перевода). Им управляют неведомые чувства, «иное бытие», как сказано у Рильке (*das unerprobte Sein*). Он познает то, что возможно ощутить, лишь превратившись в лебедя. Рильке стилизует лебедя как обладающего величественной гордой статью: *den Schwan so schön zu finden*. И Леда не может устоять перед этой божественной силой, которую она ощущает. Между тем Зевс, который прибегает к обману, чтобы овладеть Ледой, понимает, что это уже не обман, что он стал другим. Истинная суть произведения куда глубже, чем просто страсть, превращение и обладание. Под внешним эротическим планом повествования проступает скрытый план, и даже не один. Прежде всего, просматривается параллель с темой творческого акта как такового: поэт и поэтическое произведение. Лебедь – это сам поэт, художник. Такое изображение не ново в истории литературы, ещё Гораций называет Пиндара лебедем, а Жуковский лебедем называет Пушкина. В сонете Рильке Зевс – это поэт, раздираемый сложными чувствами, ему необходимо вдохновение, которое позволит ему реализовать себя. Без этого поэт жить не может. Рождение стихотворения – это акт, похожий на рождение всего, что появляется в мире нового. (Эта мысль не нова, еще в древности Сократ майевтикой называл процесс нахождения истины, само слово «майевтика» означает повивальное искусство). Леда – это поэтическое вдохновение, та почва, которая дает поэту возможность воплотить в жизнь своё стремление. Здесь встречаются два начала на двух планах бытия: на физическом плане – мужское и женское, на духовном плане – поэт и его муза. Описания Леды в стихотворении практически нет. Леда подчинена силой, безразличной к ней как к индивидуальности, такое изображение Леды – типично и для других художников модернистов, толкователей этого мифа [Barnwell, 1977]. Все происходящее представлено через призму восприятия Зевса, т.е. поэта: *erschrak er fast, er ließ sich ganz verwirrt, empfand er glücklich*. Воплотившийся в лебедя Зевс испытывает потрясение, он не сразу успевает приспособиться к своему преображению. Состояние потрясения, эмоционального шока, в котором находятся и Зевс, и Леда, передаётся композиционно: каждая строфа начинается с неоконченной предыдущей. В поэзии такой способ называется французским словом *анжамбеман*, т.е. *перепрыгивание*. Замкнутая форма сонета словно размыкается, борясь в самой себе, чтобы прийти к завершению. Такое построение очень трудно для перевода, так как здесь необходимо передать мысль поэта, которая словно блуждает, но всё равно каждый миг стремится к завершённости, к конечной гармонии. Для модернистской поэзии такое извилистое, словно течение реки, построение характерно (см., например, русских модернистов Бальмонта, Северянина и др.). Собственно сонет представляет собой некое обрамленное целое.

Первые три строки первого катрена – это одно предложение, также отдельным предложением является последнее предложение второго терцета. Между ними – длинное предложение, которое рисует процесс, основное действие. Так формируется четкая зримая рамка: страсть, красота, смятение и счастье превращения, познание того, что в Зевсе произошло изменение. Первое предложение драматично. В мифах о Зевсе присутствует много сцен овладения Зевсом смертными женщинами. Это как один из актов сотворения мира. А иметь интимные отношения с Зевсом – это честь! Зевс пылает от страсти, но он не может предстать перед Ледой в своем обычном облике, так как он уже имел неосторожность предстать так перед Семелой, которую невольно испепелил. Зевс не хотел, чтобы это произошло с Ледой, поэтому решил предстать перед ней в образе лебедя. Средняя часть сонета описывает этот процесс: Зевс вселяется в лебедя. Сила этой страсти породила и метафору поэтического творения, и исторические события, которые она за собой повлекла, – гибель Трои и убийство Агамемнона Клитемнестрой. Проследим динамику сонета: *der Gott in seiner Not betrat* – Бог в силу необходимости, охваченный страстью вошел в лебедя. Страсть заставляет его идти на обман (чтобы не повторилась история с Семелой). Превращаясь в лебедя, он почти испытывает страх, испытывая неведомые ему доселе ощущения. Очертя голову, он бросается в это любовное приключение. Но!... Сила любовной страсти меркнет перед силой красоты лебедя. Эта красота ведет его к познанию лебедя, в результате обмана, т.е. подмены, с ним произошло нечто невероятное: он изменился. Собственно говоря, это динамика творческого акта. Поэт не свободен: вдохновение его толкает вперед, на прорыв в неизведанное. Это требует силы преодоления. Поэту для творческого самовыражения надо найти нечто новое, вырваться из плена банальности. Ключевыми словами и выражениями являются: *Not* *необходимость*, *schön zu finden* *находить красивым*, *verwirrt* *в смятение*, *Betrug* *обман*, *das unerprobte Sein* *неведомое бытие*, *glücklich* *счастливый*. Рильке говорит о поэте-художнике, которого вдохновение заставляет писать. *Ganz verwirrt* – в абсолютном смятении он уступает соблазну и погружается в лебедя и оказывается перед силой неведомых переживаний – *unerprobtes Sein*. Он открывает в себе новые возможности; их ему открывает лебедь. Зевс находится в полном смятении (*verwirrt*). Леда узнает в нем бога. Она не может не открыться ему. В ней возникает желание принять Его, зачать от Него. Она тщетно пытается сопротивляться, борется с собой, но в то же время уже обнимает Его. И Он познаёт свою любовь и становится в ее лоне любящим лебедем. Он отдался счастьем и любви, которые прочувствовал. Познание красоты ведет к познанию любви. Он изменился!

По сути, такое построение сонета – орнаментально, одна главная мысль выражена разнообразными, но синонимичными в данном контексте лексическими единицами. Всё стихотворение представляет собой словесный орнамент: прихотливое сквозное движение мысли от начала к концу, что даёт нам основание причислить произведение к поэзии стиля модерн.

Для творчества Рильке весьма характерно *иновидение*: он описывает состояние и видение мира с позиций другого существа, «инобытия» (*Seins Gefühle prüfte*). Стремление передать эмоцию не человека, но птицы, пантеры, пса, скарабея и других животных проступает во всех его стихотворениях о животном мире, который, по сути,

является метафорой всего мира. В письме 1904 г. Рильке пишет: “das tiefste Erleben des Schaffenden ist weiblich – den es ist empfangendes und gebarendes Erleben” («Самое глубокое переживание творящего – женское переживание, потому что это переживание принимающей и рождающей стороны») [цит. по Sword, 1992, p. 309]. Рильке возвращал в себе «воспринимающие» эмоциональные черты, много общаясь с известными писательницами своего времени, в том числе с Мариной Цветаевой, и переводя их поэзию. Однако в «Леде» Рильке не отождествляет себя с женским протагонистом. Здесь метафора поэтического вдохновения, в которой Зевс выступает в роли поэта, а его страстная цель – поэтическое творение. Изначальный импульс Зевса – ощутить лебедя, а не Леду. Объект его вожделения – первоначально лебедь. Акт проникновения в тело лебедя описывается как потребность Зевса. В этом заключается аллегория: поэт должен войти в измененное состояние поэтического вдохновения, чтобы воплотить свой замысел. Лишь после этого он действительно ощущает себя творцом. Это борьба внутренняя, духовная, которая происходит на тонком невидимом плане, иллюстрацией чего является сонет Рильке. Возрождение через сексуальную связь, выход через неё на новый духовный уровень, – это одна из любимых идей модернизма. Например, у Лоуренса женщина тоже выступает как посредница, возрождающая человека посредством секса [Brunsedale, 1983].

Мы укажем ещё и на третий план стихотворения, связанный с его мифологическим основанием. Лебедь в сонете Рильке – это метафора избранности поэта, его поэтический двойник. Такое восприятие лебедя не является исключением в истории литературы. Однако в поэзии модернизма метафора приобретает особый смысл рока, предопределённости, что, в случае сонета Рильке, подчёркивается использованием древнегреческого мифа, приведшего к трагической гибели Трои. Песнь поэта приобретает роковой характер. В этом мы видим ещё одну характерную черту поэзии модернизма – двусмысленность. «All things are antithesis» («Всё – антитеза») [Johnsen, 1991, p. 84]. Лебедь – птица Аполлона. Но в мифе о Лебеде и Леде он обретает дионисийское начало, его роль грозна и непредсказуема [Sword, 1992, p. 310]. Лебедь у Рильке словно метафорическое отображение *navigatio vitae*, коль скоро нам известна трагическая развязка. В таком же ключе трактуется этот сюжет у другого великого поэта модерна У. Б. Йейтса [Lind, 1953; Sword, 1992; Spitzer, 1954]. Вневременность, внепространственность мифа – это то, что сближает его с модернизмом, который стремился к идеальному в своём бегстве от современной ему действительности рубежа столетий.

С формальной поэтической стороны Рильке остаётся в русле романтизма, не отвергает традиционные модели поэтического творчества, ни рифму, ни размер [O’Leary, 2006, p. 37]. Между модернизмом и поэзией существовали сложные отношения. Так, например, Kong приводит устоявшийся взгляд на модернизм как на «радикальный сдвиг в эстетическом и культурном восприятии» [Kong, 2005, p. 28]. Но всё же эти отношения нельзя мыслить в терминах разрыва и отвержения [Thain, 2007, p. 23]. Темы и образы не могли закончиться на рубеже столетий. Присутствовала преемственность, как в использовании мифической персонификации, так и поэтической формы.

Литература

- Перси Уго (2007). *Модерн и слово: стиль модерн в литературе России и Запада*. Москва, Аграф.
URL: https://www.studmed.ru/persi-u-modern-i-slovo-stil-modern-v-literature-rossii-i-zapada_626ecd2c2cd.html
- Barnwell W. C. (1977). The Rapist in "Leda and the Swan." *South Atlantic Bulletin*, 42(1), 62–68.
DOI: 10.2307/3199055
- Brunsdale M. M. (1983). Toward a Greater Day: Lawrence, Rilke, and Immortality. *Comparative Literature Studies*, 20(4), 402–417. URL: <http://www.jstor.org/stable/40246420>
- Johnsen W. (1991). TEXTUAL/SEXUAL POLITICS IN YEATS'S "LEDA AND THE SWAN." In L. ORR (Ed.), *Yeats and Postmodernism* (pp. 80–89). Syracuse University Press. DOI: 10.2307/j.ctv9b2xfb.8
- Kong Y. (2005). Cinematic Techniques in Modernist Poetry. *Literature/Film Quarterly*, 33(1), 28–40.
URL: <http://www.jstor.org/stable/43797208>
- Lind L. R. (1953). Leda and the Swan: Yeats and Rilke. *Chicago Review*, 7(2), 13–17.
URL: <https://doi.org/10.2307/25292938>
- O'Leary J. S. (2006). The Palm of Beauty: Yeats, Rilke, Joyce. *Journal of Irish Studies*, 21, 36–48.
URL: <http://www.jstor.org/stable/20539000>
- Rilke R. M. (1981). *GEDICHTE Moskau*. Verlag PROGRESS, 520.
- Spitzer L. (1954). On Yeats's Poem "Leda and the Swan." *Modern Philology*, 51(4), 271–276.
URL: <http://www.jstor.org/stable/435175>
- Stone L. S. (2017). Rilke's "Kinderstube": Phenomenology in Childhood Spaces. *The German Quarterly*, 90 (4), 476–491. URL: <http://www.jstor.org/stable/44968584>
- Sword H. (1992). Leda and the Modernists. *PMLA*, 107(2), 305–318. DOI: 10.2307/462642
- Thain M. (2007). Modernist "Homage" to the "Fin de siècle." *The Yearbook of English Studies*, 37(1), 22–40.
URL: <http://www.jstor.org/stable/20479276>

References

- Barnwell, W. C. (1977). The Rapist in "Leda and the Swan." *South Atlantic Bulletin*, 42(1), 62–68. DOI: 10.2307/3199055
- Brunsdale, M. M. (1983). Toward a Greater Day: Lawrence, Rilke, and Immortality. *Comparative Literature Studies*, 20 (4), 402–417. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40246420>
- Johnsen, W. (1991). TEXTUAL/SEXUAL POLITICS IN YEATS'S "LEDA AND THE SWAN." In L. ORR (Ed.), *Yeats and Postmodernism* (pp. 80–89). Syracuse University Press. DOI: 10.2307/j.ctv9b2xfb.8
- Kong, Y. (2005). Cinematic Techniques in Modernist Poetry. *Literature/Film Quarterly*, 33(1), 28–40. Available at: <http://www.jstor.org/stable/43797208>
- Lind, L. R. (1953). Leda and the Swan: Yeats and Rilke. *Chicago Review*, 7 (2), 13–17. Available at: <https://doi.org/10.2307/25292938>
- O'Leary, J. S. (2006). The Palm of Beauty: Yeats, Rilke, Joyce. *Journal of Irish Studies*, 21, 36–48. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20539000>
- Persi Ugo (2007). *Modern i slovo : stil' modern v literature Rossii i Zapada* [Art Nouveau and the Word : the Art Nouveau style in the Literature of Russia and the West] Moskow, Agraf. Available at: https://www.studmed.ru/persi-u-modern-i-slovo-stil-modern-v-literature-rossii-i-zapada_626ecd2c2cd.html
- Rilke R. M. (1981). *GEDICHTE Moskau*, Verlag PROGRESS, 520.
- Spitzer, L. (1954). On Yeats's Poem "Leda and the Swan." *Modern Philology*, 51(4), 271–276. Available at: <http://www.jstor.org/stable/435175>
- Stone, L. S. (2017). Rilke's "Kinderstube": Phenomenology in Childhood Spaces. *The German Quarterly*, 90 (4), 476–491. Available at: <http://www.jstor.org/stable/44968584>
- Sword, H. (1992). Leda and the Modernists. *PMLA*, 107 (2), 305–318. <https://doi.org/10.2307/462642>
- Thain, M. (2007). Modernist "Homage" to the "Fin de siècle." *The Yearbook of English Studies*, 37(1), 22–40. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20479276>

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.08.2023.
Принята к публикации 05.11.2023.

Об авторах

Назарова Ирина Геворковна – кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001 - 9876 - 492X; vanarosa@mail.ru;

Станевич Светлана Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-3084-7299; Svetl.Semyonova2013@yandex.ru

Nazarova I. G., Stanevich S. V.

"LEDA" BY R. M. RILKE: A MODERNIST READING OF THE MYTH

Abstract. The article presents a literary analysis of Rainer Maria Rilke's poem "Leda" from several positions. The sonnet is considered as a modernist work created under the influence of Auguste Rodin, having the characteristics of a literary work of a synthetic type and representing the so-called "poem-thing". The presence of a hidden meaning in the poem is proved, which makes the whole work a metaphor for poetic creativity. The ideological influence of the mythological source of the poem is substantiated, which is artistically expressed in the interpretation of the image of the Swan as a Dionysian principle, and not completely Apollinarian. The artistic form of the sonnet is considered and its inherent, in this case, ornamentation in the arrangement of lexical material is proved, which emphasizes the modernist nature of Rilke's work. The conclusion is made about the continuity inherent in the poem, both in the use of mythical personification and poetic form.

Keywords: Leda and the Swan, metaphor, myth, modernism, poetry, Rilke, sonnet, poem-thing.

For citation: Nazarova I. G., Stanevich S. V. "Leda" by R. M. Rilke: a Modernist reading of the myth. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 591-598. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).591-598

Фонова Е. Г., Шитц О. А.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ОБ ОПЫТЕ ПЕРЕВОДА «ПУТЕШЕСТВИЯ В РОССИЮ» БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕРА

Аннотация. Статья посвящена анализу работы по переводу «Путешествия в Россию» французского писателя Бернарден де Сен-Пьера в аспекте межкультурной коммуникации. Рассматриваются используемые авторами переводческие стратегии, в том числе историческая стилизация, эксплицирование, а также переводческий комментарий. Изучаются также приёмы, используемые при передаче российских реалий самим Бернарденем, а именно доместикация, форенизация, транслитерация. Эти переводческие приёмы имели и имеют целью способствовать более эффективной межкультурной коммуникации и диалогу культур как читателей Бернарден де Сен-Пьера во Франции, так и читателей перевода путевых записок в России.

Ключевые слова: Бернарден де Сен-Пьер, диалог культур, межкультурная коммуникация, стратегия перевода, эксплицирование и элиминация, историческая стилизация, форенизация и доместикация

Для цитирования: Фонова Е. Г., Шитц О. А. Диалог культур: об опыте перевода «Путешествия в Россию» Бернарден де Сен-Пьера // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 599-606. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).599-606

Перевод любого художественного произведения становится вызовом для переводчика, так как его миссия – способствовать пониманию иноязычного текста, иностранной культуры и мировосприятия на родном языке. Таким образом, перевод помогает налаживать межкультурную коммуникацию, выстраивать диалог культур. «Путешествие в Россию» Бернарден де Сен-Пьера в этом плане вдвойне интересное произведение, так как сам автор сначала знакомит французского читателя с российскими реалиями, давая возможность расширить свои горизонты в области диалога культур, а затем мы, как переводчики, продолжаем эту межкультурную коммуникацию, показывая, как нашу страну воспринимают иностранцы.

Здесь мы говорим, по классификации П. Н. Донец о «дистантной межкультурной коммуникации», когда «восприятие инокультурного текста зафиксировано в письменной или иной форме», в отличие от устного межкультурного дискурса [Донец, 2004, с. 34]. Несомненно, при переводе возникает масса сложностей при передаче бытовых, культурных, исторических, географических реалий на другой язык. Здесь можно согласиться М. В. Рябовой, которая говорит о том, что в «ситуации безэквивалентности лишь одна культура способна оценить определенный знак, поскольку он отсутствует в другой культуре, а представителю другой культуры потребуется максимальное количество усилий для компенсации понимания» [Рябова, 2013, с. 144]. Как раз на этом этапе очевидной становится ключевая роль переводчика, который должен суметь наладить этот диалог культур, применив все свои фоновые знания, дать возможность читателю перевода вступить в эту межкультурную коммуникацию через века.

Следует отметить, что Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер – французский писатель и мыслитель XVIII века, член Французской Академии, был страстным путешественником и рассказывал о своих поездках в путевых заметках, которые были чрезвычайно популярны у читателей того времени. В 1762 году Бернарден де Сен-Пьер отправился в Россию. У него был проект по открытию пути в Индию через Российскую

империю и созданию колонии авантюристов на Аральском море. Он надеялся через графа Орлова заручиться поддержкой императрицы, однако ему это не удалось [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, 1836, р. XXII-XXIII]. Свои впечатления от поездки в Россию Бернарден описывает в «Путешествии в Россию» и частично в «Этюдах о природе». В настоящее время готовится к изданию осуществлённый авторами статьи перевод «Путешествия в Россию» на русский язык. Ранее эта книга не была переведена, в то время как её материал представляется крайне интересным и любопытным как для читателя, так и для переводчика.

Сам текст, написанный в популярной для XVIII века форме путевых заметок, характеризуется жанровой свободой. Главенствующая роль здесь принадлежит автору-путешественнику, чьими глазами читатель видит описываемую им действительность. Очевидно, что путевые заметки носят крайне субъективный характер, так как и выбор материала, и его подача, и расстановка акцентов, и стилистические приёмы всецело зависят от воли автора. Помимо этого, автор-рассказчик имеет своё мировоззрение и взгляды (политические, культурологические и т.п.), сквозь призму которых он ведёт своё повествование, имея целью не только рассказать читателю о своей поездке, но и выразить свою точку зрения по поводу увиденного, дать свою оценку быту, нравам, традициям, национальным чертам характера и т.д. посещаемой страны, что способствует формированию у аудитории определенного мнения об описываемой местности и её обитателях. Это позволяет нам причислять «путешествия» к литературным, а не документальным или историческим жанрам.

Тем не менее, специфика этого жанра подразумевает и наличие документальных элементов, так как перед нами предстаёт своего рода исторически-культурологический пласт описываемой страны, включающий в себя и определённые географические, антропологические, экономические, политические характеристики, хоть и представленные через сугубо авторский взгляд [Гуминский, 1987; Кублицкая, 2019; Майга, 2014; Маслова, 1980; Скибина, 2014; Шачкова, 2008]. В связи с этим тексту путевых заметок присуща в определённой степени некоторая публицистичность. Не случайно очень часто такого рода произведения печатались в журналах.

Бернарден описывает свои наблюдения и анализирует различные аспекты жизни российского общества, но облакает это всё в литературную форму, используя очень богатую лексическую и образную палитру, употребляя средства художественной выразительности. Несмотря на свою писательскую деятельность, Бернарден был натуралистом, аналитически подходящим ко всем вопросам, хорошо разбирался в истории, геологии, биологии: (1) *On a blâmé Pierre-le-Grand d'avoir fixé le centre de son empire dans les marais de la Nèva; mais pour ouvrir une route aux arts de l'Europe, il ne pouvait choisir d'autre position que le fond du golfe de Cronstadt, puisqu'alors la Livonie et la Finlande ne lui appartenaient pas;* (2) *la Sibérie produit des cristaux, des topazes, des agates couleur de rose, des cornalines, du jaspe sanguin, des mines de cuivre et de fer inépuisables. Près du fleuve Amur, vers la Chine, est une mine d'or très-abondante: c'est vers la partie méridionale qu'on recueille la rhubarbe, dont les premières tiges, au printemps, se mangent cuites: aliment, dit-on, aussi salubre qu'agréable. Ses plus grandes richesses sont dans ses pelleteries; on en tire des hermines, des chats sauvages, des renards biens et noirs*

d'un prix excessif [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, 1836, p. 18, 19].

«Записки» Бернардена имеют свою специфику, которая заключается в отсутствие характерных для данного жанра пунктов (цель путешествия, маршрут и его протяжённость, а также характер путешествия). Складывается впечатление, что путешественник сам мало что из описываемого в этих путевых заметках посетил. Очень уж много встречается в повествовании фактологических ошибок и неточностей. Так, описывая традиционный для зажиточных финнов обед, автор говорит о лососе, к голове которого они никогда не притрагиваются. Для объяснения этого факта путешественник цитирует лично им прочитанную финскую мифологию, согласно которой: «*le dieu Thor, dans un combat avec les dieux, ayant pris la forme de ce poisson, fut saisi par la tête.*» [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, p. 21]. Упоминаемый автором бог Тор относится к скандинавской мифологии, а не к финской. Кроме того, этот облик принял не Тор – бог грома и молнии, а Локи – бог хитрости, обмана и коварства, когда пытался спрятаться от ищущих его асов.

Или ещё один пример: «*L'océan septentrional est plus remarquable par la quantité et la singularité de ses poissons. On y trouve le cheval marin, animal monstrueux, dont la gueule est armée de dents longues et tranchantes; sa peau, de plus d'un pouce d'épaisseur, est à l'épreuve du fusil: l'ours blanc, sorte d'amphibie qu'il ne faut pas confondre avec l'ours des forêts; il ressemble au gros chien danois; il a les yeux petits et rouges, le poil ras, les pattes grosses, courtes et armées de griffes; il est dans une agitation et une fureur perpétuelle; il vit de poissons qu'il cherche en plongeant dans la mer*» [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, p. 18]. Здесь читателю требуется пояснить, что «Северным океаном» («*L'océan septentrional*») называли Северный Ледовитый океан на картах, созданных преимущественно до XVII века. Помимо этого, оставляя старофранцузскую меру длины «пус» («*un pousse*»), чтобы не осовременивать текст общеупотребительным сегодня «дюймом», требуется также пояснение, что она равна 2,7 см. И, как видно из примера, несмотря на то, что Бернарден был натуралистом, он ошибочно называет белого медведя земноводным животным. Это также вызывает определённые трудности у переводчика, и требует переводческого комментария и пояснения.

Помимо этого, наиболее частотное местоимение, употребляемое автором – неопределенно-личное местоимение *on*. У этого местоимения есть два варианта перевода на русский язык: для разговорной речи характерное его употребление в форме первого лица множественного числа («мы»), но чаще – в безличных конструкциях, когда не важно или неизвестно, кто является агентом действия. Например, *On est obligé de changer de relais au milieu des bois ...; On croirait voir des forêts, des colonnes, de vastes portiques, ...; On n'est point le maître de son imagination, ...; On a vu deux paysans partir à pied, sans argent, des environs de Moscou ...* [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, pp. 19, 20, 23]. Здесь для переводчика обнаруживается трудность, так как возникает вопрос – автор отстраняется от агента действия, то есть рассказчика, автора путевых заметок, и использует безличные конструкции, чтобы поделиться с читателями интересной информацией, о которой он узнал, либо он всё-таки включает себя в это «он», и мы вправе переводить его местоимением «мы», тем самым считая, что он всё-таки сам проехал по всем описанным местам (что представляется

маловероятным) и увидел всё собственными глазами. Примечательно, что в других своих путевых заметках на Иль де Франс («Voyage à l'Isle de France, à l'Isle de Bourbon, au Cap de Bonne-Espérance»), Бернарден повсеместно употребляет местоимения первого лица *je/ nous*, что более характерно для этого жанра: ***Je viens d'arriver à l'Orient ...; j'ai vu en Bretagne ...*** [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, 1773, Lettre I, p. 7, 8]; ***Nous n'attendons, pour partir, ...; j'ai descendu dans ma chaloupe...*** [Там же, Lettre III, p. 15, 18]; ***J'entends le bruit ...*** [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, Lettre IV, p. 21]. Поэтому здесь не возникает сомнений в том, что автор непосредственно сам посетил все описываемые им места.

При переводе «Путешествия» приходилось использовать разные стратегии. Например, те, которые связаны с интерпретацией реалий – эксплицирование элементов национальной культуры и элиминация национально-культурной специфики. По мнению Н. В. Тимко, эксплицирование позволяет сохранить определённую культурную атмосферу произведения за счёт экзотизмов, перенося читателя в иную культурную атмосферу [Тимко, 2010, с. 65]. Поэтому, очевидным был наш выбор в пользу этой стратегии, поскольку нам понятны все отмеченные автором российские реалии. И только лишь однажды нам пришлось прибегнуть к элиминации, заменив французское слово *palet* на русское слово «игра», поскольку Бернарден, видимо, не знал или не смог узнать, как по-русски звучит название игры: ***«Ils ne souffrent pas qu'on s'en serve pour jouer au palet, c'est une profanation de les jeter à terre»*** [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, 1836, p. 24] – «Они не позволяют, чтобы их использовали в качестве биты в **игре**, бросать их на землю – кощунство».

Ещё одна интересная стратегия, которая видится нам довольно уместной при переводе «Путешествия в Россию» Бернардена – это историческая стилизация. В нашей работе мы опираемся на определение этого термина как: «архаизация» [Ахманова, 2004, с. 454], «подражание стилю речи, типичному для какой-либо эпохи» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 467], и вслед за В.С. Виноградовым, понимаем его как приём, при котором «умелым, неназойливым, осторожным включением в текст устарелых слов, оборотов и синтаксических конструкций создается налёт архаичности» [Виноградов, 2001, с. 142]. Так, при описании остяков, Бернарден говорит об обязательном налоге, который платит этот народ в казну, имея в виду *подушную подать*, которой было обложено всё податное население Российской империи: ***L'impératrice, touchée de leur pauvreté, leur fit dire qu'elle leur remettait la moitié de leur tribut; ce sont deux peaux d'hermine par tête.*** – «Императрица, глубоко тронутая их бедственным положением, велела им передать, что возвращает половину их **подушной подати**, которая составляла две шкурки горностая» [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, 1836, p. 22].

Многие традиции и реалии того времени он описывает словно с чьих-то слов, тем самым выдавая художественный вымысел за документальное отражение действительности. Так, описывая традиционные русские печи, автор упоминает о том, что в случае отравления угарным газом пострадавшего нужно непременно вынести голым на снег: ***Lorsque cette vapeur se répand dans les appartements, on sent une pesanteur de tête, des maux de cœur, un assoupissement, et enfin la mort; le seul remède est d'ensevelir le malade tout nu dans la neige*** [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, p.

22]. Повествуя о строгом соблюдении русскими постов, Бернарден перечисляет вещи, запрещённые в этот период, а именно: яйца, сливочное масло, молочные продукты и супружеские обязанности. В день, когда заканчивается пост, для женщин, согласно Бернардену, наступает праздник, поскольку к ним приходят мужья и они ощущают себя новобрачными: *Les maris rentrent dans leurs droits le jour de la Saint-Thomas; et c'est une grande fête pour toutes les femmes, qui, ce jour-là, se visitent et se complimentent comme de nouvelles mariées* [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, p. 23].

Как мы писали ранее, в тексте Бернардена есть много неточностей, в том числе и в транслитерации имен собственных, а также российских реалий: в именах – *Boutarlin* для маршала Бутурлина, *Czariskin* для Нарышкина; в географических названиях – *Archangel* для Архангельска, *Voska* для Вюксы; в названиях народов – *cosaques* для казаков, *calmouks* для калмыков; в названии российских реалий – *patoki* для батога, *chale* для чарки, *strelet* для стерляди, *doche* вместо *Dorsch* (нем.) для трески.

Важно отметить, что сам Бернарден для передачи российских реалий использовал две стратегии, а именно *форенизация* и *доместикация* (в терминологии Лоуренса Венути [Venuti, 1998; Venuti, 2008]). С одной стороны, он даёт незнакомые или не понятные для француза слова в транслитерации: *kloukva* – клюква, *doucinka*, *golobouska maia* – душенька, голубушка моя, *knès* – князь [Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, 1836, p. 19, 20, 24] и т.д., и тем самым делает выбор в пользу форенизации с целью приблизить читателя к культуре оригинального текста. С другой стороны, мы наблюдаем множество примеров доместикации с помощью понятных для европейского читателя терминов для передачи того или иного российского явления или понятия (*eau-de-vie*, *liqueur* для водки, *abbaye* для монастыря, *lieue* для версты, *souverain* для царя, *manteaux* для шинели, *prince* для князя, *esclave* для крепостного крестьянина, *cabaret* для кабака и др.), что устраняет чужеродность текста оригинала и приближает писателя к читателю. Здесь мы полностью согласны и с Н. В. Тимко, которая утверждает, что «если текстовый мир переводного текста принадлежит культуре, неизвестной читателю, между ним и этим миром устанавливается культурная дистанцированность: читатель принимает информацию о текстовом мире и оказывается не в состоянии установить непосредственную связь со своим собственным опытом. Ни автор оригинала, ни читатель текста не в состоянии проверить, насколько элементы культуры, представленные в переводе, соответствуют реальному положению вещей, так как оба они находятся по разные стороны лингвокультурного барьера» [Тимко, 2011, с. 154]. Мы же, как переводчики, используем скорее стратегию приближения, так как практически все приведенные французским писателем реалии понятны современному российскому читателю.

Таким образом, используя различные переводческие стратегии, переводчики помогают наладить диалог культур, способствуя эффективной межкультурной коммуникации, которая требуется для лучшего понимания представителей иноязычных культур и помогает выстраивать качественный и продуктивный диалог. В случае перевода путевых заметок о России Бернардена, для устранения культурной дистанцированности, переводчики опирались на историческую стилизацию, эксплицирование и переводческий комментарий для компенсации смысловых потерь, а также доместикацию для быстрого понимания российских реалий читателями.

Литература

- Ахманова О. С. (2004). *Словарь лингвистических терминов*. Москва, УРСС: Едиториал УРСС, 571.
- Виноградов В. С. (2001). *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва, Изд-во института общего среднего образования РАО, 224.
- Гуминский В. М. (1987). Путешествие. *Литературный энциклопедический словарь*. Москва, Советская энциклопедия, 314–315.
- Донец П. Н. (2004). *Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: автореф. дис. ... д-ра филол. наук*, Волгоград, 41.
- Кублицкая О. В. (2019). Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения). *Вестник Марийского государственного университета*, 13, 1, 76–84.
- Майга А. А. (2014). Литературный травелог: специфика жанра. *Филология и культура*, 3, 254–259.
- Маслова Н. М. (1980). *Путевой очерк: проблемы жанра*. Москва, Знание, 116.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. (1976). *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва, Просвещение, 543.
- Рябова М. В. (2013). Межкультурная коммуникация и перевод: основные точки соприкосновения. *Иностранные языки в процессе модернизации современного образовательного пространства: Материалы конференции, Благовещенск, 01 марта 2013 года*. Благовещенск, Изд-во БГПУ, 142–148.
- Скибина О. М. (2014). Путевой очерк: синкретизм жанра (на примере русской публицистики XIX века). *Вопросы теории и практики журналистики*, 4, 88–96.
- Тимко Н. В. (2010). К вопросу о передаче культурной специфики текста в переводе. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 1, 61–66.
- Тимко Н. В. (2011). Способы осуществления лингвокультурной трансляции в процессе перевода художественного текста. *Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 1(17), 151–157.
- Шачкова В. А. (2008). "Путешествие" как жанр художественной литературы: вопросы теории. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3, 277–281.
- Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre (1836). *Œuvres posthumes de Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre*. Paris, 631.
- Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre (1773). *Voyage à l'Isle de France, à l'Isle de Bourbon, au Cap de Bonne-Espérance, etc. avec des observations nouvelles sur la nature et sur les hommes*. Merlin (Amsterdam), 1, 344.
- Venuti L. (1998). *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. London and New York, Routledge, 211.
- Venuti L. (2008). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. L. N.Y., Routledge, 319. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Translator's_Invisibility.tml?id=vL9IKvxt3zAC&redir_esc=y (Accessed 20.07.2023)

References

- Akhmanova O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Editorial URSS, 571.
- Donets P. N. (2004). *Teoriya mezhkul'turnoy kommunikatsii: spetsifika kul'turnykh smyslov i yazykovykh form* [Theory of Intercultural Communication: Specificity of Cultural Meanings and Language Forms]: Dr. Philol. Sciences thesis, abstract. Volgograd, 41.
- Guminsky V. M. (1987). *Puteshestviye. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Journey. Literary encyclopaedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 314–315.
- Jacques-Henri Bernardin de Saint-Pierre (1836). *Œuvres posthumes de Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre*. Paris, 631.
- Jacques-Henri Bernardin de Saint-Pierre (1773). *Voyage à l'Isle de France, à l'Isle de Bourbon, au Cap de*

- Bonne-Espérance, etc. avec des observations nouvelles sur la nature et sur les hommes*. Merlin (Amsterdam), 1, 344.
- Kublitskaya O. V. (2019). Putevaya proza: zhanr, stil', diskurs, narrativ (itogi i perspektivy izucheniya) [Travel Prose: Genre, Style, Discourse, Narrative (Summary and Prospects of Study)]. *Vestnik of the Mari State University*, 13, 1, 76–84.
- Mayga A. A. (2014). Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra [Literary travelogue: specificity of the genre]. *Philology and Culture*, 3, 254–259.
- Maslova N. M. (1980). *Putevoy ocherk: problemy zhanra* [The travelling essay: problems of genre]. Moscow, Znaniye, 116.
- Rozental' D. E., Telenkova M. A. (1976). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow, Prosveshcheniye, 543.
- Ryabova M. V. (2013). Mezhekul'turnaya kommunikatsiya i perevod: osnovnyye točki soprikošnoveniya [Intercultural communication and translation: key points of convergence]. *Materialy konferentsii "Inostrannyye yazyki v protsesse modernizatsii sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva"* [Proc. Conf. "Foreign languages in the process of modernisation of modern educational space"]. *Blagoveshchensk*, 142–148.
- Skibina O. M. (2014). Putevoy ocherk: sinkretizm zhanra (na primere russkoy publitsistike XIX veka) [Travelling essay: syncretism of the genre (on the example of Russian journalism of the XIX century)]. *Issues of journalism theory and practice*, 4, 88–96.
- Shachkova V. A. (2008). "Puteshestviye" kak zhanr khudozhestvennoy literatury: voprosy teorii ["Travelling" as a genre of fiction: issues of theory]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3, 277–281.
- Timko N. V. (2010). K voprosu o peredache kul'turnoy spetsifiki teksta v perevode [Translating the culture-bound specifics of a text]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 1, 61–66.
- Timko N. V. (2011). Sposoby osushchestvleniya lingvokul'turnoy translyatsii v protsesse perevoda khudozhestvennogo teksta [Methods for implementing linguocultural translation in the process of translating a literary text]. *Electronic scientific journal of the Kursk State University*, 1 (17), 151–157.
- Venuti L. (1998). *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. London and New York, Routledge, 211.
- Venuti L. (2008). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London and New York, Routledge, 319. Available at: https://books.google.ru/books/about/The_Translator's_Invisibility.tml?id=vL9IKvxt3zAC&redir_esc=y (Accessed 20.07.2023).
- Vinogradov V. S. (2001). *Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow, Institute of General Secondary Education of RAS, 224.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.09.2023.
Принята к публикации 05.11.2023.

Об авторах

Фонова Евгения Геннадьевна – кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта; ORCID 0000-0001-9392-7347; efonova@kantiana.ru;
Шитц Ольга Александровна – кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта; ORCID 0000-0001-5418-1191; oschitz@kantiana.ru

Fonova E. G., Schitz O. A.

DIALOGUE OF CULTURES: ON EXPERIENCE OF TRANSLATING BERNARDIN DE SAINT-PIERRE'S JOURNEY TO RUSSIA (VOYAGE EN RUSSIE)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the translation work of *Journey to Russia (Voyage en Russie)* by the French writer Bernardin de Saint-Pierre in the intercultural communication aspect. The authors study the translation strategies used in their work such as historical stylization, explication, as well as translation commentary. The techniques used by Bernardin himself in translating Russian realities, namely domestication, foreignization, transliteration, are also examined. The translation techniques mentioned above were and are intended to facilitate intercultural communication and dialogue between the cultures of both Bernardin's readers in France and readers of the translations of his travel notes in Russia.

Keywords: Bernardin de Saint-Pierre, dialog of cultures, intercultural communication, translation strategy, process of explication and implication, historical stylization, foreignization and domestication.

For citation: Fonova E. G., Schitz O. A. Dialogue of cultures: on experience of translating Bernardin de Saint-Pierre's *Journey to Russia (Voyage en Russie)*, *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 599-606. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).599-606

Колобова А. В.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ И УДАРНИЧЕСТВО НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛЕНИНГРАДА В 1929–1935 ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается ход социалистического соревнования и ударничества на предприятиях пищевой промышленности Ленинграда в 1929–1935 гг. Анализируется создание ударных бригад руководством фабрик и заводов. Показано, как, стремясь сделать ударничество массовым движением, заводская администрация непреднамеренно создала группу лжеударников. Указываются другие причины появления «ненастоящих ударников» на производстве. Особое внимание уделяется деятельности ударных бригад, подчеркивается их неспособность демонстрировать высокие производственные показатели при неблагоприятных условиях работы. Выявлено идеологическое содержание социалистического соревнования и ударничества, в котором официальные власти видели способ построения социализма в СССР. Отмечается, что рабочие не осознавали общественной значимости хозяйственно-политических кампаний. Чтобы побудить производителей активнее участвовать в движении, была предпринята попытка заинтересовать их материально, но она не увенчалась успехом. Делается вывод, что социалистическое соревнование и ударничество не смогло решить задач, поставленных руководством страны.

Ключевые слова: индустриализация, первая пятилетка, пищевая промышленность, социалистическое соревнование, ударничество, лжеударники, хозяйственно-политические кампании.

Для цитирования: Колобова А. В. Социалистическое соревнование и ударничество на предприятиях пищевой промышленности Ленинграда в 1929–1935 гг. // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 607-613. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).607-613

Социалистическое соревнование и ударничество — хозяйственно-политические кампании советской власти, пик которых пришелся на годы первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Руководство страны предполагало, что с их помощью удастся решить целый комплекс вопросов социально-экономического характера и добиться более высоких показателей производительности труда, увеличения выпуска продукции и повышения ее качества.

Заявленная тема имеет как научную, так и общественную актуальность. Рассматриваемые как способ организации труда и производства социалистическое соревнование и ударничество представляют интерес для руководителей фирм, предприятий и организаций.

Актуальность избранной темы определяется также тем, что, несмотря на исследование данных вопросов в советской историографии [Дадыкин, 1954; Лебедева, Шкаратан, 1966; Рогачевская, 1978; Хлевнюк, 1989], многие аспекты социалистического соревнования и ударничества в пищевой промышленности Ленинграда до сих пор остаются не изученными. Выводы, сделанные учеными, в основном основывались на сведениях о положении дел в приоритетных отраслях промышленности (машиностроение, металлообработка). Между тем лицо советской индустрии в значительной степени определяли не крупные образцово-показательные предприятия, оснащенные современным оборудованием, а средние по размерам фабрики и заводы с большой долей ручного труда, к которым относились предприятия пищевой промышленности.

Целью статьи является анализ социалистического соревнования и ударничества

на предприятиях пищевой промышленности Ленинграда в 1929–1935 гг.

Характер массовой хозяйственно-политической кампании социалистическое соревнование приняло после того, как 20 января 1929 г. газета «Правда» напечатала написанную в декабре 1917 г. статью В. И. Ленина «Как организовать соревнование».

С самого начала руководство страны выступало за многообразие форм социалистического соревнования. Заводской администрации запрещалось навязывать рабочим предприятий те или иные способы участия в хозяйственно-политической кампании. Например, в постановлении ЦК ВКП(б), принятом 9 мая 1929 г., говорилось о необходимости «решительно бороться против каких-либо попыток регламентировать и ввести в установленные «сверху» схемы различные формы соревнования, выдвигаемые массовым опытом» [Юрьев, 1930, с. 40]. Однако вскоре после развертывания кампании широкое распространение и поддержку со стороны официальных властей получили ударные бригады.

Нередко организацией ударных бригад занимались заводоуправления, фабрично-заводские и партийные комитеты. Заводская администрация старалась определить в ударные бригады наиболее трудолюбивых, хорошо зарекомендовавших себя рабочих, способных выполнить социалистические обязательства. Поскольку ответственность за организацию работы бригады лежала на бригадире, то к подбору кандидата на эту должность подходили особенно тщательно [Кирияков, 1930, с. 31].

Одновременно существовали ударные бригады, которые создавались по инициативе самих рабочих. Они часто не заключали договоров о социалистическом соревновании, поэтому, с точки зрения заводской администрации, профсоюзной ячейки и партийного комитета, не являлись ударными в полном смысле этого слова. Например, согласно протоколу заседания Временной контрольной комиссии 4-й конфетно-шоколадной фабрики премированию подлежали лишь те бригады, которые оформили договоры о социалистическом соревновании [ЦГА СПб, б. д., д. 74, л. 48].

По мнению лидеров государства, ударники представляли собой пример для подражания. Работать по-ударному должны были все промышленные рабочие. Именно поэтому в газетных публикациях большое место отводилось рассказу о достижениях отдельных ударников. В порядке обмена опытом ударные бригады брали на «буксир» отстающие, вызывали их на социалистическое соревнование. Притом, что передовые рабочие не всегда могли объяснить причину своего успеха и поделиться секретами мастерства, соревнование между ударными и отстающими бригадами приносило свои плоды. Отстающие подтягивались, улучшали свои показатели. Однако большую роль в достижении результата играли факторы, не имевшие ничего общего с соревнованием. К примеру, для кандидатов и членов ВКП(б) решающими становились поручения бюро коллектива [ЦГАИПД СПб, б. д., д. 1, л. 19-20].

Перед заводской администрацией стояла задача превратить ударничество в подлинно массовое движение. На всесоюзном съезде бригад устанавливалось, что ударные бригады будут перерастать в ударные цеха, ударные цеха – в ударно-образцовые предприятия [Юрьев, 1930, с. 89]. На фабриках и заводах пищевой промышленности Ленинграда движение ударников развивалось в обратном порядке. Стремясь отчитаться о широком охвате рабочих предприятий ударным движением, заводская администрация, профсоюзная ячейка и партийный комитет часто вызывали

на соревнование однопрофильные фабрики и заводы, объявляли все предприятие ударным и лишь после приступали к организации ударных бригад, смен и цехов. В результате на пищевкусовых фабриках и заводах Ленинграда появились лжеударники.

Заводские газеты именovali лжеударниками работников, которые, имея ударные карточки, не выполняли план и не соблюдали правил трудовой дисциплины. К лжеударникам относились комсомольцы, которые после премирования не заботились о выполнении социалистических обязательств. Недостойным звания ударника признавался рабочий, страдавший алкоголизмом. Лжеударниками являлись сотрудники, систематически пропускавшие работу.

Возникновение лжеударников отчасти было вызвано неопределенностью критериев выделения ударников. Официально не было установлено, каким набором качеств должен обладать рабочий, чтобы считаться ударником. К ударникам относили тех, кто участвовал в социалистическом соревновании, перевыполнял план по производству продукции, добивался чистоты на рабочем месте, искоренял брак. В то же время ударник должен был активно участвовать в жизни коллектива предприятия, нести общественно-политическую нагрузку. Например, «Голос табачника» писал, что «ударник – тот, кто выполняет промфинплан, кто, борясь за его перевыполнение, вооружает себя техникой, овладевает хозрасчетом, постигает революционную теорию Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, является организатором общественной работы в бригаде, в цехе» [Голос табачника, с. 2]. Со временем стало ясно, что лишь единицы одновременно выполняют все взятые обязательства и участвуют в общественной жизни, поэтому появились ударники по качеству, ударники борьбы за чистоту на рабочем месте, ударники подписки на заем пятилетки и т. д. Однако в любой момент ударников, добившихся успеха в одной области, могли обвинить в «однобокости» и признать не соответствующими высокому званию.

Случалось, что из-за изменения режима работы фабрик и заводов, ритма производства, необеспеченности предприятий рабочей силой участники ударных бригад, сформированных руководством фабрик и заводов, становились обыкновенными рабочими или даже лжеударниками, если бригада считалась ударной, но уже не выполняла взятых обязательств. Например, переход хлебозавода им. Володарского на пятидневную рабочую неделю привел к тому, что ударная бригада отказалась от обязательств, взятых по договору о социалистическом соревновании. Вследствие нового трудового распорядка в полном составе она собиралась только один день в неделю [Рупор хлебника, 1929, с. 1].

По замыслу руководства ударники должны были своей работой искоренить все проблемы производственного процесса на фабриках и заводах, работать и добиваться высоких результатов вопреки объективным обстоятельствам. На практике оказалось, что деятельность ударных бригад в значительной степени зависела от бесперебойного обеспечения сырьем и материалами, устойчивого кадрового состава, наличия инструментов и исправно работающего оборудования. Иными словами, ударные бригады не были способными даже при неблагоприятных условиях демонстрировать высокую производительность труда и давать продукцию хорошего качества.

Лидеры государства смотрели на социалистическое соревнование и ударничество как на камень в основание нового социалистического общества. С

хозяйственно-политическими кампаниями связывались не только успехи в выполнении и перевыполнении пятилетнего плана, но и рождение новой трудовой этики, изменение отношений на производстве. Следом за перестройкой социальных связей в промышленности по их образу и подобию должны были измениться отношения в остальных сферах жизни общества. Не случайно в резолюции XVI съезда ВКП(б) «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» о хозяйственно-политических кампаниях говорилось как о важнейшем рычаге строящегося социалистического общества [КПСС в резолюциях..., 1984, с. 172].

Корреспонденты многотиражных изданий пищевкусовых предприятий Ленинграда пытались увязать выполнение производственных заданий с идеей построения социалистического общества. Через периодическую печать сотрудникам фабрик и заводов внушалось чувство ответственности перед советскими гражданами и, в первую очередь, перед рабочими других отраслей. Газетные статьи показывали, что от выполнения планов в значительной степени зависит благополучие жителей Ленинграда и СССР [Рупор хлебника, 1931, с. 3].

Несмотря на объяснения, сотрудники предприятий пищевой промышленности не понимали значения социалистического соревнования и ударничества. Производственники, исправно исполнявшие свои должностные обязанности, не видели смысла в том, чтобы становиться ударниками. Например, на заседании бюро цеховой ячейки ВКП(б) на фабрике им. К. Самойловой 20 марта 1930 г. одна из работниц рассказывала о настроениях в своей бригаде: «Бригада, в которой я работаю, участвует в соцсоревновании, но в ударную бригаду еще не перешла, рядом работающие говорят, для чего нам объявляться ударной бригадой как мы и так хорошо работаем» [ЦГАИПД СПб, б. д., д. 256, л. 21].

Рабочие слабо осознавали общественную значимость собственного труда. В их представлении внедрение социалистического соревнования и ударничества на производстве скорее было связано не с продвижением к социалистическому обществу, а со снижением расценок, повышением нормы выработки, сокращением рабочей силы. Скажем, на хлебозаводе «Красная Заря» 12 мастеров решили заменить кочегаров и бесплатно отапливать печи в булочном цеху [ЦГА СПб, б. д., д. 278, л. 35]. На 4-м хлебозаводе за счет нововведений в одном из цехов планировалось сократить 59 человек [ЦГАИПД СПб, б. д., д. 1, л. 24]. Несмотря на то, что ответственные органы запрещали руководству предприятий делать достигнутые ударниками результаты обязательными для всех рабочих, случаи «насаждения» ударничества сверху имели место.

Поскольку обращение к чувству гражданской ответственности рабочих не получило отклика, власти предприняли попытку создать материальную заинтересованность в социалистическом соревновании и ударничестве. Уже 11 сентября 1929 г. СНК СССР принял Постановление «О премировании за улучшения, достигнутые в порядке социалистического соревнования рабочих и служащих» [Юрьев, 1930, с. 128-136]. Фонды должны были складываться из отчислений предприятий в размере 40% от экономии, достигнутой в течение хозяйственного года в результате проведения социалистического соревнования. Размер фонда премирования ставился в прямую зависимость от результатов соцсоревнования.

С одной стороны, премии являлись поощрением за ударный труд. С их помощью предполагалось создать у рабочих мотивацию активно участвовать в кампании. С другой стороны, премии должны были идти на благо общественности. В связи с этим возможности их использования оказывались ограниченными. Рабочий мог потратить полученную премию на себя в том случае, если средства шли на повышение его квалификации [ЦГА СПб, б. д., д. 74, л. 147]. Использование премиальных денег для собственного удовольствия и развлечения осуждалось [Рупор хлебника, 1930, с. 2].

Помимо премий ударникам полагались преимущества в области культурно-бытового обслуживания. Они получали грамоты, их портреты вывешивали на красные доски. В заводских столовых организовывали столы для ударников. Особую ценность представляло снабжение по ударным карточкам. По ним можно было получить большее количество продуктов из более широкого ассортимента. Однако для передовых рабочих преимущества, которые давала ударная карточка, не были очевидными. Е. Осокина в книге «Алхимия советской индустриализации: время Торгсина» приводит воспоминания некой Павловской, которая в письме сестре в 1931 г. невысоко оценивала снабжение ударников: «За нашу ударную работу нас произвели «в ударники», дадут специальную карточку. Какие привилегии даст нам это ударничество, я еще не знаю. Кажется, никаких» [Осокина, 2019, с. 91]. Проблемы с обеспечением ударников всем необходимым были характерны и для предприятий пищевой промышленности.

К 1935 г. кампания стала сходить на нет. Об ударниках говорили все реже. С началом стахановского движения героями газетных публикаций стали последователи донецкого шахтера. Несмотря на некоторые успехи, достигнутые с помощью социалистического соревнования и ударничества, основные задачи, которые власти ставили перед кампанией, не были решены. Ударничество не охватило всех рабочих предприятий пищевой промышленности Ленинграда. Наряду с ударниками появились лжеударники, возникновение которых во многом было связано с действиями руководства фабрик и заводов. Ударные бригады, призванные, несмотря на необеспеченность сырьем, неисправность оборудования, кадровые перестановки, добиваться высоких результатов, оказались не способными работать в неблагоприятных условиях. Большая общественная значимость, которую власти придавали кампании, не осознавалась работниками пищевкусовых фабрик и заводов Ленинграда. Попытка вовлечь массы в ряды ударников посредством материального стимулирования также не принесла желаемых плодов.

Из материалов пищевой промышленности Ленинграда следует, что социалистическое соревнование и ударничество не стало инструментом строительства социалистического общества. Более того, оно не смогло сыграть организующей роли даже на ленинградских пищевкусовых предприятиях, скорее, привело к возникновению новых проблем во внутренней жизни фабрик и заводов. Судя по работам историков, схожим образом обстояло дело и в других отраслях промышленности, даже в приоритетных металлопромышленности и станкостроении социалистическое соревнование столкнулось с серьезными трудностями [Дадыкин, 1954; Лебедева, Шкаратан, 1966; Рогачевская, 1978; Хлевнюк, 1989].

Литература

- Голос табачника. (1932). 22 апреля.
- Дадыкин Р. П. (1954). *Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР*. Москва, Госполитиздат, 244.
- Кирияков О. (1930). *Ударные бригады на производстве*. Одесса, БИП, 162.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5: 1929–1932. (1984). Москва, Политиздат, 446.
- Лебедева Н. Б., Шкаратан О. И. (1966). *Очерки истории социалистического соревнования*. Ленинград, Лениздат, 276.
- Осокина Е. (2019). *Алхимия советской индустриализации: время Торгсина*. Москва, Новое литературное обозрение, 344.
- Рогачевская Л. С. (1978). *Этапы развития социалистического соревнования*. Москва, Знание, 64.
- Рупор хлебника. (1929). 14 декабря.
- Рупор хлебника. (1930). 24 февраля.
- Рупор хлебника. (1931). 27 октября.
- Хлевнюк О. В. (1989). *Ударники первой пятилетки*. Москва, Знание, 63.
- ЦГА СПб (б. д.). *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-6261. Оп. 15. Д. 74.
- ЦГА СПб (б. д.). *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-6261. Оп. 14. Д. 278.
- ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга*. Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 1.
- ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга*. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 256.
- Юрьев А. (сост.). (1930). *Социалистическое соревнование и ударные бригады: (Сборник материалов)*. Одесса, БИП, 182.

References

- CGA SPb (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 6261. Inv. 15. File 74.
- CGA SPb (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 6261. Inv. 14. File 278.
- CGAIPD SPb (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. F. 438. Inv. 1. File 1.
- CGAIPD SPb (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. F. 1053. Inv. 1. File 256.
- Dadykin R. P. (1954). *Nachalo massovogo socialisticheskogo sorevnovaniya v promyshlennosti SSSR* [The beginning of mass socialist competition in the industry of the USSR]. Moscow, Gospolitizdat, 244.
- Golos tabachnika (1932). [The voice of the tobacconist]. 22.04.1932.
- Hlevnjuk O. V. (1989). *Udarniki pervoj pjatiletki* [Shock workers of the first five – year plan]. Moscow, Znanie, 63.
- Kir'jakov O. (1930). *Udarnye brigady na proizvodstve* [Shock brigades in production]. Odessa, BIP, 162.
- KPSS v rezoljucijah i reshenijah s'ezdov, konferencij i plenumov CK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee]. Vol. 5: 1929–1932. (1984). Moscow, Politizdat, 446.
- Lebedeva N. B., Shkaratan O. I. (1966). *Ocherki istorii socialisticheskogo sorevnovaniya* [Essays on the History of Socialist Competition]. Leningrad, Lenizdat, 276.
- Osokina E. (2019). *Alhimija sovetsoj industrializacii: vremja Torgsina* [The Alchemy of Soviet Industrialization: The Time of Torgsin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 344.
- Rogachevskaja L. S. (1978). *Jetapy razvitija socialisticheskogo sorevnovaniya* [Stages of development of socialist competition]. Moscow, Znanie, 64.
- Rupor hlebnika (1929) [The breadmaker 's mouthpiece]. 14.12.1929.
- Rupor hlebnika (1930). [The breadmaker 's mouthpiece]. 24.02.1930.
- Rupor hlebnika (1931). [The breadmaker 's mouthpiece]. 27.10.1931.

Yur'ev A. (compiler). (1930). *Socialisticheskoe sorevnovanie i udarnye brigady: (Sbornik materialov)* [Socialist competition and shock brigades: collection of materials]. Odessa, BIP, 182.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.02.2023.
Принята к публикации 05.03.2023.

Об авторе

Колобова Анастасия Вячеславовна – аспирант Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, отдел современной истории России; ORCID: 0009-0000-4918-702X; kolobova.asia@mail.ru

Kolobova A. V.

SOCIALIST COMPETITION AND SHOCK WORK AT FOOD INDUSTRY ENTERPRISES IN Leningrad in 1929–1935

Abstract. The article examines the course of socialist competition and shock work at the food industry enterprises in Leningrad in 1929–1935. The creation of shock brigades by the management of factories and plants is analyzed. To make shock work a mass movement, the factory administration inadvertently created a group of fake shock workers. Other reasons for the appearance of fake shock workers in production are indicated. Particular attention is paid to the activities of shock brigades; their inability to demonstrate high performance under adverse working conditions is emphasized. It tells about the ideological content of socialist competition and shock work, in which the official authorities saw a way to build socialism in the USSR. It is noted that the workers did not realize the social significance of economic and political campaigns. In order to encourage the production workers to participate more actively in the movement, an attempt was made to interest them financially, but it was not successful. It is concluded that socialist competition and shock work could not solve the tasks set by the country's leadership.

Keywords: industrialization, first five-year industrial plan, food industry, socialist competition, shock work, false shock workers, economic and political campaigns

For citation: Kolobova A. V. Socialist competition and shock work at food industry enterprises in Leningrad in 1929–1935. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 607-613. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).607-613

Воробьев Д. А.

ОФОРМЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ БАЗЫ ПОДПОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 ГОДА

Аннотация. В настоящее время источниковедческая часть подпольного движения Ленинградской области изучена слабо. Проблема заключается в том, что за прошедшие 82 года не появилось работ, где авторы провели бы их подробный анализ. Это относится не только к дневникам и воспоминаниям, но и к законодательным актам. В представленной статье автор подробно разбирает те из них, которые были изданы руководящими органами СССР, Ленинграда и Ленинградской области в июне – декабре 1941 года. На их основе был описан процесс их создания, принятия и дальнейшей реализации. Они создавались с учетом военной обстановки, которая существовала в затрагиваемый период. На этот процесс также повлиял тот факт, что многие ленинградские партийные работники не принимали участия в Гражданской войне и не имели опыта создания подпольных организаций. Несмотря на это, они заложили базовую основу для формирования подпольного движения.

Ключевые слова: битва за Ленинград, Ленинградская область, подпольные организации, Ленинградский областной комитет ВКП (б), законодательные акты.

Для цитирования: Воробьев Д.А. Оформление юридической базы подпольного движения Ленинградской области во второй половине 1941 года // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 614-625. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).614-625.

До наших дней сохранилось немало документов, которые помогают раскрыть особенности работы подпольных организаций в полной мере. Законодательные акты – одни из них. Несмотря на то, что в литературе их упоминали неоднократно, детального анализа не проводили. Такого мнения придерживается Т. А. Логунова [Логунова, 1985, с. 27]. По ее мнению, причиной этому было то, что исследователи не проявляли особого интереса к ним, из-за чего не издали отдельных трудов [Логунова, 1985, с. 27]. С 1990-ых годов ситуация стала постепенно меняться в лучшую сторону, поскольку архивы открыли доступ к различным фондам. Это позволило А. В. Дикому написать и защитить кандидатскую диссертацию по историографии и источниковой базе движения Сопротивления в Ленинградской области [Воробьев, 2022, с. 64]. Однако, законодательные акты он затронул не в полной мере. В последующие годы работ по этой теме больше не выходило, поэтому требуется её существенное дополнение.

В этой статье рассмотрены законодательные акты, изданные руководящими органами Советского Союза, Ленинграда и Ленинградской области. Благодаря им можно проследить процесс формирования подпольных организаций и подпольной сети в оккупированных районах региона, а также особенности их деятельности во второй половине 1941 года. Чем обусловлен выбор таких хронологических рамок? Дело в том, что изданные в 1942–1943 годах законодательные акты не внесли существенного дополнения в основы работы подпольщиков. В качестве примера можно взять приказ народного комиссара обороны СССР от 5 сентября 1942 года, а точнее, пункт 10, гласивший, что руководителям подпольных организаций и партизанских формирований нужно усилить политическую работу с мирным населением оккупированных регионов посредством издания и рассылки газет,

листовок [Бабаков, 1983, с. 32]. Такое положение уже присутствовало в законодательных актах, изданных во второй половине 1941 года, и в этом читатель может убедиться по ходу чтения данной статьи. Можно сказать, что И. В. Сталин ничего нового не привнес в деятельность подпольщиков. Между тем некоторая часть исследователей считает этот приказ одной из основ юридической базы подпольного движения. Такой точки зрения придерживались авторы сборника документов «В тылу врага» [В тылу врага: борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1941 г., 1979, с. 9]. Но есть и другая точка зрения, которой придерживался Ю. П. Петров. Он считал, что основы работы подпольщиков были заложены только в тех актах, что были изданы во второй половине 1941 года, а следующие акты не внесли ничего нового в их деятельность. Почему?

Чтобы ответить на вопрос, перейдем непосредственно к документам и тому, как они повлияли на работу подполья в затрагиваемый период. Они стали появляться спустя несколько дней после того, как Вермахт вторгся в Советский Союз. Руководство осознало, с какой угрозой страна и ее народ столкнулись, и стало прилагать свои усилия на мобилизацию ресурсов. Некоторые советские историки считали труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса и В. И. Ленина важными источниками, которые повлияли на разработку директив, приказов и распоряжений. Они так думали по той причине, что многие партийные работники Ленинграда и Ленинградской области не знали, как создавать партизанские отряды и подпольные организации. Поэтому вышеперечисленные труды стали для них некими пособиями для создания законодательных актов. Такого мнения придерживались А. А. Бабаков [Бабаков, 1983, с. 21] и Ю. П. Петров [Петров, 1973].

Первый документ, с которого началось оформление движения Сопротивления, - это директива «Партийным и советским организациям прифронтовых областей», изданная СНК СССР и ЦК ВКП (б) 29 июня 1941 года [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1985, с. 221 - 223]. Согласно ей, от руководителей регионов требовали приступить к созданию диверсионных, партизанских формирований и направить их в немецкий тыл для борьбы с частями Вермахта и ведением в отношении их диверсионной деятельности [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1985, с. 223]. Кроме этого, руководителям регионов и районов предписывалось создать нелегальные партийные органы и ячейки в населенных пунктах заблаговременно из надежных людей, готовых отдать все свои силы и жизнь [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1985, с. 223].

В скором времени директиву отправили во все регионы Европейской части СССР, в том числе, в Ленинград и Ленинградскую область. Их руководители ознакомились с ней и осознали, что нужно переводить свои органы на военный лад и централизовать управление всеми сферами жизни общества. Спустя 3 дня для этой цели сформировали Комиссию по вопросам обороны Ленинграда во главе с А. А. Ждановым, 1-ым секретарем Ленгоркома и Ленобкома ВКП (б). Вместе с ее членами ей предстояло решать различные вопросы и принимать решения от имени вышеперечисленных органов [Петров, 1973, с. 22]. При этом они в течение всей битвы

за Ленинград продолжали свою работу и подчинялись непосредственно комиссии.

В дальнейшем положения директивы от 29 июня нашли отражения в следующих событиях первой половины июля 1941 года. 3 июля И. В. Сталин выступил с речью перед советскими гражданами, где признал, что над страной нависла опасность со стороны нацистской Германии и, чтобы ее ликвидировать, нужно мобилизовать все силы государства, создавать народные ополчения и вести партизанскую борьбу в тылу врага. В ней же он объявил о создании Государственного комитета обороны (ГКО) [Сталин, 1997, с. 56-61].

В это же время Ленобком ВКП (б) провел совещание, где участвовали секретари центральных и северо-западных районов области и обсуждали вопрос о мобилизации их сил и ресурсов. Дополнительно им предложили перевести свои органы на нелегальное положение в случае оккупации районов и тайно заняться формированием партизанских отрядов и подпольных организаций [Петров, 1973, с. 23]. На этом же совещании были отрегулированы положения сразу 2 постановлений, которые приняли на следующий день от имени Ленинградского городского и областного комитетов ВКП (б). Первое постановление требовало от руководителей районов и городов Ленинградской области заняться формированием специальных троек во главе с первым секретарем, которые решали всевозможные вопросы с учетом военной обстановки [Петров, 1973, с. 22]. Можно сказать, что таким постановлением на местах также проходила централизация власти с той целью, чтобы облегчить работу местным органам. Согласно второму постановлению, учреждалась новая должность – партийный организатор, который должен был руководить подпольной организацией в заранее определенном для него районе. Туда подбирали только тех людей, которые могли в сложных условиях конспирации взаимодействовать с мирным населением оккупированных районов и оказывать ему помощь в борьбе с врагом [Петров, 1973, с. 24]. Они становились уполномоченными Ленобкома ВКП (б) и необходимые указания получали как от него, так и от руководителей оккупированных районов. На основе второго постановления можно увидеть, что подпольное движение в первые дни войны в Ленинградской области стало постепенно обретать структуру управления. Партийные организаторы становились одними из его важных руководителей и подчинялись непосредственно Ленобкому ВКП (б). Такая должность просуществует вплоть до середины 1942 года.

Чтобы помочь партийным организаторам выстроить управление формируемыми подпольными организациями, 6 июля Ленобком ВКП (б) попросил руководителей районов области ускорить формирование партизанских отрядов, подпольных организаций, продовольственных баз и боеприпасов, и направить на это все имеющиеся ресурсы [Петров, 1973, с. 24]. Но спустя 3 дня условия для ее выполнения усложнились, поскольку группа армий “Север” уже взяла под контроль Псковскую часть региона. По этой причине Ленинградский областной комитет ВКП (б) дополнительно выделил партийных организаторов в количестве 68 человек и отправил в прифронтовые районы. Кроме того, он потребовал от райкомов партии установить всевозможные контакты с подпольными организациями и партизанскими отрядами до того, как окажутся под оккупацией [Петров, 1973, с. 24].

Для этого была разработана специальная инструкция [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 1-7].

Согласно ей, руководители подпольных организаций устанавливали связь с партизанскими отрядами и Ленинградским областным комитетом ВКП (б) либо самостоятельно, в зависимости от обстановки, либо через руководителя подпольной сети с партийными органами, которые находились на неоккупированной территории. Последние руководили их действиями при помощи связистов, которых отправляли в тыл противника и устанавливали связь с помощью паролей и отзывов. Их наличие являлось обязательным. В инструкции приведен ее пример: есть пароль у руководителя организации «Пропадает в этом году сенокос», а на это руководитель подпольной ячейки должен был сказать: «Придется косить на будущий год» [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 2]. Их можно было использовать в случае, если нужно заменить руководителя подполья или обеспечить работу связи в случае его рассекречивания. Но о них могли знать не только руководители подпольных организаций и ячеек, но и командование партизанских отрядов, а также связисты, которые сообщали данные горкомам и райкомам партии. Последние передавали их в Ленинградский областной комитет ВКП (б). В случае, если данные пароля и отзыва оказались перехвачены противником, то в таком случае требовалось прекратить связь по старым паролям и отзывам и поменять их на новые. Об этом связист сообщал не только в горкомы и райкомы, но и в Ленинградский областной комитет партии [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 4].

Также руководитель подпольной организации мог осуществлять связь путем личных конспиративных встреч в заранее обусловленных местах. При чем их обговаривали заранее после каждой встречи так, чтобы в одном месте не было более двух явок. В случае, если организовать такие встречи не представлялось возможным, то формировали почтовые ящики. Учитывая то, что подпольщики должны были соблюдать конспирацию, почтовые ящики выбирали неприметные: дупло дерева, валун, камень или банка, зарытая в лесу в заранее оговоренном месте. Туда подпольщики складывали различные донесения и доклады о текущей обстановке в оккупированной врагом местности. Их писали на обычной бумаге при помощи деревянных заточенных палочек путем тайнописи, т. е. бесцветного состава, который мог проявиться при помощи нагревания бумаги. Как указано в инструкции, для тайнописи использовали такие вещества, как раствор поваренной соли, молоко, сок лука и щавеля или, на крайний случай, моча человека [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 2-3].

Кроме партийных подпольных горкомов и райкомов, непосредственную связь с подпольем могли осуществлять оперативные группы, находящиеся в прифронтовой полосе. Они работали в заранее указанных направлениях и могли контактировать между собой только в случае оперативной необходимости. Необходимые вопросы согласовывали с военным командованием на территории своей деятельности. Связь между ними осуществлялась только при помощи заранее отобранных связистов. Оперативные группы не имели права использовать непроверенных людей, тем более если они пришли с территории противника. Даже если они не помнили пароля и отзыва, но знали руководителей подпольных организаций, их все равно не принимали, а вопрос об их дальнейшем направлении решали в местных органах НКВД. Прием связистов проводился в заранее подобранных для этого местах. Их отправка и прием осуществлялись путем принятия пароля и отзыва. Каждому из них давали конкретное задание и инструкция по выполнению. Время посылки связиста и его возвращения с

задания фиксировали в специальном рабочем листе [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 5-6].

По его возвращению с территории противника проводили письменный опрос, где задавали следующие вопросы:

- условия прохождения через фронт противника и маршрут следования связиста;
- встречи связиста с немецкими воинскими частями, задержание его войсками или немецкими властями;
- деятельность партизанских отрядов и подпольной организации в разрезе данных ему заданий;
- политические настроения оставшегося советского населения;
- отношение немецкого командования к населению;
- военные разведывательные данные.

Все полученные данные немедленно направляли в Ленинградский областной комитет ВКП (б).

Если во время опроса в отношении связиста возникли сомнения, подозрения в его вербовки немецкими разведывательными органами, то от его дальнейшего использования отказывались и принимались меры по перепроверке его данных через другого связиста. В случае разоблачения как двойника, передавали органам НКВД для ареста. Оперативная группа должна была иметь данные об учете связистов, местонахождении их семей и другие [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 6-7].

После того, как удалось разработать вышеуказанную инструкцию по связи с подпольными организациями, Ленинградский областной комитет ВКП (б) потребовал от коммунистов и всего партийного актива остаться в тылу врага в обозначенных районах и ознакомиться с ней через уполномоченных комитета. Впоследствии инструкцию использовали при отборе кандидатов на работу в подпольных организациях и после его прохождения и отправки в тыл врага. Это подтверждал секретарь Ленинградского областного комитета ВКП (б) Г. Х. Бумагин, который ведал вопросами работы подпольных организаций в первые месяцы войны [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 6-7]. Но на первых порах не все их руководители смогли разобраться в ней. Такой вывод можно сделать на основе отчетов, которые они присылали. Так, руководители Залучского, Поддорского и Белебелковского районов докладывали, что к 1 августа 1941 года им удалось не только создать подпольные ячейки, но и установить связь с ними, а также с партизанскими отрядами и истребительными группами при помощи этой инструкции [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 3-7]. Однако ситуация с подпольными ячейками г. Шлиссельбурга и Мгинского района сложилась иначе. Как доложил 19 августа в своем отчете руководитель отдела по руководству работой партийно-комсомольского подполья штаба партизанского движения при Ленобкоме М. А. Старшинов, секретарь Мгинского райкома Н. В. Ларчин не понял, как переводить руководящие органы на нелегальное положение и как наладить связь с подпольными ячейками, хотя инструкцию ему присылали. Это привело к тому, что они проработали недолго и к февралю 1942 года подполье в этом районе прекратило свое существование [Воробьев, Мусаев, 2021, с. 507-508]. На основе приведенных фактов можно сделать вывод, что хотя не все руководители смогли воспользоваться в полной мере этой инструкцией и на первых порах они просили у Ленобкома разъяснить их положения, она впоследствии помогала организовывать связь подпольных организаций с

партизанскими и истребительными формированиями на протяжении всей битвы за Ленинград.

Ситуация на фронте вынуждала партийных работников действовать в ускоренном темпе в плане проработки вопросов об их деятельности. К середине июля 1941 года Вермахт оккупировал многие районы Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии и некоторые регионы РСФСР, создав непосредственную угрозу столице Советского Союза – Москве. Были оккупированы, в том числе, юго-западные регионы Ленинградской области. Стало понятно, что нужно уделить более повышенное внимание борьбе в них.

Более конкретные задачи для подпольных организаций были определены в постановлении ЦК ВКП (б) от 18. 07. 1941 «Об организации борьбы в тылу германских войск». Им предстояло сформировать большую сеть для руководства партизанскими отрядами и диверсионными группами, которые должны были сделать всевозможное, чтобы создать невыносимые условия для немецкой армии: разрушение коммуникаций, срыв мероприятий оккупационной власти и уничтожение живой силы. От мирного населения требовалось оказывать им необходимую помощь. [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1985, с. 229]. При создании подпольных организаций нужно было брать не только тех кандидатов, которые считались надежными, но и имели связи с партийными организациями [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1985, с. 230]. Таким образом, советское руководство обязывало органы власти перейти на нелегальное положение и возглавить борьбу в тылу врага.

Впоследствии Г. Х. Бумагин ознакомил с директивой несколько групп партийных работников, которые потом перешли линию фронта под Лугой и отправились [Петров, 1973, с. 24] в оккупированные районы вести подпольную организаторскую деятельность. В состав первой группы вошли секретари Псковского райкома партии И. Г. Киселев и В. А. Акатов [Петров, 1973, с. 24], секретари Палкинского райкома П. Е. Лапин и П. Т. Крылов, секретарь Стругокрасненского райкома Г. В. Ежов, секретарь Карамышевского райкома П. А. Александров, секретарь Порховского райкома И. В. Курсаков [Петров, 1973, с. 24]. Следом за ней переправилась в тыл врага вторая группа в составе секретарей Порховского райкома партии С. А. Орлова и А. К. Тимм, секретарей Дновского райкома М. И. Тимохина и П. В. Селецкого, секретарь Новосельского райкома А. В. Ковра. А еще спустя некоторое время были направлены в северо-западные районы Ленинградской области секретари А. А. Минин, Д. С. Назаров и другие [Петров, 1973, с. 25].

24 июля в Ленинграде провели еще одно собрание, где от руководителей районов области потребовали ускорить создание партизанских формирований [Петров, 1973, с. 26]. А спустя 6 дней Ленинградский областной комитет ВКП (б) обязал их усилить политическую работу с мирным населением, для чего подготовили 3 000 000 листовок, где раскрывалась истинная суть оккупационного режима, и отправили на юго-запад Ленинградской области [Петров, 1973, с. 26].

2 августа 1941 года Ленинградский областной комитет ВКП(б) провозгласил о создании специальной тройки, которая руководила партизанским движением

региона. Ее руководителем назначили секретаря комитета Г. Х. Бумагина [Петров, 1973, с. 27]. Хотя свою работу она начала в июле 1941 года, официально централизация руководства партизанским движением оформилась именно в этот день. Почему так произошло? Дело в том, что на протяжении конца июня – июля 1941 года у движения Сопротивления только-только разрабатывалась юридическая база и требовалось еще уточнить вопросы, связанные с ее действиями и их управлением. Частично удалось это сделать к 2 августа 1941 года. Впоследствии тройка стала предтечей появления Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД).

Таким образом ленинградское руководство в течение июля – начала августа 1941 года занималось оформлением и усилением централизма органов власти в городах и районах области. Оно наделило их чрезвычайными полномочиями, что позволило решать различные и важные вопросы. Для оказания им помощи и поддержки, а также для облегчения управления ими дополнительно были созданы 2 органа – Комиссия по вопросам обороны Ленинграда и тройка по руководству партизанским движением. Они появились в результате тех законодательных актов, которые изданы в рассмотренный период, а также в результате боевых действий этого периода. В дальнейшем они оказали важное влияние на мероприятия, которые были проведены для создания партизанских отрядов и подпольных организаций, а также для определения их форм и методов работы в Ленинградской области. Партийные работники приложили очень много сил по укреплению подпольной сети, мобилизуя не только коммунистов, но и людей различных профессий.

Однако в начале сентября 1941 года военная обстановка под Ленинградом значительно усложнилась, поскольку противник взял под контроль почти половину территории Ленинградской области и блокировал город с суши. По этой причине усложнилось управление партизанскими формированиями и подпольными организациями. Руководство Ленинграда и области в такой ситуации решило заменить тройку другим органом, который бы взаимодействовал и с партизанскими формированиями, и с частями Красной Армии. Именно таким образом 27 сентября 1941 года на свет появился Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД). Его руководителем назначили М. Н. Никитина, секретаря Ленобкома ВКП (б). Кроме этого, в его состав вошли представители Ленинградского фронта и НКВД – заведующий военным отделом фронта М. Ф. Алексеев, начальник разведывательного отдела фронта П. П. Евстигнеев и начальник областного управления НКВД П. Н. Кубаткин [Петров, 1973, с. 30].

А 7 октября 1941 года ЛШПД издал приказ №1, согласно которому при нём было создано несколько организаций. Во-первых, был создан оперативный отдел во главе с майором Е. Н. Атрошенко, который ведал вопросами формирования и комплектования партизанских отрядов, организацией их отправок в тыл врага, разработкой боевых заданий и руководством их боевой деятельности [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 1].

Во-вторых, группа снабжения во главе с А. Ф. Михайловым, занимавшаяся вопросами обеспечения партизанских отрядов оружием, боеприпасами к ним, одеждой, обувью и продовольствием [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 1-2].

В-третьих, группа учета и информации во главе с М. А. Фишман, на которую возложили функции ежедневной обработки, систематизации материалов о боевой

деятельности отрядов, подготовки сводных материалов для докладов командованию Ленинградского фронта и их публикации, ведения строжайшего учета, движения личного состава отрядов и результатов их боевой деятельности [Колотушкин, 2018, с. 165-166].

Следующие пункты приказа непосредственно относятся к подпольным организациям Ленинградской области. В 4-ом пункте сказано, что М. А. Старшинов и И. О. Сечихин возглавили работу по организации связи с подпольными организациями и партизанскими отрядами и отвечали за организацию партийно-политической работы среди населения на территории, занятой противником, подбором и посылкой связистов [Колотушкин, 2018, с. 166].

5-ый пункт гласил, что организацией пропагандистско-агитационной работы, изданием и рассылкой соответствующей литературы на территорию противника занимается группа работников во главе с В. Н. Ведерниковой [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 2].

Несмотря на то, что приказом № 1 была оформлена деятельность отделов ЛШПД, последний не был до конца оформлен. Необходимость дополнить его возникла в то время, когда размах борьбы в Ленинградской области возрос и в этом регионе появились 2 фронта – Ленинградский и Волховский. В них появились политуправления и отделы по руководству партийно-политической работой, которые повысили роль подпольных политорганов в развертывании партизанской борьбы и усилении координации [Петров, 1973, с. 31]. Однако руководство ими усложнилось, поскольку ЛШПД также ведал этими вопросами. Понимая ситуацию, в конце сентября 1941 года командование 8-й Армии предложило создать при военных советах фронтов небольшие оперативные группы от ЛШПД, которые координировали бы действия партизанских формирований и подпольных организаций в полосе действующих войск, и оно было принято [ЦАМО, б. д., л. 38]. В начале октября 1941 года была создана оперативная группа ЛШПД при Ленинградском фронте, которую возглавил А. А. Гузеев, а в начале декабря – оперативная группа при Военном совете Волховского фронта во главе с П. Р. Шевердалкиным, который до этого руководил подпольной сетью в Маловишерском районе, а после окончания войны стал известным исследователем партизанского движения и подполья в Ленинградской области [Петров, 1973, с. 34]. А 19 ноября 1941 года вышел приказ командования Северо-Западного фронта «О создании партизанского отдела штаба фронта и его задачах», одна из которых – организовать связь с местными подпольными партийными и советскими организациями по вопросам организации партизанских отрядов и их продовольственных баз [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 6-7]. Именно на этом приказе завершается процесс оформления основной юридической базы подпольного движения в Ленинградской области, так как в дальнейшем каких-либо других законодательных актов, которые дополнили бы его основы, уже не выходило. Были изданы акты, которые меняли форму подпольных организаций, но особенности их деятельности остались такими же до конца битвы за Ленинград.

Подводя итоги анализа законодательных актов 1941 года, можно сделать вывод, что в течение указанного периода шел активный процесс формирования и централизации органов Ленинградской области, которые регулировали деятельность партизанских формирований и подпольных организаций. Они претерпели серьезные

изменения и проходили в очень трудных условиях. М. Н. Никитин в докладной записке ЛШПД признавал, что «...не рассчитывали на такую длительность военных действий... вследствие этого в первые месяцы войны, когда еще на оккупированной территории был относительно слабый административный режим, мы приняли недостаточно мер к перестройке подпольной работы» [ЦГАИПД СПб, б. д., л. 2]. Не все подпольные организации удалось снабдить средствами связи, не все их руководители смогли понять, как переводить руководящие органы на нелегальное положение, как организовывать подполье и связь с ним. Такая ситуация была больше присуща районам, находившимся в непосредственной близости к Ленинграду. Ситуация с подпольными организациями юго-западных, западных и центральных районов области была совсем иной. Благодаря полученным приказам, директивам, инструкциям и правильному их пониманию им удалось не только перевести свои органы на нелегальное положение и создать сеть подпольных организаций, но и выстроить связь между ними, а также с партизанскими, истребительными и диверсионными формированиями. Впоследствии это повлияло на то, что движение Сопротивления гораздо лучше стало развиваться именно в этой части региона и оно оказало важную помощь частям Красной Армии в дальнейшей борьбе с врагом. Таким образом законодательные акты 1941 года заложили важную основу для подпольных организаций и особенностей их работы, а также централизовали органы для удобства управления ими.

Литература

- Бабаков А. А. (1983). *Партийное подполье. Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны*. Москва, Политиздат, 352.
- Воробьев Д. А., Мусаев В. И. (2021). Антифашистское движение в Кировском районе Ленинградской области во время Великой Отечественной войны. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, №5 (38), 505–509. URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1817630> (Дата обращения: 31.10.2023)
- Воробьев Д. А. (2022). Подпольное движение в Ленинградской области во время Великой Отечественной войны в современной российской историографии. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, № 5-1 (68), 63–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podpolnoe-dvizhenie-v-leningradskoy-oblasti-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-sovremennoy-rossiyskoy-istoriografii> (Дата обращения: 04.08.2023)
- В тылу врага: борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1941 г.* (1979). Ленинград, Лениздат, 302.
- Колотушкин В. Г. (2018). Руководство партизанским движением на Новгородской земле в 1941–1942 гг. (к 75-летию Центрального штаба партизанского движения). *Материалы XVII ежегодной научной конференции «Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования»*, 158–173. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35283670> (Дата обращения: 19.10.2023).
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК* (1985). Издание 9-е. Т.7. Москва, 574.
- Логунова Т. А. (1985). *Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских*

войск 1941-1945. Москва, 128.

Петров Ю. П. (1973). *Партизанское движение в Ленинградской области 1941-1944*. Ленинград: Лениздат, 454.

Сталин И. В. (1997). *Сочинения*. Т. 15. Москва: изд-во "Писатель", 245.

ЦАМО (б. д.). *Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации*. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 66. Л. 38.

ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербург*. Ф. 116^л. Оп. 1-1. Д. 11. Л. 1-2.

ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербург*. Ф. 116^л. Оп. 1-1. Д. 26. Л. 3-7.

ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербург*. Ф. 116^л. Оп. 9. Д. 2. Л. 1-7.

ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербург*. Ф. 116^л. Оп. 9. Д. 691. Л. 2.

ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербург*. Ф. 116^л. Оп. 12. Д. 15. Л. 6-7.

ЦГАИПД СПб (б. д.). *Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербург*. Ф. 4788. Оп. 1. Д. 44. Л. 6-7.

References

Babakov A. A. (1983). *Partijnoe podpol'e. Deyatel'nost' podpol'nyh partijnyh organov i organizacij na okkupirovannoj sovetskoj territorii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The party underground. Activities of underground party bodies and organizations in the occupied Soviet territory during the Great Patriotic War]. Moscow, Politizdat, 352.

CAMO (n. d.). *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossiyskoj Federatsii* [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation]. F. 217. Inv. 1258. File 66. L. 38.

CGAIPD (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg* [Central State Archive of historical and political documents in Saint-Petersburg]. F.116^l. Inv. 1-1. File 11. L. 1-2.

CGAIPD (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg* [Central State Archive of historical and political documents in Saint-Petersburg]. F.116^l. Inv. 1-1. File 26. L. 3-7.

CGAIPD (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg* [Central State Archive of historical and political documents in Saint-Petersburg]. F. 116^l. Inv. 9. File 2. L. 1-7.

CGAIPD (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg* [Central State Archive of historical and political documents in Saint-Petersburg]. F.116^l. Inv. 9. File 691. L. 2.

CGAIPD (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg* [Central State Archive of historical and political documents in Saint-Petersburg]. F.116^l. Inv. 12. File 15. L. 6-7.

CGAIPD (n. d.). *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg* [Central State Archive of historical and political documents in Saint-Petersburg]. F. 4788. Inv. 1. File. 44. L. 6-7.

Kolotushkin V. G. (2018). *Rukovodstvo partizanskim dvizheniem na Novgorodskoj zemle v 1941 – 1942 gg. (k 75-letiyu Central'nogo shtaba partizanskogo dvizheniya)* [Leadership of the partisan movement on Novgorod land in 1941–1942 (to the 75th anniversary of the Central Headquarters of the partisan movement)]. *Materialy XVII ezhegodnoj nauchnoj konferencii «Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problemy sohraneniya i nauchnogo ispol'zovaniya»* [Materials of the XVII annual

scientific conference "Documentary heritage of Novgorod and the Novgorod land. Problems of conservation and scientific use", 158–173. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35283670> (accessed 19.10.2023)

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1985). [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee]. Edition 9. Vol. 7. Moscow, 574.

Logunova T. A. (1985). *Sovetskaya istoriografiya narodnoj bor'by v tylu nemecko-fashistskih vojsk 1941–1945* [Soviet historiography of the People's Struggle in the rear of the Nazi troops 1941–1945]. Moscow, 128.

Petrov Yu. P. (1973). *Partizanskoe dvizhenie v Leningradskoj oblasti 1941–1944* [Partisan movement on the territory of Leningradskaya region]. Leningrad: Lenizdat, 454.

Stalin I. V. (1997). *Cochineniya* [Essays]. Vol. 15. Moscow, Pisatel, 245.

Vorob'ev D. A., Musaev V. I. (2021). Antifashistskoe dvizhenie v Kirovskom rajone Leningradskoj oblasti vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny [Antifashist movement in Kirovskiy district of Leningrad region during the Great Patriotic War]. *Memoirs of NovSU*, 5 (38), 505–509. Available at: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1817630> (Accessed 31.10.2023).

Vorob'ev D. A. (2022). Podpol'noe dvizhenie v Leningradskoj oblasti vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny v sovremennoj rossijskoj istoriografii [Underground Movement in the Leningrad region during the Great Patriotic War in Modern Russian Historiography]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, No. 5-1 (68), 63–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podpolnoe-dvizhenie-v-leningradskoy-oblasti-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-sovremennoy-rossiyskoj-istoriografii> (accessed 04.08.2023).

V tylu vraga: bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti. 1941 g. (1979). [Behind enemy lines: the struggle of partisans and underground workers in the occupied territory of Leningrad region. 1941]. Leningrad: Lenizdat, 302.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.09.2023.
Принята к публикации 20.11.2023.

Об авторе

Воробьев Дмитрий Александрович — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, лектор музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда»; ORCID: 0000-0001-8061-0607; dmitrij_vorobev_96@mail.ru

Vorob'ev D. A.

ESTABLISHING LEGAL BASE FOR UNDERGROUND MOVEMENT OF LENINGRAD REGION IN SECOND HALF OF 1941

Abstract. Currently, the source study part of the underground movement of the Leningrad region is poorly investigated. The problem is that over the past 82 years there have been no works where the authors would have conducted a detailed analysis of them. This applies not only to diaries and memoirs, but also to legislative acts. In the presented article, the author analyzes in detail those of them that were published by the governing bodies of the USSR, Leningrad, and Leningrad region in June – December 1941. Based on them, the process of their creation, adoption and further implementation was described. They were created taking into account the military situation that existed during the period concerned. This process was also influenced by the fact that many Leningrad party workers did not take part in the Civil War and had no experience in creating underground organizations. Despite this, they laid the foundation for the formation of an underground movement.

Keywords: Battle for Leningrad, Leningrad region, underground organizations, Leningrad Regional Committee of the Communist (Bolshevik) Party of the Soviet Union, legislative acts.

For citation: Vorob'ev D. A. Establishing legal base for underground movement of Leningrad region in second half of 1941. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 614-625. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).614-625

Мошник Ю. И.

**«КАК УЕТУ ОПЯТЬ ОТСЮДА НА СВОЮ РОДИНУ». РЕПАТРИАЦИЯ В СССР
ПЕРЕМЕЩЕННЫХ В ФИНЛЯндиЮ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ
В 1944–1945 ГГ.**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ ПИСЕМ ИЗ СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО
ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ВЫБОРГЕ)**

Аннотация.Ценным и крайне редко используемым источником по истории переселения в Финляндию и последующей репатриации ингерманландских финнов Ленинградской области в годы Второй мировой войны являются документы эпистолярного характера. В собрании Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге (ЛОГАВ) отложилась коллекция частных писем, проливающих свет на социальные и бытовые условия жизни перемещенных в Финляндию ингерманландцев, их родственные и дружеские контакты, взаимодействие с органами власти и с финским населением, их настроения и реакции на события, происходившие на фронте и в международной политике. Это письма на русском и на финском языке, а также на ингерманландском диалекте. Большинство документов коллекции относятся к заключительному этапу Советско-финской войны 1941–1944 гг. и к периоду после заключения перемирия, когда стал обсуждаться вопрос о репатриации ингерманландцев в СССР. Важнейшая тема в письмах – тоска по родному дому и обсуждение с близкими проблемы возвращения. Документы красноречиво свидетельствуют о том, что многие ингерманландские переселенцы так и не смогли начать новую жизнь в Финляндии, считали ее чужой для себя страной, подчеркивали национальные различия с финнами, связь с русской культурой, мечтали вернуться в родные дома.

Ключевые слова: ингерманландские финны, репатриация, Финляндия, Советско-финская война 1941–1944 гг., эгодокументы, письма

Для цитирования: Мошник Ю. И. «Как уету опять отсюда на свою родину». Репатриация в СССР перемещенных в Финляндию ингерманландских финнов в 1944–1945 гг. (по материалам коллекции писем из собрания ленинградского областного государственного архива в г. Выборге)// Ученые записки НовГУ. 2023.6(51). 626-636. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).626-636

Осенью 1941 г. свыше 76 тысяч проживавших на территории Ленинградской области представителей финно-угорских народов (ингерманландских финнов, ижор и вожан) оказались в зоне немецкой оккупации [Мусаев, 2003, с. 294]. Уже в этот период как немецкое, так и финляндское политическое и военное руководство начало разрабатывать планы перемещения ингерманландцев из оккупированных вермахтом территорий в Финляндию, однако проект был признан слишком затратным и сложным в реализации. Вместо этого в 1942 г. ингерманландских финнов стали вывозить из прифронтовых районов, население которых находилось к тому времени на грани голодной смерти, в Эстонию.

Вопрос о переселении ингерманландцев в Финляндию вновь был поднят финской стороной осенью 1942 г., когда стало очевидно, что расчет на скорое падение Ленинграда не оправдался. Несмотря на сопряженные с реализацией этого проекта трудности, перемещение финноговорящего советского населения во внутреннюю Финляндию могло помочь правительству решить проблему трудовых ресурсов, в которых страна остро нуждалась. Эта мера была поддержана и финляндским обществом, которое усмотрело в ней заботу о соплеменных народах, поскольку переселение было объявлено «добровольным». У Германии имелись собственные

планы на освобожденные от коренного населения территории Ленинградской области, поэтому проект переселения ингерманландцев в Финляндию отвечал и немецким стратегическим интересам. К тому же Германия была заинтересована в укреплении дружеских связей с Финляндией [Прибалтийско-финские народы..., 2003, с. 482]. В конечном итоге в феврале 1943 г. германская сторона через Т. М. Кивимяки, финского посланника в Берлине, передала официальное одобрение переселенческой акции.

Перемещение ингерманландских финнов в Финляндию осуществлялось в два этапа в 1943–1944 гг. и затронуло свыше 63 тысяч человек, включая тех, кто ранее был вывезен или добровольно ушел в Эстонию и содержался в концентрационном лагере Клоога [Rautajoki, 2020, s. 29-37], тех, кого вывезли в Германию в качестве «остарбайтеров» и, наконец, тех, кто добровольно согласился уехать в Финляндию, прожив два года в зоне оккупации. Большую часть перемещенных лиц составляли женщины и дети. Из лагеря Клоога, где располагался центральный пункт сбора эвакуируемых, их вывозили в Финляндию через порт Палдиски (Балтийск) на судне «Аранда», проделавшем в общей сложности 155 рейсов [Шлыгина, 2009, с. 158]. Пройдя через приемочный лагерь и карантин, перемещенные ингерманландцы распределялись группами по разным районам страны, а также направлялись в оккупированную финскими войсками Карелию. Большинство из них было привлечено на сельскохозяйственные работы, на заводы, в частные хозяйства, а молодые мужчины были призваны в финские силы обороны. Обустройством ингерманландцев в стране (их учетом, размещением и трудоустройством, а также просветительской работой и медицинским обслуживанием) занималось Центральное бюро по делам перемещенного населения.

Ситуация изменилась после заключения в сентябре 1944 г. перемирия между СССР и Финляндией и отправки в Хельсинки сотрудников Союзной контрольной комиссии. Началась передача из Финляндии военнопленных, с которыми в СССР в октябре – ноябре 1944 г. прибыло около 1500 гражданских лиц [Земсков, 2016, с. 31-32]. Последних из проверочно-фильтрационных пунктов препровождали к намеченным для них местам проживания. Следом за этим началась акция по репатриации гражданского населения, перемещенного в Финляндию. Согласно постановлению ГКО № 6973 от 19 ноября 1944 г. «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения», на территории РСФСР планировалось разместить 12000 семей (около 50 тысяч человек), «в том числе в Ярославской области 5000 семей, Калининской 3000, Новгородской 2000, Псковской 1000 и Великолукской 1000 семей» [Поболь, Полян, 2005, с. 610-613]. Контроль за перемещением, которое планировалось провести с 5 декабря 1944 по 15 января 1945 г., был возложен на уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан генерал-полковника Ф. И. Голикова.

Для работы в Финляндии была сформирована группа в количестве 28 офицеров под командованием полковника Н. А. Филатова [Большакова, 2008, с. 18]. Направленные в Хельсинки офицеры вели разъяснительную и агитационную работу с населением. Уже в первых числах декабря было получено 46327 заявлений о возвращении в СССР [Inkeriläisten..., 1944, s. 3]. Начиная с 5 декабря 1944 г. из расположенных в разных частях страны сборных пунктов стали отправляться эшелоны с людьми и грузами (включая принадлежавшую ингерманландцам домашнюю скотину). Первая группа составила 1500 человек [Laatokka, 1944, s. 4]. Каждый состав включал в себя несколько десятков вагонов.

Приемный пункт был устроен в Выборге. У прибывающих в Советский Союз репатриантов тщательным образом проверялись документы и любые бумаги, которые они везли с собой. Среди этих бумаг оказались письма, полученные от родственников, друзей и односельчан, которые также принадлежали к числу перемещенных в Финляндию ингерманландцев. Большое количество писем и документов, изъятых сотрудниками выборгского приемного пункта, впоследствии поступило в собрание Ленинградского областного архива в г. Выборге (ЛОГАВ).

Значительная часть переданных из приемного пункта документов была оформлена сотрудниками архива в фонд «Ингермандандского комитета» (ф. 507), образовав четыре объемных единицы хранения. К ним были отнесены, помимо писем, удостоверения личности, справки, заявления и иные личные документы репатриантов. Более тщательно отсортированные письма и подборки писем составили отдельную коллекцию (ф. 542), насчитывающую 84 единицы хранения. К сожалению, архивное изучение документов и их сортировка проводились недостаточно внимательно и спешно, поэтому письма, имевшие одного адресата, могли оказаться не только в разных делах, но и в разных фондах. Работу осложняло то обстоятельство, что большинство писем поступило без конвертов, кроме того, не везде сохранились имена адресантов и адресатов. Важно отметить, что оба фонда были ошибочно отнесены к числу т. н. «фондов досоветского периода», т. е. к тем коллекциям документов, которые были сформированы предшественником ЛОГАВ, финским Окружным архивом Выборга (ViipurinMaakuntaarkisto), и поступили в него до июня 1944 г., когда город был во второй раз завоеван войсками Красной армии. В силу этого письма (за редким исключением) не попали в сферу исследовательского внимания специалистов по истории Ингерманландии в годы Второй мировой войны. Между тем, они являются ценнейшим историческим источником, проливающим свет на социальные и бытовые условия жизни перемещенных в Финляндию ингерманландцев, их родственные и дружеские контакты, взаимодействие с органами власти и с финским населением, их настроения и реакции на события, происходившие на фронте и в международной политике. Тексты некоторых писем позволяют уточнить названия населенных пунктов, откуда авторы писем были вывезены в Финляндию: это деревни и поселки Гатчинского (Сквирицы, Большие Борницы, Погост), Кингисеппского (Урмзино, Прибой, Конново),

Всеволожского (Куйвози), Ораниенбаумского (Владимирово), Волосовского (Старые Бегуницы) районов Ленинградской области и др.

Важнейший сюжет в письмах – тоска по родному дому. Документы красноречиво свидетельствуют о том, что ингерманландские переселенцы так и не смогли начать новую жизнь в Финляндии и считали ее чужой для себя страной, настойчиво подчеркивая национальные различия с финнами. Письма помогают дать ответ на вопрос о причинах, по которым репатриация ингерманландцев стала столь массовой: между собой эти оторванные от родных мест люди могли честно говорить о трудных условиях жизни и о надежде на то, что возвращение позволит им снова почувствовать себя свободными.

Письма коллекции написаны на финском языке и на ингерманландском диалекте (*inkerinmurre*), а также на русском языке. Нередко в финноязычных текстах встречаются вкрапления русских слов, фраз, этикетных речевых форм, даже стихотворных строк, свидетельствующие о том, что многие жители этнически смешанных деревень и поселков были двуязычными. В подавляющем большинстве эпистолярные материалы представляют собой тексты, которые можно охарактеризовать как естественную письменную речь, индикаторами которой является несоблюдение грамматических норм, лексические повторы, отсутствие логической последовательности в изложении [Логунова, Мазитова, 2019, с. 51].

Русскоязычные тексты, как правило, указывают на сложности в освоении второго языка изначально финноговорящими людьми, приспособляющими письменную речь на русском языке к особенностям финского языка (например, оглушение согласных) и не справляющимися с падежным управлением. Более того, некоторые письма написаны людям, которые, в силу неграмотности, не могли прочесть послание без посторонней помощи. Это показывает, насколько важной для обеих сторон была сама возможность коммуникации. В период пребывания в лагерях для перемещенных лиц и в карантинах, после получения работы на заводе или в частном хозяйстве, ингерманландцы старались по возможности часто писать близким, чтобы поддерживать родственные и дружеские взаимоотношения – и связь с родными местами. Одна из корреспонденток, Мария Ефимова, трудившаяся на заводе под Турку, писала своим родственницам в Хяменлинну: «Паша я писала Феклы письмо... но жаль что она не умеет сама читать и писать ведь Паша только этим можно свою тоску разогнать...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 10, л. 4]. Она же просила в другом письме: «Паша и Феня и также Фекла не забывайте меня пишите писем тогда мне не так скучно хотя я понимаю что нет марок но все же соберите трое и пишите пока еще вы вместе... Теперь будет встречать 1-го мая если мы были бы на родине сколько было бы радости а теперь только один слезы да мечты» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 29]. КатриБюркланд из лагеря для перемещенных лиц в Паймио обращалась к подруге Хилье Рокка в Ваяксю: «Хилья цвет, Хилья – роза, Хилья – розовый букет. Хилья не забыть тебя та я тебя не забываю. Может ешоакта в стредимся с тобой я писала етта

письмо даже слезы капали на груть так стала скучно тебе!...Хилья прости что так плоха написана сама знаешь что я в школы не ходила а по руски боялась так много писать твоя подруга Катя. <...> Здесь мало ингерманландцев. Плачу каждый день по дому. Хильяспомни меня не кокта не забыть...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 64, л. 7]. В письме, адресованном к двоюродной сестре Александре Пелконен тоска по близким и желание поделиться горем сливаются: «Привет с дремучий край... О милая сестра, ужели встречаться мы больше стобой не суждены. С получением вашего пиьма я очень осталась довольна и сразу же спешу написать ответ и сообщить о том что моя мама померла... Мы живем все по-старому. Еды хватает...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 32, л. 5].

Большинство писем относятся к заключительному этапу Советско-финской войны 1941–1944 гг. и к периоду после заключения перемирия, когда стала обсуждаться возможность репатриации ингерманландцев в СССР. Еще до заключения перемирия ингерманландские переселенцы в Финляндии задумывались о своем будущем и о том, как сложится их судьба после окончания войны. «Живем одной надеждой, что скажет Москва. На днях там решится, если уже не решилось во многих отношениях, наше будущее! Будем надеяться что скоро господа-немцы будут выкурены отсюда! ... Со шведским языком ладится хорошо. Если бы пожить здесь года два то можно бы свободно говорить. Все хорошо, но не хорошо то, что мы не имеем ничего собственного: ни дома, ни скота и т. д., а имеем лишь 10-ти часовой тяжелый рабочий день, получая за него жалкие гроши, на которые ничего нельзя купить. Жизнь здесь много лучше чем была жизнь столяра в Погосте» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 88], – пишет в сентябре 1944 г. Николай Карьялайнен подруге. Это настроение мучительной неопределенности сохраняется у многих ингерманландцев и после того, как подготовка к репатриации уже началась. Своими сомнениями Павел Бертов делится с племянником: «Предлагали нам всем ехать добровольно ехать на родину но мы все пакамысь отказались что будит все равно вданое время там хорошава ожидать ниприходится до всеобщеваевропейскава мира. И вот нисаветую и тебе низнаютваеволичнава мнения. Мы все будим ждать мира» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 3, л. 1].

Тяжелее других пришлось тем, кто в Финляндии был разлучен с самыми близкими людьми и боялся, что возвращение на родину может обернуться для них вечной разлукой. Несколько финноязычных писем Анны Ахмонен, которая была угнана в Германию и оттуда весной 1943 г. вывезена в Финляндию, адресованы любимому человеку. Обращение – «Дорогой Павел» – Анна писала по-русски. 22 октября 1944 г. она сообщает, что слышала от знакомых новость о сотруднике Союзной контрольной комиссии, который родом был из ее родной деревни и две недели назад прибыл в Финляндию. Деревня сохранилась, и в ней даже остались старики, которых не вывезли. «Он говорит, если хотите поскорее уехать отсюда, пишите заявление» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 10], – сообщает она. Ей очень

хочется уехать, но еще больше она боится потерять любимого человека. В написанном спустя два дня письме спокойный тон ей отказывает: «Ехать или не ехать? Сейчас это решающий вопрос моей жизни. Я не могу дать своего окончательного ответа. Пааво, любимый мой! Дай мне смелости решиться, там или здесь», – и дальше переходит на русский язык: «Финны скажут что вы не хотите ехать. Хотя теперь хорошо устроились, но это не постоянно, а потом будут каяться. Можете писать заявлению, чтоб увезли вас в первый очередь» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 11 об].

Боязнь потерять близких была одной из важнейших причин, по которой ингерманландцы так активно подавали заявления на репатриацию. Если какой-то член семьи попадал в списки или был уже отправлен в пункт сбора пересыльных, остальные спешили также заявить о своем желании вернуться. Существенным фактором оказалось и то, что после объявления о начале репатриации финские хозяева стали массово отказывать ингерманландцам в работе, опасаясь, что советские военнослужащие смогут принять найм ингерманландцев за насильственное удерживание и создание помех репатриации. Письмо от Марии К. односельчанам свидетельствует о том, насколько действенными были обе причины: «Да, как вам уже Ларсовы писали о нашем Александре, то его действительно правда считали военнопленным, он небыл в Финской армии, он был 2 года у хозяина на работе, но а теперь... пленных по договору вызывают в “Руссланд” то его тоже вызвали в лагерь и теперь уже 3 недели как он находится в лагере где и другие пленные, и жду каждый день отправку. Но а больше мы ничего не знаем о нем. <...> Мы тоже записались на “Родину в Погост” и теперь ждем отправку, и думаем, что скоро будут отправлять. <...> Мы кого не видим ингерманцев и все одно и тоже говорят что отказынны от работы и ждут отправку... но это все какнибудь сойдет только скарейбы отправили домой в Погост. <...> Да, действительно, что наши ингерманцы все расселены по всей Финляндии и не скоро увидишь друг, друга, и не скажешь идим сегодня в Прибытково на танцы или же в “Поселок”. Но всеже желаем чтобы еще встретились, но уже не Финляндий, а в “России” и вместе сходили бы на танцы» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 89].

Некоторым ингерманландцам посчастливилось устроиться на работу с фиксированной зарплатой и восьмичасовым рабочим днем, и они чувствовали себя в Финляндии более уверенно. Однако и такие относительно благополучные люди надеялись когда-то увидеть родные места: «Мы живем все постарому “хорошо”. Но! В скором будущем – ожидаем “лучшего”. Возможно это и на оборот, но всеже ждем нестерпением... Сегодня... уже записались ехать Инкерин» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 2]. В чужих краях представления о покинутой родине составлялись в картину утраченного Эдема: «...нам очень хотелось бы вернуться домой, где может быть и сейчас находятся наши мужья, сестры, братья а нас нет, мы здесь скитаемся по чужбине рабствуем, кресный мама очень жалеет своих кресников, дома жили бы с отцом ненадо было бы работать вытягивать своих нежных рук, незнали бы никакой

печали ели пили гуляли, а теперь надо работать через силу... Мы работаем 8 часов в день остальной день свободный» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 12–12 об].

Те, кто смог найти в Финляндии хорошее место и приспособиться к новым условиям жизни, уже не хотели возвращаться. Одна корреспондентка писала подруге: «Ида я сама не знаю, но мне как-то ни охото идти в Россию. Я уже привик ко всему здесь. Но охота бы видать что там натворится и что там есть как там в нашей деревню живут кто там есть вообще ни там ли Идачка. Ни знаю Идачка там ли хорошо жизнь ждет нас или здесь. Пиши как вы скоро уже уедите» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 54–54 об].

Гораздо тяжелее было тем, кто работал в частном хозяйстве и полностью зависел от своего работодателя. Одна из таких ингерманландок жаловалась подруге: «После работы выхожу я одна на улицу, и смотришь во-все четыре стороны. А особенно в ту сторону где расположена любимая родина которую не могу позабыть ни на одну минуту, лишь только на то время когда уснешь на несколько часов. И вот тогда смотришь вечером как с одной стороны солнце спускается к закату и отпускает свои серебристые лучи, а с другой стороны встает луна, и вот стоишь среди двух кругов и любишься, и думаешь почему мы такие несчастные как кусок оторвано от сердца и брошено в чужую сторонушку где нас закалили в проклятое рабство. Катюша! Я уже со всех надежд отпала и больше ни на что не могу надеится, и думаю что наверно я больше никогда не выберусь отсюда прочь и не встречу свой родных подруг с которыми могу поделить свой мнения... Жизнь моя в настоящее время протекает в тяжелых условиях работы очень много... Работаем по 17 – 18 часов в день и как лошади, но а хозяин еще все крепче орет и становиться все дурнее и дурнее. ... Меня хозяин не отпустил прочь, но я все же думаю... все уйдем на другое место так как тут не возможно больше жить» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 55]. Другая корреспондентка старалась договориться с подругой о том, чтобы возвращаться в СССР вместе: «...я опять работаю во хлеве сетими проклятыми каровами. Пайми Мүся некогда даже писма на писать. Но скоро канецетой работы ты наверно знаеш что мы уежаем 26.12 сего года. Муса напишиможет и вы вместе снами паедетье... возможно ишо встретимся» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 33, л. 15].

Нередко в письмах упоминаются сотрудники Союзной контрольной комиссии, у которых ингерманландцы старались узнать, возвратят ли их в родные места. Ответы они получали уклончивые, зато выслушивали разъяснения о «международном положении СССР», и это давало многим надежду. Вместе с тем, советские офицеры не настаивали на том, что репатриация обязательна, заявляя, что «укавариват не расрешоно». Некоторые послания свидетельствуют о том, что на советских военнослужащих ингерманландские переселенцы смотрели с восхищением. Так, Хелена Тервенен писала СойккиКемппи в начале ноября 1944 г.: «Сюда в Хямеенлинну в субботу прибыла русская контрольная комиссия, я видела их в субботу на вокзале. Какие красивые мужчины и какие у них красивые костюмы!» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 19, л. 5 об]. В декабре, уже после отправки первых эшелонов, одна из

корреспонденток сообщала подруге: «Я слыхала, что всех будут вывозит русских отсюда русский унсер говорил, ой как хорошо было слушать про свой союз как там жизнь кипит но здесь, что здесь каждый день лает как собака хуже чем собака моя жизнь, а велит писать и говорить, что хорошо» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 60 об].

Но чаще всего тексты писем этого периода свидетельствуют о том, что отъезда из Финляндии и возвращения в СССР ингерманландцы ждали с нетерпением и радостью: «ждем приказа, чтобы уехать из этой милой Финляндии», «... было бы хорошо оказаться в родных местах и со своими», «скорей на родину!», «...но я все же поеду в Россию хотя немного позже навсегда не останусь». О своих последних днях на чужбине Мальвина Ризова пишет Мише Вярнену: «Пишу письмо рука тресется, / Гляжу на время первый час, / А сердце бедное мне шепчет, / Последнее письмо для Вас здесь Финляндии!!! Миша это мое письмо последнее здесь в Финляндии. Мы 26 декабря уже уедем так что я больше ни от кого не получу письма. Я очень печальна что я опять одна попала как из дому увезли так я одна из наших девчат. Все другие остались дома. Но это ничего, потом буду Вас встречать. Или не знаю, может Вы позже приедете чем мы, а раньше нас дома будете. Так потом будете Вы встречать нас. <...> Мы работаем у хозяина...а как хозяин даст немного собой хлеб на дорогу так не даст за месяц денег. Работаем бесплатно. Знаешь ты сам что бохачи о нас бедных несколько не жалеют. Они и за копейку плачут. <...> Но пока досвиданья, можно сказать siisnäkemiin» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 24 об]. В этот же период Катя Мюллари пишет своей тете Сохви по-фински: «У нас большая радость. Мне сообщили, что относительно нас уже есть распоряжение отправить нас назад на нашу старую родину, в Инкери. Это будет 6 января 45-го года» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 9, л. 1]. В прощальном письме Анны Кемппинен говорится: «Нина мы уже скоро уедем как это хорошо. Эта я уж знаю что последняя письмо но я открытку пошлю еще... когда будем в Куопио...Но я теперь такая веселая как уеду отсюда опять на свою родину путем жить как и жили... Но все же лучше не так как здесь надо работать прислугой так надо было жить целый год ничего хорошего не витала жили как в плену как старые старухи не видели молодых ребят но так было скучно жить...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 21, л. 5]. Уже упоминавшаяся Мария Ефимова надеялась на скорую встречу с сестрой: «Паша вы пишете что скоро поедим на родину но мне что то неверится. Неужели Паша мы настолько счастливые что еще побудем в своем родном селе и еще откроем свои двери. Паша поверь что мне так скучно что каждую минуту мне перед глазами видится наша родимая деревня это лишь потому что где мы находимся больше нет ничего кроме большие каменные горы и огромное большое море и потому нет некого родных близ меня... Дорогая Паша встретимся на родине так все подробно поговорим» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 10, л. 6].

Встретиться и вновь оказаться в родных домах репатриантам так и не довелось. В общей сложности из Финляндии вернулось 55942 ингерманландских переселенца [Земсков, 2016, с. 312]. Все они целыми эшелонами направлялись к новым местам

проживания, определенным постановлением ГКО № 6973 от 19 ноября 1944 г. О том, что для них возвращение в родные села и деревни запрещено, многие узнали уже в дороге, после того, как пересекли границу. Без сомнения, этот новый опыт лишения свободы выбора, крепко отпечатался в их памяти. В позднейших интервью причиной массового возвращения в СССР на рубеже 1944–1945 гг. ингерманландцы чаще всего называли страх. Они боялись, что если не согласятся на репатриацию добровольно, то будут вывезены насильно [Флинк, 2015, с. 349]. Однако изучение эпистолярных источников вносит коррективы в эти позднейшие свидетельства. Страх, конечно, был, но и желание вернуться на родину было искренним и очень массовым. Однако мечта «открыть свои двери» для вернувшихся ингерманландцев так и осталась неосуществимой.

Литература

- Большакова Г. И. (2008). Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3, 18.
- Земсков В. Н. (2016). *Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг.* Москва, Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 31–32, 312.
- Клементьев Е. И., Шлыгина Н. В. (ред.) (2003). *Прибалтийско-финские народы России*. Москва, Наука, 482.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 29.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 30.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 32.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 33.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 3.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 9.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 19.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 21.
- ЛОГАВ (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 64.
- Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. (2019). Изучение писем фронтовиков с позиций лингвистической персонологии. *TheScientificHeritage*, 39, 50–58.
- Мусаев В. И. (2003). *Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке*. Санкт-Петербург, Нестор-История, 294.
- Поболь Н. Л., Полян П. М. (сост.). (2005). *Сталинские депортации 1928–1953*. Москва: МФД; Материк, 610–613.
- Флинк Т. (2015). Домой в ссылку. *Русский сборник. Исследования по истории России*. Москва, Модест Колеров, 349.
- Шлыгина Н. В. (2009). Рец. на: Inkeriläisiä siirtämässä. Jussi ja Liisa Tenkku päiväkirjat 1943–1944 [Эвакуируя ингерманландцев: дневники Юсси и Лиисы Тенкку 1943–1944] / Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1511, Tieto. Jyväskylä, 2008. 290 s. *Этнографическое обозрение*, 5, 158.
- Inkeriläisten kotiuttaminen (1944). *Laatokka*, 273, 3.
- Laatokka* (1944). 275, 4.
- Rautajoki R. (2020). *Vaiettuvaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944*. Turku, Siirtolaisuus-Instituutti, 29–37.

References

- Bol'shakova G. I. (2008). Nachal'nyj period massovoj repatriacii grazhdanskogo naseleniya i voennoplennykh iz Finlyandii (1944–1946 gg.) [Initial period of mass repatriation of civilians and prisoners of war from Finland (1944–1946)]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3, 18.
- Flink T. (2015). Domoj v ssylku [Back home to exile]. *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Research on the history of Russia]. Moscow, 349.
- Klement'ev E. I., Shlygina N. V. (eds.). (2003) *Pribaltijsko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish peoples of Russia]. Moscow, 482.
- Laatokka (1944). 275, 4.
- Inkeriläistenkotittaminen (1944). *Laatokka*, 273, 3.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 29.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 30.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 32.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 33.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 3.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 9.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 10.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 19.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 21.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 64.
- Logunova N. V., Mazitova L. L. (2019). Izuchenie pisem frontovikov s pozicijlingvisticheskoj personologii [The study of the letters of the combatants from the standpoint of linguistic personology]. *The scientific Heritage*, 39, 50–58.
- Musaev V. I. (2003). *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v konce XIX – XX veke* [Political history of Ingria at the end of the 19th – 20th centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 294.
- Pobol' N. L., Poljan P. M. (eds.). (2005) *Stalinskie deportacii 1928–1953* [Stalin's deportations in 1928–1953]. Moscow, 610–613.
- Rautajoki R. (2020). *Vaiettuvaellus. Inkeriläistenleirit 1942–1944*. Turku, Siirtolaisuus-Institiitti, 29–37.
- Shlygina N. V. (2008). Review of: Inkeriläisiäsiirtämässä. Jussi ja Liisa Tenkku päiväkirjat 1943–1944 [Evacuating the Ingrians: the diaries of Jussi and Liisa Tenkku in 1943–1944]. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1511, Tieto. Jyväskylä*, 2008, 290. *Ethnographic Review*, 5, 158.
- Zemskov V. N. (2016). *Vozvrashchenie sovetskih peremeshchennykh lic v SSSR. 1944–1952 gg.* [Return of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952] Moscow, Institute of Russian History RAS; Center for Humanitarian Initiatives, 31–32, 312.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 08.09.2023.
Принята к публикации 11.11.2023.

Об авторе

Мошник Юлия Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; ученый секретарь Выборгского объединенного музея-заповедника; ORCID: 0009-0009-3068-9682; Julia.moshnik@gmail.com

MoshnikYu. I.

“WHEN I LEAVE HERE AGAIN FOR MY HOMELAND”. REPATRIATION OF INGRIAN FINNS DISPLACED TO FINLAND TO USSR IN 1944–1945 (BASED ON COLLECTION OF LETTERS FROM LENINGRAD REGION STATE ARCHIVE IN VYBORG)

Abstract. A valuable material for studying the history of resettlement in Finland and the subsequent repatriation of the Ingrian Finns during the Second World War is provided by sources of personal origin. In the collection of the Leningrad Region State Archive in Vyborg, there is a collection of letters shedding light on the social and living conditions of the displaced Ingrians, their families and friendships, interaction with the authorities and the Finnish people, their moods and reactions to the events taking place at the front and in international politics. These are letters in Russian and in Finnish, as well as in the Ingrian dialect. Most of the documents in the collection refer to the final stage of the Soviet-Finnish war of 1941–1944 and to the period after the conclusion of the armistice, when the possibility of repatriating the Ingrians to the USSR began to be discussed. The most important theme in the letters is homesickness and discussions with relatives of the problem of returning. The documents eloquently testify that many Ingrian settlers were never able to start a new life in Finland, considered it a foreign country for themselves, persistently emphasized national differences with the Finns, connection with Russian culture, and dreamed of returning home.

Keywords: Ingrians, repatriation, Finland, Soviet-Finnish war of 1941–1944, personal documents, letters

For citation: Moshnik Yu. I. “When I leave here again for my homeland”. Repatriation of Ingrian Finns displaced to Finland to USSR in 1944–1945 (Based on collection of letters from Leningrad Region State Archive in Vyborg). *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 626-636. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).626-636

Павловская А. Ю.

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ 1950-1970-Х ГГ.: ЭТАПЫ АРХИВАЦИИ И КАНОНИЗАЦИИ ЭГО-ДОКУМЕНТА В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье исследуется дискурс о блокадном дневнике в контексте культурной памяти о Великой Отечественной войне в 1950-1970-е гг. Автор показывает, что современные представления о блокадном дневнике как историческом источнике и символе имеют собственную генеалогию, корни которой – в 1940-х гг. Анализируя процессы архивации и канонизации блокадных дневников, автор приходит к выводу, что можно выделить три периода дискурса о блокадном дневнике, в основе которых лежат представления о ценности документа и спектра его возможных интерпретаций. Для первого периода (1950-нач. 1960-х гг.) характерно внимание к литературной цельности текстов, второй (1960-1970-е гг.) – время обнаружения исторической и фактологической ценности блокадных дневников. Начавшийся в конце 1970-х гг. с публикацией «Блокадной книги» Д. Гранина и А. Адамовича период связан представлениями о безусловной ценности блокадного дневника.

Ключевые слова: memory studies, архив, блокада Ленинграда, память о блокаде Ленинграда, память о Великой Отечественной войне, эго-документы

Для цитирования: Павловская А. Ю. Блокадный дневник и память о войне 1950–1970-х гг.: этапы архивации и канонизации эго-документа в публичном дискурсе // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 637-645. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).637-645

Сегодня, спустя почти 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, очевидно, что блокадный дневник – это не только важнейший источник по истории блокады, открывающий перед исследователями многообразие подходов и оптик, но и один из ключевых символов памяти о блокаде Ленинграда. Эта уверенность, однако, является следствием долгого процесса включения блокадных дневников в канон памяти о блокаде. В этой статье рассматривается то, как в 1950-1970-е годы происходила «тихая и незаметная» источниковая революция, как появилась формула «блокадный дневник», использующаяся сегодня повсеместно.

Исследование блокадных дневников – одно из важных направлений в современной историографии блокады. Начиная с 2010-х годов, использование блокадных дневников как источника для реконструкции бытовых практик, моделей поведения, изучения образов и социальных отношений, является конвенциональным приемом [Пянкевич, 2014; Яров, 2021; Hass, 2021], отдельные исследователи рефлексировали о жанре блокадного дневника, субъективности их авторов и генеалогии практик [Peri, 2017]. Однако проблематизация места блокадного дневника в культуре, изучение его в контексте архивных и музейных практик и с позиций исследований культурной памяти, является новой сферой историографического знания [Павловская, Павловский, 2022].

Этот подход позволяет, усложнить, с одной стороны, представление об этом типе источников, с другой – о послевоенных практиках работы с прошлым. В рамках этого подхода поднимаются следующие исследовательские вопросы: Как менялось представление о важности и значимости блокадных дневников в архивном деле, историографии, литературе и публицистике? Что эти изменения говорят о состоянии

этих дисциплин? Как перекликаются эти изменения с развитием культурной памяти о блокаде? Как они сами меняют память о блокаде? Работа в этом направлении подразумевает обращение к двум режимам культурной памяти – «архиву» и «канону», концептам предложенным Я. Ассман и А. Ассман. Теоретики полагают, что именно от процесса собирания текстов (архивации) и их интерпретации (канонизации) и зависит вся динамика культурной памяти [Ассман, 2014, с. 55-59]. Если архив – это все собранные (и известные) на определенный момент блокадные дневники, то канон – это совокупность блокадных дневников, тем или иным образом введенных в публичный дискурс: их интерпретация при публикации, помещении в экспозиции музея, переработке в кинотекст и пр. Дискурс о блокадном дневнике формируется, таким образом, как в ходе архивации (почему архивисты и историки считают, что именно этот документ важен и почему), так и в процессе канонизации (почему писатели, режиссеры, журналисты, музейные работники, художники и другие акторы культурной памяти считают, что дневник заслуживает внимания широкой аудитории, и каким образом они до нее доносят его содержание, символическое значение, ремедиацию).

В публичном поле говорить о дневниках жителей блокадного Ленинграда начали в ноябре 1942 года, когда была создана «Комиссия по сбору материалов для создания хроники обороны Ленинграда» при Ленинградском отделении Института истории ВКП(б). Комиссия ставила перед собой задачу собрать максимально полный архив блокады Ленинграда, важнейшей частью которого должны были стать дневники и записанные сотрудниками устные свидетельства. В 1943-1944 годах сотрудники комиссии проводили встречи на предприятиях и агитировали за передачу в фонды института дневников и писем. В архиве Института отложились типовые «Тезисы для беседы на тему «Значение собирания документов и воспоминаний об обороне Ленинграда»». В них, в частности, указывалось, что передача дневников и писем в коллекцию Института – это «долг и честь каждого ленинградца и ленинградки» [ф. 4000, оп. 1, д. 196, л. 52]. Архив, собранный в результате работы комиссии, стал одним из самых крупных хранений блокадных дневников – сегодня он образует компактный корпус в составе ф. 4000 в ЦГАИПД СПб. Первая публикация фрагментов двух дневников из собрания относится к 1948 году, когда вышел сборник «Ленинградцы в дни блокады» [Ленинградцы в дни блокады, 1947].

Первым этапом канонизации блокадных дневников можно считать 1950-е годы: именно в это время начинают публиковаться дневники ленинградских писателей и поэтов [Вишневский, 1956; Инбер, 1954]. Эти тексты в отдельных случаях имеют немного общего с оригинальными записями, они значительно дорабатывались и перерабатывались их авторами, добавлявшими в текст больше литературной связности и идеологической четкости – именно эти две черты считались ценными при публикации текстов. Дневники писателей блокадного Ленинграда, таким образом, закрывали своеобразную лакуну документальной прозы, находясь на стыке литературного текста и описания реального опыта.

Важным событием в области изменения отношения к статусу блокадного дневника стала публикация на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов лирической повести Ольги Берггольц «Дневные звезды», автобиографического произведения

сложного гибридного жанра, близкого к современным представлением о жанре «автофикшн». При работе над книгой, Берггольц не только обращалась к своему дневнику, но и к дневникам других ленинградцев. Дневники жителей блокадного Ленинграда для нее служили ключом к пониманию того, как мыслили и чувствовали другие ленинградцы, и как их опыт соотносился с ее – писательским – опытом [Берггольц, 1964, с. 33]. В процессе работы над «Дневными звездами», в особенности над второй – ненаписанной – частью книги, Берггольц собирала и сами тексты дневников: отдельные документы отложились в ее собственном архиве, а с некоторыми другими она работала в Партийном архиве – с коллекцией Института истории ВКП(б). Для разговора о статусе блокадных дневников в послевоенный период книга Берггольц также важна, поскольку это одно из наиболее ранних упоминаний словосочетания «блокадный дневник». Формула, которая впоследствии будет неоднократно использоваться и в публичной сфере, и в историографии, сложилась не сразу, однако именно выделение особого обозначения для этих документов свидетельствует о сложившемся спустя десять лет после окончания Великой Отечественной войны представлении об особости этих документов.

Вторую половину 1960-х-начало 1970-х гг. можно считать крайне важным периодом в процессе канонизации блокадных дневников: он отмечен публикацией большого количества документальных сборников, в которых начинают появляться блокадные дневники. Важно отметить, что составителей книг, по большей части, интересовали не дневники видных советских писателей, но людей, интерес к которым вызван прежде всего спецификой их профессии и занятости в блокадном Ленинграде [Девятьсот дней..., 1957; Оборона Ленинграда..., 1968; Подвиг Ленинграда..., 1960]. Во всех этих текстах представлено много фактического материала: главной их ценностью публикаторы видели их документальность и информативность этих текстов. Это согласовывается с возникновением в этот же период интереса к блокадным дневникам со стороны историографии: в 1968 году впервые блокадные дневники были введены в научный оборот по всем правилам академических изданий исторических источников в составе сборника «Оборона Ленинграда», подготовленном сотрудниками Ленинградского Института истории АН СССР в 1968 году [Оборона Ленинграда..., 1968]. В этот период также наблюдается рост интереса к блокадным дневникам со стороны историографии; не менее сильным становится интерес к дневникам противника, которые в это время начинают активно публиковаться и цитироваться, становятся ценным источником по истории собственно немецкого участия в осаде города [Гальдер, 1968-1971]. Этот историографический интерес рифмуется с переосмыслением ценности источников личного происхождения, значение которых на рубеже 1960-1970-х годов пересмотрено советскими источниковедами.

Отдельным сюжетом в истории канонизации блокадных дневников можно считать историю дневника Тани Савичевой, которая могла бы стать основой для отдельной статьи и даже монографии. История канонизации блокадных дневников убедительно демонстрирует, что едва ли можно говорить о гомогенности глорифицирующего дискурса о блокаде 1960-1970-х гг. [Воронина, 2018]. Большую известность дневник и история его автора получила в 1959 году, когда был

представлен широкой публике документальный фильм «Подвиг Ленинграда», одна из центральных линий в котором – трагедия ленинградских детей в годы блокады, а история Тани Савичевой стала воплощением этой трагедии. А. Павловский убедительно показывает, что в начальном этапе канонизации важнейшую роль играли трансферы идеологии: создатели фильма опирались на приемы и нарративные принципы, лежащие в основе фильма «Дневник Анны Франк» (1959) [Павловский, 2018, с. 82-88].

Образ Тани Савичевой, сформированный в результате трансфера практик и идеологий, сам вскоре стал активно использоваться как экспортный – в советской прессе сохранились многочисленные свидетельства о приезде иностранных делегаций в Музей истории Ленинграда, где экспонировался оригинал дневника [Хренков, 1964], на страницах журналов и газет публиковались эссе писателей стран соцлагеря [Црнцевич, 1964], сообщения о написанных болгарским композитором песни о Тане или о ее скульптурном изображении, выполненном чешским художником [Дар чехословацких друзей, 1964]. Образ Тани Савичевой, чей дневник неоднократно назывался «страшным обвинением фашизму» [Бузылев, 1967], стал важным элементом транслокальной памяти о блокаде в позднем Советском Союзе [Павловский, 2023, с. 213-226].

Курган в составе мемориала «Цветок жизни» во Всеволожском районе Ленинградской области – это свидетельство того, как сильно возросло влияние этого образа и текста в следующие пятнадцать лет. В составе мемориала в 1975 году по проекту архитекторов А. Д. Левенкова и Г. Г. Фетисова был открыт памятник Тани Савичевой – возможно, единственный случай установки памятника дневнику. На гранитных плитах были факсимильно воспроизведены страницы дневника. Такое эстетическое решение, определенно, говорит о том, что для дискурса о блокадном дневнике 1970-х годов чрезвычайно важным было представление об аутентичности блокадного дневника. Не случайно, именно факсимильные малотиражные издания использовались в качестве подарков представителям различных делегаций: «Лежит на ладони маленький белый блокнотик, стучит в сердце пепел Ленинграда и по-особому весомо звучит девиз Всесоюзного похода молодых следопытов: «Никто не забыт и ничто не забыто» [Бузылев, 1967]. Дневник Тани Савичевой, при всей его визуальной силе, совсем не многословен и отличается от подавляющего большинства блокадных дневников. При всем желании он не мог восприниматься как полноценное, информативное свидетельство, источник по истории блокады Ленинграда.

«Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина, фрагменты которой были впервые опубликованы в 1978 году [Адамович, Гранин, 1978], несомненно, играет ключевую роль в канонизации блокадных дневников. Именно этот текст позволил не только обратить внимание на безусловную ценность блокадного дневника, но и проблематизировать те практики, которые за ними стояли. Именно дневники жителей блокадного Ленинграда определили форму и жанровые особенности этой книги: когда в 1974 году белорусский писатель Алесь Адамович обратился к ленинградцу Даниилу Гранину с предложением написать книгу о блокаде Ленинграда, он предполагал, что она будет основана на собранных интервью [ЦГАЛИ СПб, ф. 107, оп. 6, д. 145, л. 4 об.] – по аналогии с книгой «Я из огненной деревни»,

соавтором которой являлся Адамович [Адамович, Брыль, Колесник, 1979], однако дневники, обнаруженные писателем еще в первый год работы над книгой, заставили их пересмотреть собственные представления о ценности источника, документальности и иерархии свидетельств.

Уже в 1975 году писатели начали сбор дневников жителей блокадного Ленинграда параллельно с интервьюированием свидетелей блокады. В результате этой работы была сформирована коллекция материалов о блокаде, архив «Блокадной книги», вошедший впоследствии в фонд Д. А. Гранина в ЦГАЛИ СПб (ф. 107). В этом архиве сохранилось 14 текстов – рукописей, машинописных копий и выписок, с отдельными рукописями, такими как дневник Г. А. Князева или Ю. Рябинкина, писатели работали, но оригиналы впоследствии передали родственникам авторов. Всего, с учетом опубликованных текстов и выписок, которые за двадцать лет до этого делала О. Ф. Берггольц (сестра поэтессы передала Д. А. Гранину рабочие материалы к книге «Дневные звезды») писатели воспользовались в работе двадцатью семью блокадными дневниками.

И в процессе работы, и в финальном тексте книги, Гранин и Адамович много рассуждали о природе блокадного дневника. Две респондентки писателей, Елена Аверьянова-Федорова и Галина Бабанская, в годы блокады молодые девушки, вели дневники в 1941-1942 гг. Во время проведения интервью писатели не только просили зачитывать для записи на магнитофон фрагменты из дневников, но и комментировать сами тексты и практики, которые за ними стояли [ЦГАЛИ СПб, ф. 107, оп. 6, д. 145]. В финальном тексте книги они – вероятно впервые в истории рефлексии блокадного опыта – отчетливо проводят разграничение между дневниковыми текстами и воспоминаниями, устными и письменными: «В рассказах, в сегодняшних воспоминаниях блокадников много точных фактов, состояний, деталей. <...> Но именно дневники особенно полно передают дыхание того времени, знобящей повседневности, когда жизнь и смерть сошлись предельно близко, склонились вместе с блокадником на его чуть тёплой «буржуйкой» [Адамович, Гранин, 2020, с. 170].

Эта иерархия текстов личного происхождения, которую сознательно выстраивали авторы «Блокадной книги», подтверждается записями из рабочих материалов А. Адамовича. Рассуждая о структуре будущей книги, он писал: «Для начал[ьных] глав важно – из дневников дать. Там лучше это – как неожиданно и зловеще это открылось – голод (Князев, Прусова и др.). А дальше уже «щепу» из рассказов» [Адамович, Гранин, 2020, с. 634]. Вторую часть «Блокадной книги» Адамович называл «дневниковой» неслучайно: писатели сознательно выстроили ее вокруг трёх текстов, два из которых являются дневниками. Впоследствии два этих текста – Г. А. Князева и Ю. Рябинкина – будут одними из самых цитируемых и перерабатываемых текстов. Гранину и Адамовичу было важно показать с помощью дневников не только «малый радиус» жителя заблокированного города, но и продемонстрировать безусловную ценность любого подобного свидетельства. Писатели намеренно обращали внимание читателя на различные неприглядные моменты в дневниках (особенно Юры Рябинкина) – они стремились показать не лакированную картину блокады, а сложную картину внутреннего мира жителя Ленинграда – и дневники лучше всего отвечали этому запросу.

«Блокадная книга», вторая часть которой была опубликована в 1981 году, обозначила новый этап в существовании дискурса о блокадных дневниках, который, вероятнее всего, продолжается и сегодня. Исследуя историю восприятия и использования блокадных дневников, можно увидеть, как это было показано в статье, некоторые периоды – иногда пересекающиеся. В основе определения этих этапов – система ценностей, стоящая за использованием этих документов. В 1950-1960-е годы, время, когда, в основном, публиковались дневники писателей и поэтов, более всего в дневниках жителей блокадного Ленинграда ценились образность и художественность, близость к литературным формам. В 1960-первой половине 1970-х годов происходит переосмысление этих текстов – они становятся источником – не только для историков, но и для деятелей культуры. При таком подходе более всего в блокадных дневниках ценились документальность и информативность. Наконец, к концу 1970-х годов, во многом благодаря «Блокадной книге» основная ценность блокадного дневника виделась в его документальности и аутентичности. При таком подходе абсолютно любой дневник, вне зависимости от того, кто являлся его автором, признается ценным, достойным публикации и исследования. Позднесоветский и постсоветский периоды, при этом, являются ничуть не менее, а во многом более интенсивным и сложным с точки зрения медиальности и задействованных акторов периодами в истории архивации и канонизации блокадных дневников [Павловская, Павловский, 2022]. Безусловно, эти периоды также нуждаются в отдельных исследованиях.

Литература

- Адамович А., Брыль Я., Колесник В. (1979). *Я из огненной деревни*. Москва, Известия, 528.
- Адамович А., Гранин Д. (1978). Главы из Блокадной книги. *Новый мир*, 12, 147–193.
- Адамович А., Гранин Д. (2020). *Блокадная книга*. Санкт-Петербург, Азбука, 688.
- Ассман А. (2014). *Длинная тень прошлого*. Москва, Новое литературное обозрение, 238.
- Берггольц О. (1964). *Дневные звезды*. Ленинград, Лениздат, 212.
- Бузылев И., Михайлов В. (1967). Прощание без разлуки. *Известия*. 31 июля, 4.
- Вишневский В. В. (1956). *Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. Дневники военных лет (1941-1942)*. Москва, Государственное издательство художественной литературы., 772.
- Воронина Т. (2018). *Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда*. Москва, Новое литературное обозрение, 688.
- Гальдер Ф. (1968-1971). *Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг.* Москва, Военное издательство.
- Дар чехословацких друзей (1963). *Правда*. 29 ноября, 4.
- Девятьсот дней. *Литературно-художественный и документальный сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1957)*. Ленинград: Лениздат, 599.
- Инбер В. М. (1954). *Почти три года (Ленинградский дневник)*. Москва, Гослитиздат, 368.
- Ленинградцы в дни блокады (1947). Ленинград, Лениздат, 268.
- Оборона Ленинграда 1941–1944. *Воспоминания и дневники участников* (1968). Ленинград, Наука, 790.
- Павловская А., Павловский А. (2022). Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа (1941-2021). «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. Санкт-Петербург, Издательство ЕУ СПб., 421–457.
- Павловский А. Ф. (2023). «Большой радиус» блокады Ленинграда: множественная транслокальность и культурная память о Великой Отечественной войне в 1960–1980-е гг. *Новое прошлое / The New Past*, 2, 213–226.

- Павловский А. (2018). «Таня Савичева в зеркале Анны Франк»: нарратив о страдании в кинематографе о Блокаде и Холокосте в конце 1950-х гг. *Конструируя советское. Сборник тезисов конференции*. Санкт-Петербург, Издательство ЕУ СПб., 82–88.
- Подвиг Ленинграда. Документально-художественный сборник*. (1960). Ленинград, Лениздат, 616.
- Пянкевич В. (2014). *Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 479.
- Саянов В. М. (1963). *Ленинградский дневник*. Москва, Гослитиздат, 326.
- Сражается песня (1975). *Неделя [Прил. к газете «Известия»]*. 48, 24.
- Хренков Д. (1964). По знакомому адресу. *Литературная газета*. 25 января. 1.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 196.
- Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. Ф. 107. Оп. 3. Д. 329.
- Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. Ф. 107. Оп. 6. Д. 145.
- Црнцевич Б. (1964). Рассказ о девочке Тане. *Крокодил*, 30, 4.
- Черевков К. (1964). Четверть тысячелетия и 900 дней. *Огонек*, 5, 28–29.
- Яров С. (2021). *Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде. 1941–1942 гг.* Санкт-Петербург, Издательство ЕУ СПб., 590.
- Hass J. (2017). *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. Oxford, Oxford University Press., 440.
- Peri A. (2018). *The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, Cambridge University Press, 384.

References

- Adamovich A., Bryl Y., Kolesnik V. (1979). *Ya iz ognennoj derevni* [I am from the Village of Fire]. Moscow, Izvestiya, 528.
- Adamovich A., Granin D. (2020). *Blokadnaya kniga* [The Siege Book]. St. Petersburg, Azbuka, 688.
- Adamovich A., Granin D. (1977). *Glavy iz Blokadnoj knigi* [Chapters from the Siege Book]. Novy Mir, 12, 147–194.
- Assman A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo* [Long Shadow of the Past]. Moscow, Novoe Literaturnoye Obozreniye, 238.
- Berggolts O. (1964). *Dnevnye zvezdy* [Daytime Stars]. Leningrad, Lenizdat, 212.
- Buzylev I., Mikhailov V. (1967). Proshchanie bez razluki [Farewells without Parting]. *Izvestiya*. July 31, 4.
- Central State Archive of Historical-Political Documents of St. Petersburg. F. 4000. Inv. 1. File 196.
- Central State Archive of Historical-Political Documents of St. Petersburg. F. 107. Inv. 3. File 329.
- Central State Archive of Historical-Political Documents of St. Petersburg. F. 107. Inv. 6. File 145.
- Cherevков K. (1964). Chetvert' tysyacheletiya i 900 dnei [Quarter of the Millenium and 900 days]. *Ogonek*. 5, 28–29.
- Dar chekhoslovackih druzej [Chechoslovsk Friends' Gift] (1963). *Pravda*. November 29, 4.
- Devyat'sot dnei. (1957). *Literaturno-hudozhestvennyj i dokumental'nyj sbornik, posvyashchennyj geroicheskoj oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [900 days. Literary and Documentary Collection, dedicated to the Heroic Defense of Leiningrad]. Leningrad, Lenizdat, 599.
- Galder F. (1968-1971). *Voennyj dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachalnika Generalnogo shtaba Suhoputnyh vojsk 1939–1942 gg.* [Wartime Diary. Everyday Notes of the Chief of the General Staff of the Ground Forces]. Moscow, Voenizdat.
- Hass J. (2021). *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. Oxford, Oxford University Press, 440.
- Inber V. M. (1954). *Pochti tri goda (Leningradskij dnevnik)* [Almost Three Years]. Moscow, Goslitizdat, 368.
- Khrenkov D. (1964). Po znakomomu adresu [At a Familiar Adress]. *Literaturnaya gazeta*. January 25, 1.
- Leningradcy v dni blokady* [Leningraders During the Siege] (1947). Leningrad, Lenizdat, 268.
- Oborona Leningrada 1941–1944. Vospominaniya i dnevniki uchastnikov* [The Defence of Leningrad. 1941–

1944. Memoirs and Diaries of Participants]. (1968). Leningrad, Nauka, 790.
- Pavlovskaya A., Pavlovsky A. (2022). *Blokadnyj dnevnik v kul'turnoj pamyati: arhiv i kanon blokadnogo ego-dokumenta (1941–2021)* [Blockade Diary in Cultural Memory]. «*Ya znayu, chto tak pisat' nel'zya*»: *Fenomen blokadnogo dnevnika* [“I Know that I can’t Write that Way”: Phenomenon of the Siege Diary]. St. Petersburg, EUPRESS, 421–457.
- Pavlovsky A. F. (2023). «Bol'shoj radius» blokady Leningrada: mnozhestvennaya translokal'nost' i kul'turnaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v 1960–1980-e gg. [“The Big Radius” of the Siege of Leningrad: Multiple Translocalities and Cultural Memory of the Great Patriotic War]. *The New Past*, 2, 213–226.
- Pavlovsky A. (2018). «Tanya Savicheva v zerkale Anny Frank»: narrativ o stradanii v kinematografe o Blokade i Holokoste v konce 1950-h gg. [Tanya Savicheva in the Mirror of Anne Frank: Narrative of Suffering in films about Siege and Holocaust in late of 1950s]. *Konstruiruya sovetskoe. Sbornik tezisov konferencii* [Constructing the Soviet. Collection of conference abstracts]. St. Petersburg, EUPRESS., 82–88.
- Peri A. (2018). *The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, Cambridge University Press., 384.
- Podvig Leningrada Dokumental'no-hudozhestvennyj sbornik* [Feat of Leningrad. Documentary Collection]. (1960). Leningrad, Lenizdat, 616.
- Pyankevich V. (2014). *Lyudi zhili sluhami. Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* [People Lived with Rumours. Informal Communicative Space in Besieged Leningrad]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 479.
- Sayanov V. M. (1963). *Leningradskij dnevnik* [Leningrad Diary]. Moscow, Goslitizdat, 326.
- Srazhaetsya pesnya (1975). [The Song Fights]. *Nedelya [Week] (Add. to the newspaper "Izvestia")*. 48, 24.
- Tsrncevich B. (1964). *Rasskaz o devochke Tane* [A Tale of a Girl Called Tanya]. *Krokodil*, 30, 4.
- Vishnevsky V. V. (1956). *Sobranie sochinenij v 5 t. T. 3. Dnevniky voennykh let (1941–1942)* [Collection of Works. Vol. 3. Wartime Diaries (1941–1942)]. Moscow, Goslitizdat, 772.
- Voronina T. (2018). *Pomnit' po-nashemu. Socrealisticheskij istorizm i blokada Leningrada* [Remembering Our Way. Socialist Realism and the Siege of Leningrad]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye, 688.
- Yarov S. (2021). *Blokadnaya etika: predstavleniya o morali v Leningrade. 1941–1942 gg.* [The Siege Ethics: Representation of the Morals in Leningrad. 1941–1942]. St. Petersburg, EUPRESS, 590.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.11.2023.
Принята к публикации 30.11.2023.

Об авторе

Павловская Анастасия Юрьевна (р. 1995) – младший научный сотрудник Института истории обороны и блокады Ленинграда, ГММОБЛ, исследователь Центра изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб; ORCID: 0009-0008-4345-4412; pavlovskaya@lenoblmu.ru

Pavlovskaya A. Y.

SIEGE DIARY AND MEMORY OF WAR IN 1950s–1970s:

STAGES OF ARCHIVING AND CANONIZATION OF EGODOCUMENTS IN PUBLIC DISCOURSE

Abstract. The article examines the discourse of the siege diary in the context of the cultural memory of the Great Patriotic War in the 1950s–1970s. The author shows that current understandings of the siege diary as a historical source and a symbol have its own genealogy, the roots of which are in the 1940s. Analyzing the processes of archiving and canonization of siege diaries, the author comes to the conclusion that it is possible to distinguish three stage of the discourse about the siege diary, which are based on the ideas about the value of the document and the range of its possible interpretations. The first period (1950s–early 1960s) is characterized by attention to the literary integrity of the texts, while the second (1960s–1970s) is the time of the discovery of the historical and factual value of the siege diaries. The period that began in the late 1970s with the publication of *The Siege Book* by D. Granin and A. Adamovich is associated with the idea of the unconditional value of the siege diary.

Keywords: memory studies, archive, Siege of Leningrad, memory of the Siege of Leningrad, memory of the Great Patriotic War, egodocuments

For citation: Pavlovskaya A. Y. Siege diary and memory of war in 1950s–1970s: stages of archiving and canonization of egodocuments in public discourse. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 637-645. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).637-645

Павловский А. Ф.

БЛОКАДА И КОМПЬЮТЕР: «ЦИФРОВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ» В ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В 1980-Е ГГ.¹

Аннотация. В статье ставится проблема «цифрового воображения» в культурной памяти о войне и блокаде Ленинграда в 1980-е гг. На примере неснятого сценария документального фильма «Блоkada и компьютер» (1983) Л. Маграчева и Э. Талунтиса – пожалуй, самого раннего примера цифровой памяти о блокаде – автор показывает, каким образом дискурс о героизме и страдании блокадников, фальсификации истории и «рациональном враге» преломлялся в фантастической гипотезе сценаристов о суперкомпьютере, при помощи которого «империалистические стратегии» Запада стремятся закодировать «ленинградские высоты человеческого духа» для того, чтобы научно понять и победить советского человека. Автор приходит к выводу о парадоксе «цифрового воображения» памяти о войне, в рамках которого «умная машина», выступающая как аналитическое орудие врага, является при этом эффективным инструментом подтверждения «исторической правды» о блокаде и анализа её «абсолютного архива». Вместе с тем, автор ставит гипотезу о том, что при всей необычности такого «воображаемого фильма», его нельзя считать аномалией, и в начале 1980-х гг. «цифровое воображение» проникает даже во властный дискурс памяти о войне.

Ключевые слова: memory studies, культурная память, память о войне, блокада Ленинграда, цифровая память, советское кино

Для цитирования: Павловский А. Ф. Блоkada и компьютер: «цифровое воображение» в памяти о Великой Отечественной войне // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 646-651. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).646-651

В последние годы исследователи все чаще возвращают советское цифровое наследие из забвения. История кибернетики в гуманитарных науках и искусстве [Пруденко, 2018] и реконструкция «идеи советской компьютерной игры» [Муждаба, Царев, 2020] в 1960-1980-е гг. дает альтернативный взгляд на проект советской цифровой модерности (пусть и проигравший в борьбе с экспансией западных технологий). Однако насколько можно говорить о наличии в СССР «цифрового воображения» в сфере культурной памяти о таком конституирующем советскую идентичность событии как Великая Отечественная война и, в частности, блокада Ленинграда 1941-1944 гг.? При всех новых подходах в изучении памяти о геноциде блокады [Павловский, 2022], вопрос о «цифровом воображении» об этой гуманитарной катастрофе в 1980-м гг. вряд ли бы пришел в голову самому смелому исследователю по причине отсутствия источников, способных подтвердить такую гипотезу. Однако, определяя «цифровое воображение» как дискурс о том, как цифровые технологии могут *гипотетически* влиять на все сферы деятельности от искусства, науки, образования до развлечения, коммерции, войны и культурной памяти (будучи связаны с надеждами и страхами по поводу использования новейших, прототипических или не существующих цифровых устройств и технологий), в этой статье я показываю, что, вопреки устоявшемуся в Digital Memory Studies мнению о том, что развитая цифровая память о травматичном или ностальгическом прошлом появляется только в 2000-е с развитием Сети и мобильных гаджетов во всем мире [Павловский, 2023], такое «цифровое воображение» о войне и правда существовало в

¹ Благодарю В. Басса за то, что обратил мое внимание на этот источник, а также А. Муждаба и А. Моисеенко за советы при подготовке статьи.

советское время. «Блокада и компьютер» (1983) Л. Маграчева и Э. Талунтиса является подтверждением этому.

«Блокада и компьютер» (1983) – 25-страничный сценарий с детально прописанными эпизодами, дикторским текстом и диалогами, взятыми из военной кинохроники и интервью с ветеранами Ленинградской битвы и их потомками [ЦГАЛИ СПб, 1983], так и не был экранизирован. Однако его авторы – радиожурналист Л. Маграчев (1914-1988) и писатель Э. Талунтис (1926-1992) – отнюдь не были случайными фигурами в формировании советской памяти о блокаде Ленинграда. Маграчев был автором знаменитых «блокадных репортажей» и мемуаров о Доме радио, где он работал с О. Берггольц [Маграчев, 1989]; Талунтис воевал на Ленинградском фронте и написал сценарий документального фильма «900 незабываемых дней» (1964, ЛСДФ). В их решении создать фильм о блокаде не было ничего необычного, однако аномальным выглядит то, что два автора, далеких от кибернетики, в начале 1980-х решили написать сценарий, в котором рассуждения о компьютере как *источнике исторической правды* обрамляет и структурирует все повествование о блокаде и ее последствиях.

Что это неснятое «воображаемое кино» может сказать об устройстве «цифрового воображения» о войне в 1980-е гг.? «Блокада и компьютер» начинается с необычной завязки, чей антиамериканский посыл становится понятным, учитывая, что 1983 год был особенно острым периодом Холодной войны. Так, авторы рассказывали зрителю о том, что «империалистические стратеги», мечтающие поработить советский народ, «уже несколько десятилетий (...) изучают «феномен Ленинграда», задаваясь вопросом, «как смог выстоять Ленинград, наглухо заблокированный, вымиравший от голода, бомб и снарядов, замерзавший без топлива и электроэнергии?» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 1]. Чтобы решить этот вопрос на научной основе, военные НАТО загрузили в суперкомпьютер информацию о жителях и защитниках блокадного Ленинграда и дали «умной машине» задачу просчитать, каков «предел прочности» советского человека. Как конспирологически объясняли Маграчев и Талунтис без всяких ссылок на источники, «западные теоретики и практики, мыслящие военные категориями, пытаются закодировать такие понятия, как «мужество», «героизм», «стойкость», выразить их определенными числами, чтобы затем полученные перфокарты ввести в электронно-вычислительные машины. С помощью компьютеров они надеются высчитать точный коэффициент усилий, которые необходимо приложить, чтобы преодолеть «расчетные величины». Как добавляли авторы, «пока неизвестно, в каких единицах ожидается ответ – то ли в степенях подлости и жестокости, то ли в количествах ракет и ядерных зарядов...» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 1-2]. В итоге компьютер должен был дать ответ, каким образом спланировать нападение на СССР и победить советского человека, сломив его волю.

Свою задачу Маграчев и Талунтис видели в обратном – рассказать зрителю о том, что на «самом деле» могла бы ответить вражеским генералам эта фантастическая «умная машина», если бы ей дали все исторические данные о блокаде? Итак, большая часть сценария состояла из эпизодов, в которых ветераны Ленинградской битвы рассказывали о своем подвиге, а сценаристы «монтировали» их рассказ с кадрами из кинохроники. Главная идея сценария заключалась в том, что гитлеровцы как

«предшественники» НАТО не учли в своих расчетах моральный фактор и солидарность советского народа. Нацисты ожидали, что будут воевать против мобилизованных, однако ленинградцы выступили в качестве единого целого и на войну пошли все – от композитора Д. Шостаковича, писателя Г. Гора и актера Н. Черкасова до женщин, детей и стариков. Так, авторы рассказывали о добровольцах, пошедших в ополчение [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 2-3], о защитнике Пулковской обсерватории астрономе К. Огородникове [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 5], о любви лейтенанта А. Смаглия и врача А. Павлушкиной, воевавших на крейсере «Аврора» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 7]», о кровавом «аду» Невского пяточка [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 9], о подвиге Ольги Маккавейской [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 11-12], и об Ольге Новиковой, умершей от голода, но спасшей маленького сына [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 16-17]. Таким образом, благодаря самопожертвованию, смекалке и героизму, ленинградцы отстояли город, проявив «высоты человеческого духа», которые не подлежат никакому количественному анализу и кодировке.

Как писали Маграчев и Талунтис, недоумевая, на что надеются «западные империалисты»: «...что же такое «феномен Ленинграда»? Тут нет секрета. Это великая любовь к родной стране, к жизни, добру и свету. Это безграничная ненависть к злу и жестокости, к порабощению и неравенству (...) Это неколебимое единство (...) советского народа. Как же измерить эти чувства и качества? Пусть даже сумеют западные стратеги оценить в цифрах (...) и закодировать ленинградские высоты человеческого духа (*курсив мой – А.П.*). И затем, как и мечтают, спросят компьютер: чем, какими доступными для них средствами можно преодолеть «расчетные величины»? Умная электронная машина даст только один ответ: «ничем». И другого ответа не может быть» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 25].

Несмотря на то, что сценарий «Блокада и компьютер» (1983) не был экранизирован, его анализ позволяет сделать ряд выводов о дискурсах памяти о войне и раннем «цифровом воображении» о блокаде. Во-первых, вопреки новаторской завязке, «Блокада и компьютер» – это текст, традиционный в своей соцреалистической эстетике и репрезентации преемственности героизма блокады и современности: тот язык памяти, которым авторы пользовались и в 1960-е гг. и который сохранился до 1980-х гг. в почти неизменном виде, разбавленном кинематографическими флэшбэками, эстетикой личного свидетельства и большим вниманием к страданию солдат и гражданского населения. Во-вторых, в сопоставлении НАТО и Третьего Рейха, естественно, не было ничего нового – сам жанр разоблачения фальсификации истории «недобитыми фашистскими генералами» процветал в ленинградской прессе еще с середины 1960-х гг. и часто был связан именно с памятью о блокаде [Голант, 1964]. В-третьих, образ «рационального врага», который, готовясь к завоеванию Ленинграда, проводит вычисления, чтобы удостовериться в «неизбежности» своей победы, а потом оказывается посрамлен героизмом и жертвой блокадников, также не был придумкой Маграчева и Талунтиса: одна из первых глав «Блокадной книги» (1977) А. Адамовича и Д. Гранина («Засланный в город») является тому убедительным подтверждением [Адамович, Гранин, 2005, с. 55-67].

Вместе с тем, «цифровое воображение», представленное в сценарии, показывает по-настоящему новое и амбивалентное отношение авторов к вычислительным

возможностям воображаемого компьютера в достижении «исторической правды» о войне. С одной стороны, «умная машина» – это аналитическое орудие врага, но при этом она настолько «умна», что доказывает врагу превосходство советского строя. С другой, при всей своей мощи этот фантастический компьютер бесполезен, потому что после долгих вычислений корпуса всех свидетельств о блокаде он дает ответ, который и так известен авторам, вооруженным одной «революционной сознательностью» и насмехающихся над тем, что кто-то пытается закодировать их «мужество», «героизм», «стойкость», рационализовав эпический подвиг блокадников, чьим источником являются трансцендентные и не объяснимые цифровой наукой «ленинградские высоты человеческого духа» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 2, 25]. Эта дискриминация нечеловеческой агентности и при этом убежденность в том, что компьютер есть инструмент подтверждения «исторической правды», способный проанализировать «абсолютный архив» блокады, и создает парадокс «цифрового воображения», лежащий в основе самого раннего рассуждения о цифровой памяти о блокаде Ленинграда в 1980-е гг.

Вместе с тем, насколько аномальным являлся сценарий «Блоkada и компьютер» в контексте советского дискурса о цифровом? Вероятно, не так сильно, как кажется. Во-первых, сейчас известно, что квантитативная история и анализ массовых источников на ЭВМ развивались в СССР 1960-1980-е гг. вполне активно [Пруденко, 2018], и остается только вопрос, откуда авторы могли заимствовать их проблематику и дискурс? Во-вторых, если бы авторы предложили свою работу на студию научно-популярных фильмов, то их сценарий был бы воспринят как необычный, но точно не аномальный: еще с 1970-х гг. режиссеры ЦСДФ снимали фильмы о роли ЭВМ в науке и экономике, а «Леннаучфильм» – фильм «Гименей и ЭВМ» (1982) о том, как компьютер помогает неженатым гражданам найти себе пару, то есть к этому времени «цифровое воображение» уже начало развиваться и в массовой культуре.

Наконец, удивительно, но в середине 1980-х гг. «цифровое воображение» проникает даже во властный дискурс памяти о войне. Например, во время заседания, посвященного 40-летию полного освобождения Ленинграда от блокады 27 января 1984 года, секретарь ЦК КПСС и бывший первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Г. Романов в довольно «ленинградоцентричной» манере связал подвиг блокадников с будущим советской модерности. Романов утверждал, что «лучшим памятником погибшим [блокадникам] (...) является возрожденная, преображенная, шагнувшая в развитой социализм страна», и чтобы добиться этого скачка, экономика Ленинграда и Ленинградской области, когда-то «израненных снарядами и политых кровью», должна управляться при помощи «компьютеров, гибких автоматизированных производств, которые базируются на безлюдной, а в ряде случаев и безотходной технологии» [ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 245, д. 86, л. 19-21]. Таким образом, спасение Ленинграда и колоссальная жертва его жителей преподносились Г. Романовым как условие НТР (!) и внедрения ее достижений в жизнь советских людей и потомков блокадников, защитников Ленинграда сейчас.

В этой коммеморативной логике двух темпоральностей Победа становилась не только героическим финалом утопического прошлого, но оптимистичным истоком советской будущности от космических полетов до компьютеризации науки и техники

– «цифровое воображение», отличное от сценария «Блокада и компьютер», но в определенной степени подтверждающее возможность фильма, создающего образ компьютера как источника исторической правды в контексте памяти о войне и современности 1980-х.

Литература

- Адамович А. М., Гранин Д. А. (2005). *Блокадная книга: В 2 кн. Кн. 1.* Москва, ТЕРРА – Книжный клуб.
- Голант В. (1964). Куда гнут фальсификаторы истории. *Ленинградская правда*, 11 января, 3.
- Маграчев Л. Е. (1989). *Репортаж из блокады.* Ленинград: Лениздат, 270.
- Муждаба А. Д., Царев А. О. (2016). Воспитание «Тетрисом»: к идейным основам советской компьютерной игры. *Социология власти*, 3, 32, 114-141. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-3-114-141
- Павловский А. Ф. (2022). Культурная травма и современная историография: «вторая волна» исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016-2021). *Историческая экспертиза*, 1, 26–49. DOI: 10.31754/2409-6105-2022-1-26-49
- Павловский А. Ф. (2023) Введение. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей.* Санкт-Петербург, Изд. ЕУ СПб., 7–48.
- Пруденко Я. Д. (2018). *Кибернетика в гуманитарных науках и искусстве в СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество.* Москва, Музей современного искусства «Гараж», 292.
- ЦГАИПД СПб. (1984) *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.* Ф. 24. Оп. 245. Д. 86.
- ЦГАЛИ СПб. (1983). *Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга.* Ф. 520. Оп. 1. Д. 129.

References

- Adamovich A. M., Granin D. A. (2005). *Blokadnaya kniga* [The Blockade Book]. Vol. 2. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub.
- Golant V. (1964). Kuda gnut falsifikatory istorii? [Where are the falsifiers of history going?] *Leningradskaya Pravda*, January 11, 3.
- Magrachev L.E. (1989). *Reportazh iz blokady* [Report from the Blockade]. Leningrad, Lenizdat, 270
- Muzhdaba A. D, Tsarev A. O. (2020). Vospitanie «Tetrisom»: k idejnym osnovam sovetskoj kompyuternoj igry [Nurture by Tetris: On the Ideological Foundations of the Soviet Computer Game]. *Sociology of Power*, 3, 32, 114–141. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-3-114-141
- Pavlovskiy A. F. (2022). Kulturnaya travma i sovremennaya istoriografiya: «vtoraya volna» issledovaniy pamyati o blokade Leningrada (2016-2021) [Cultural Trauma and Contemporary Historiography: The Second Wave of Research on the Memory of the Siege of Leningrad (2016-2021)]. *Historical Expertise*, 1, 26-49. DOI: 10.31754/2409-6105-2022-1-26-49
- Pavlovskiy A. F. (2023). Vvedenie. Tsifrovye ramki kollektivnoj pamyati: kuda vedet tsifrovoj povorot v memory studies? [Introduction. The Digital Frames of Collective Memory: Where Does the Digital Turn in Memory Studies Lead?]. *Pamyat v Seti: tsifrovoj povorot v memory studies* [Memory on the Web: A Digital Turn in Memory Studies]. St. Petersburg: EUSP Press, 7–48.
- Prudenko Y. D. (2018). *Kibernetika v gumanitarnyh naukah i iskusstve v SSSR. Analiz bolshih baz dannyh i kompyuternoje tvorchestvo* [Cybernetics in the Humanities and the Arts in the USSR. Big Data Analysis and Computer Creativity]. Moscow, Garage Museum of Contemporary Art., 292.
- TsGAIPD SPb (1984). *Tsentralnyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. Fund 24. Inventory list 245. File 86.
- TsGALI SPb (1984). *Tsentralnyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstv Sankt-Peterburga* [Central State

Archive of Literature and Arts of St. Petersburg]. Fund 520. Inventory list 1. File 129.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.11.2023.
Принята к публикации 30. 11.2023.

Об авторе

Павловский Алексей Федорович – ассоциированный сотрудник Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге; ORCID: 0009-0006-5706-8796; apavlovskiy@eu.spb.ru

Pavlovskiy A. F.

BLOCKADE AND COMPUTER: “DIGITAL IMAGINATION” IN THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE 1980S?

Abstract. The article raises the problem of “digital imagination” in the cultural memory of the Great Patriotic War and the blockade of Leningrad in the 1980s. Using the example of the unfiled screenplay of the documentary film *Blockade and Computer* (1983) by L. Magrachev and E. Taluntis (perhaps the earliest example of digital memory of the Siege) the author shows how the traditional discourse about the heroism and suffering of siege survivors, the “Western falsification of history” and the “rational enemy” is refracted into the screenwriters’ fantastic hypothesis of a supercomputer with which “imperialist strategists” seek to code the “Leningrad heights of the human spirit” to scientifically understand and defeat the Soviet man. The author concludes about the paradox of the “digital imagination” of the memory of the war, in which a “smart machine” acting as an analytical tool of the enemy is at the same time an effective tool to confirm the “historical truth” about the Siege of Leningrad and to analyze its “absolute archive”. At the same time, the author argues that, for all the strangeness of such an “imaginary film”, it cannot be considered an anomaly, and in the early 1980s “digital imagination” penetrated even the Party discourse of memory about the war.

Keywords: memory studies, cultural memory, memory of the war, siege of Leningrad, digital memory, Soviet cinema

For citation: Pavlovskiy A. F. Blockade and computer: “digital imagination” in the memory of the great patriotic war in the 1980s? *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 646-651. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).646-651

Божичко В. В.

ДОКУМЕНТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КОЛХОЗНИКОВ В 1945-1955 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена анализу документов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) об обследовании бюджетов колхозников как источника для изучения повседневной жизни колхозных крестьян в первое послевоенное десятилетие. В фондах этих архивов сохранился огромный пласт документов с результатами обследования семей колхозников, где содержатся сведения о доходах и расходах крестьян, обороте продуктов питания, домашнем скоте и затратах труда в личном и общественном хозяйстве. Рассматривается организация и ход обследования, возникавшие трудности и вероятные погрешности в массиве собранных сведений, описываются бланки для сбора первичной информации и приводятся примеры аналитических отчетов и анализа изменения доходов, полученных на основе собранных данных. Хронологические рамки статьи ограничены 1945-1955 гг. Введение в научный оборот новых архивных документов и отслеживание в течение длительного срока тенденций изменения доходов и расходов, потребления продуктов питания, приобретение промышленных товаров и использования личного хозяйства способствует детальной реконструкции повседневной жизни колхозников.

Ключевые слова: крестьянство, колхозная деревня, обследование бюджетов, повседневность.

Для цитирования: Божичко В. В. Документы обследования бюджетов как источник для изучения повседневности колхозников // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2023. 6(51). 652-659. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).652-659

Крестьяне российского Нечерноземья вместе со всей страной перенесли тяготы Великой Отечественной войны (ВОВ) и восстановления разрушенного хозяйства, поэтому изучение их повседневности в такой драматичный период представляет научный интерес.

Для реконструкции повседневной жизни сельчан послевоенного времени служат рассказы очевидцев событий, различные делопроизводственные документы, газеты того времени и др. [Хасянов, 2018; Божичко, 2019; Чирков, 2022]. Огромное количество разнообразных сведений о повседневности колхозников дают материалы многолетнего обследования колхозов и в его рамках – бюджетов крестьянских семей.

Советские и российские историки в разные годы обращались к этим документам в поиске материала о жизни сельчан разных регионов [Мотревич, 1988; Гермашев, 2009]. Тем не менее, этот богатейший массовый источник сведений пока используется явно не в полной мере. Недостаточно подробно описаны ход обследования, возникавшие трудности и их влияние на достоверность информации. Настоящая статья в некоторой мере ликвидирует этот пробел.

До начала ВОВ обследование охватывало 41 регион и 21 тыс. семей сельчан. Во время войны оно не прекратилось, но количество обследуемых областей и семей сократилось примерно вдвое [РГАЭ, б.д., ф. 1562, оп. 329, д. 911, л. 1-5]. Выбор регионов и колхозов осуществлялся на самом высоком уровне. Поскольку во главу угла обследования ставилась деятельность колхозов, то обосновывалась репрезентативность выборки конкретных хозяйств в каждой области или крае. Ежегодно для участвующих в обследовании колхозов высчитывался ряд показателей, которые затем сравнивались с этими же показателями для всех колхозов области:

количество и процент сельчан, участвовавших в колхозных работах, среднее количество трудодней на человека, число колхозников, не выработавших минимума трудодней, число скота в колхозе и размер его посевных площадей. Определялась также выдача на трудодень натурой и деньгами и количество скота в хозяйствах колхозников. На территории РСФСР участие в обследовании принимали 17 областей.

Количество семей колхозников, участвовавших в обследовании, различалось по регионам (от 216 до 720) [РГАЭ, б.д., ф. 1562, оп. 324, д. 3177]. Собранные сведения отражали денежные и натуральные доходы семей от колхоза, от приусадебного участка, заработки на предприятиях и др., а также все денежные и натуральные расходы. Кроме доходов и расходов изучались оборот продуктов питания, обеспеченность личных подсобных хозяйств (ЛПХ) скотом, использование приусадебного участка и затраты труда в колхозе и в подсобном хозяйстве.

Обследование семей проводил сектор бюджетов колхозников. Сотрудники сектора руководствовались специальной инструкцией [РГАЭ, б.д., оп. 26, д. 82, л. 1-38]. Согласно инструкции специалисты должны были не реже двух раз в месяц посещать семьи и заполнять специальные бланки, ежемесячно получать от правления колхоза информацию о выработанных трудоднях и общественном питании в обследуемых семьях. По результатам работы они готовили ряд отчетов: бюджет колхозника, общественное питание, животноводство, оборот продуктов. Для эффективной работы статистикам следовало изучить инструкции, аграрное законодательство, технические нормы выхода продуктов при переработке, уставы колхозов и экономическое положение в своих районах.

Перед визитом необходимо было заранее договориться с семьей, чтобы при опросе присутствовали все ее взрослые члены. Требовалось обеспечить непрерывное ведение записей во всех хозяйствах-участниках. Если семья, участвовавшая в обследовании, выбывала из колхоза на срок более двух месяцев, то ее заменяли хозяйством, близким по числу душ, характеру выполняемой в колхозе работы, количеству выработанных трудодней и по обеспеченности скотом.

Обследование проходило в нескольких районах каждой из областей-участниц. В каждом районе выбиралось по одному колхозу. В архивах сохранились документы, содержащие подробную характеристику колхозов-участников обследования: количество дворов, число колхозников, поголовье скота, уборочная площадь, площадь садов, общий денежный доход, сумма на выплаты по трудодням, расстояние от правления колхоза до райцентра и до ближайшей железнодорожной станции [ГА РФ, б.д., оп. 14, д. 341, л. 70-75]. В каждом колхозе отбирали 20-25 семей, в которых обследовали бюджеты и ЛПХ. Создавался документ «Характеристика хозяйств колхозников, отобранных для обследования бюджетов» [РГАЭ, б.д., оп. 324, д. 3704], содержащий: ФИО главы семьи, число членов семьи, число работающих по найму, общее количество трудодней на семью за прошлый год, площадь приусадебного участка, площадь под картофелем, овощами и бахчевыми, число скота.

Каждая семья-участница обследования должна была вести «Тетрадь колхозника» [РГАЭ, б.д., оп. 324, д. 1424, л. 1-8]. Этот документ состоял из нескольких таблиц, куда следовало ежедневно заносить информацию о жизни семьи: расход продуктов питания, сдачу скота и птицы по госпоставкам, все доходы и расходы, затраты времени

на работу в колхозе и ЛПХ. От регулярности и точности этих записей во многом зависела достоверность обследования.

Заполнение бланков было чрезвычайно трудоемким занятием. Зачастую сельчане не вели регулярных записей, а ожидали визита специалиста. Например, для определения оборота продуктов требовалось ежедневно заносить сведения о расходе каждого вида продуктов в специальный бланк, содержащий список из 66 пунктов. При этом список продуктов был подробно детализирован. Не просто, например, требовалось указать расход хлеба или мяса. Необходимо было отдельно учитывать потребление хлеба ржаного, пшеничного, сортового и прочего. И аналогичным образом – расход мяса: отдельно говядины, телятины, свинины, баранины и козлятины.

Наряду с обширным списком продуктов питания, скрупулезно отслеживалось приобретение промышленных товаров [РГАЭ, б.д., оп. 324, д. 2657, л. 140]. Например, для обуви надо было указывать отдельно количество пар кожаной, резиновой обуви и валенок. При этом суммы на покупку каждого товара разделялись по источнику покупки: в государственных и кооперативных организациях, в колхозе или у граждан. Громоздкость и сложность первичных бланков автоматически закладывала неточность сведений. Следует учитывать тяжелый ручной труд колхозников и их низкий уровень грамотности. Аккуратное заполнение таких документов часто было им не под силу.

Специалист областного статистического управления, в свою очередь, должен был вести постоянную работу по учету доходов и расходов семей. Для этого служила «Тетрадь инструктора» [РГАЭ, б.д., оп. 324, д. 1424, л. 9-14], куда заносились сведения о составе семьи, местах работы ее членов, питании, о работе в колхозе, количестве начисленных трудов дней, о работе на участке, о выданных из колхоза продуктах и деньгах, о наличии скота в личном хозяйстве.

Сотрудникам групп бюджетов колхозников требовалось постоянно находиться в разъездах по колхозам для сбора информации в семьях, а передвигаться по области в то время было непросто. На основании собранных сведений они формировали многочисленные отчеты. Многие рядовые специалисты не имели достаточного уровня образования, получали маленькую зарплату, не обеспечивались продуктовыми карточками и приусадебными участками. В основной массе они не обладали достаточными организаторскими способностями, чтобы подвигнуть колхозников вести регулярные записи. Часто документы заполнялись задним числом во время редких визитов специалистов, что вело к пропуску части операций. В материалах РГАЭ обнаружались акты проверок обследования бюджетов колхозников в различных областях РСФСР. Например, в акте проверки Тамбовской области за 1946 г. [РГАЭ, б.д., оп. 324, д. 1839, л. 23-31] фиксировались повсеместные недоучеты денежных доходов, урожая на приусадебном участке и затрат времени на работу в ЛПХ. Очевидно, что это происходило из-за того, что сельчане не вели ежедневных записей.

Несмотря на очевидные недостатки при сборе сведений и трудности, возникавшие в ходе обследования, их результаты являются чрезвычайно ценным источником для изучения повседневной жизни семей колхозников. Сведения о доходах и расходах сельских семей, содержащиеся в упомянутых отчетах, на стадии обработки, очевидно, не фальсифицировались для целенаправленного улучшения

картины, поскольку они не предназначались для публикации и хранились под грифом «Секретно». Обследования бюджетов сельских семей служили вспомогательными материалами для планов развития народного хозяйства. Долгое время листы с огромными таблицами хранились в архивах и лишь относительно недавно стали доступны для изучения.

Областные статистические управления ежеквартально составляли аналитические записки об итогах обследования бюджетов семей колхозников. Далее приведен фрагмент из такого отчета по Рязанской области, где сравнивались доходы и расходы по основным показателям на одного человека между жителями передового колхоза и всеми остальными колхозниками за 1 квартал 1952 г. (Таблица 1).

Статьи дохода и расхода	По всем обследуемым хозяйствам, %	По хозяйствам передового колхоза, %
ДОХОДЫ:		
Из колхоза	1,88	3,41
Работа по найму	38,32	17,20
От продажи скота и птицы	10,39	22,35
От продажи продукции с/х	20,19	44,06
Пенсии и пособия	18,96	8,16
Прочие	8,68	3,9
РАСХОДЫ:		
Покупка скота и птицы	7,25	5,47
Покупка с/х продукции	21,62	22,02
Покупка пром. товаров	27,94	15,71
Налоги и сборы	6,28	6,9
Облигации Гос. займа	1,8	0,99

Таблица 1. Основные источники доходов и расходов в 1 кв. 1952 г. [ГА РФ, б.д., оп. 30, д. 2363, л. 2]

Из таблицы видно, что в передовом хозяйстве доля дохода из колхоза практически вдвое превышала аналогичный показатель в рядовых колхозах, а доля дохода от работы по найму была почти вдвое ниже: у колхозников передового хозяйства реже возникала необходимость зарабатывать «на стороне». Доля дохода от пенсий и пособий у колхозников рядовых хозяйств более чем вдвое превышала аналогичный показатель передового колхоза из-за меньшего дохода крестьян в рядовых колхозах.

Областные управления отправляли свои отчеты в Госкомитет по статистике своей республики. В фонде ЦСУ СССР в РГАЭ и в фонде Госкомитета РСФСР по статистике в ГА РФ сохранились сводные отчеты о денежных доходах и расходах сельских семей, об обороте продуктов, наличии скота в личных хозяйствах и трудозатратах в колхозе и приусадебных хозяйствах, отчеты, подтверждающие репрезентативность выборки колхозов для обследования. Несмотря на описанные выше недостатки при сборе

сведений в семьях сельчан, они позволяют анализировать тенденции развития и происходившие изменения в экономических практиках крестьянских хозяйств.

Покажем использование сводных отчетов по Рязанской области для анализа изменений доли доходов от ЛПХ колхозников в первое послевоенное десятилетие. В архивах сохранились отчеты о денежных доходах и расходах семей колхозников Рязанской области за все десятилетие 1945-1955 гг. В мониторинге бюджетов участвовали 505 семей. Анализ изменения доходов и расходов суммы следует рассматривать не в абсолютных величинах, а в процентах от общего дохода. После денежной реформы 1947 г. изменился порядок сумм, причем в разной степени для разных статей. С 1945 по 1950 гг. суммы в отчетах указаны на 100 наличных душ, а с 1951 по 1955 гг. – на 100 хозяйств.

В течение всего послевоенного десятилетия основным источником дохода рязанских колхозников оставалось личное хозяйство. На рисунке 1 показано, как менялась доля дохода, получаемого крестьянами от ЛПХ в течение изучаемого периода.

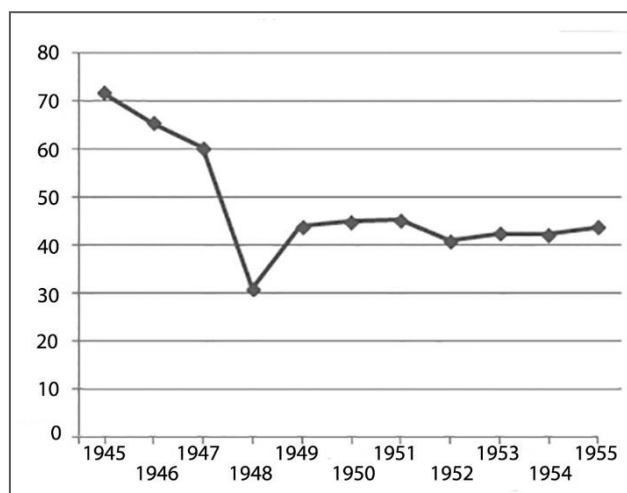

Рисунок 1. Изменение доли дохода от ЛПХ в 1945-1955 гг. Посчитано по источникам: РГАЭ, б.д., ф. 1562, оп. 324, д.1434, 1830, 2228, 2663, 3177, 3714; ГА РФ, б.д., ф. а-374, оп. 14, д. 323, 324; оп. 30, д. 2265, 2341, 3927, 7434, 7495; оп. 22, д. 379.

График на рисунке 1 показывает, что в первое время после окончания войны доля дохода от продукции ЛПХ превышала 70% от общего дохода семьи. Низкие выплаты в колхозах, бремя военного налога, отсутствие мужчин, еще не вернувшихся с фронта – все это вело к зависимости сельчан от своего хозяйства. В 1946-1947 гг. доля дохода от ЛПХ стала снижаться, а в 1948 г. сократилась сразу вдвое, с 60 до 30%. Для объяснения причин такого снижения следует вспомнить произошедшие накануне и в течение 1948 г. события.

После денежной реформы 1947 г. произошло снижение цен на рынках и, соответственно, уменьшились доходы от продаж сельчанами своей продукции. Скорее всего, повлиял июньский Указ 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Хотя Указ не применялся широко, он возымел свое действие. Многие сельчане стали больше работать в общественном хозяйстве и

меньше в личном, что уменьшило доход от ЛПХ. В июле 1948 г. была повышена ставка сельхозналога и отменена часть льгот по его уплате, больше продукции ушло на уплату налога. Согласно отчетам Рязанского областного статистического управления, в 1948 г. расходы сельчан на уплату сельхозналога возросли почти в 4 раза по сравнению с предыдущим годом: с 2,35% дохода в 1947 г. до 9,31% – в 1948. После 1948 г. доля дохода от ЛПХ повысилась, но до середины 1950-х гг. составляла чуть более 40% от общего дохода.

В течение всего изучаемого периода нелегким бременем для каждой колхозной семьи являлись налоги и обязательные платежи. Это сельскохозяйственный и подоходный налоги, налог на холостяков и малосемейных граждан, а в 1945 г. еще и военный налог. К налоговому бремени в ходе исследования были отнесены и затраты на приобретение облигаций Государственного займа. Формально покупка облигаций налогом не являлась, но по факту ее можно отнести к обязательным платежам, поскольку колхозники были вынуждены покупать облигации. На рисунке 2 показано, как менялась налоговая нагрузка на семьи колхозников Рязанской области в изучаемый период.

Рисунок 2. Изменение доли затрат на налоги в 1945-1955 гг. Посчитано по источникам: РГАЭ, б.д., ф. 1562, оп. 324, д.1434, 1830, 2228, 2663, 3177, 3714; ГА РФ, б.д., ф. а-374, оп. 14, д. 323, 324; оп. 30, д. 2265, 2341, 3927, 7434, 7495; оп. 22, д. 379.

В 1939 г. доля денежных налогов составляла 5% от общего дохода колхозной семьи. В 1945 г. из-за военного налога, который еще не отменили, и увеличившихся затрат на облигации Государственного займа общая сумма налогов приблизилась к 15% от дохода. К 1947 г. доля на уплату налогов снизилась почти втрое, но затем начала довольно резко возрастать и к 1951 г. достигла максимального значения за все послевоенное десятилетие – почти 21% от общего дохода. После принятия нового Закона о сельскохозяйственном налоге в 1953 г. общая сумма денежных налогов резко снизилась почти до 10%.

Трудно в рамках небольшой статьи описать ценность такого источника, как материалы обследования бюджетов семей. В этих документах содержатся сведения об источниках доходов, питании и затратах труда крестьянских семей, об их личном подсобном хозяйстве, приобретаемых промышленных товарах и затратах на налоги. Анализируя документы за несколько лет, можно увидеть изменения в достатке

сельских семей, заметить тенденции развития подсобных хозяйств.

Литература

- Божичко В. В. (2019). Послевоенная повседневность колхозников Рязанской области по материалам жалоб во власть (1945–1955 гг.), *Вестник архивиста*, 1, 79–88.
- ГА РФ (б. д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-374. Оп. 14. Д. 341.
- ГА РФ (б. д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 2363.
- Гермашев А. А. (2009). Повседневная жизнь крестьян Нижневолжского края второй половины 20-х гг. XX в. (по материалам бюджетных обследований), *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 3 (27), 218–220.
- Мотревич В. П. (1988). Личное подсобное хозяйство колхозников среднего Урала в 1946-1958 гг. (по материалам бюджетных обследований). *Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни*. Свердловск, 1988, 38-54.
- РГАЭ (б. д.). *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 82.
- РГАЭ (б. д.). *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1424.
- РГАЭ (б. д.). *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1839.
- РГАЭ (б. д.). *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 2657.
- РГАЭ (б. д.). *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3177.
- РГАЭ (б. д.). *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3704.
- РГАЭ (б. д.). *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 911.
- Хасянов О. Р. (2018). *Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма, 1945-1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей*. Москва, РОССПЭН, 2018, 358.
- Чирков М. С. (2022). Динамика потребления продуктов питания советскими крестьянами в 1952-1956 гг. (по материалам архивных источников). *Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия*, 4, 122–130.

References

- Bozhichko V. V. (2019). Poslevoennaya povsednevnost' kolhoznikov Ryazanskoj oblasti po materialam zhalob vo vlast' (1945–1955 gg.) [Postwar everyday life of collective farmers of the Ryazan Oblast on materials of complaints to the government: 1945-1955]. *Herald of an archivist*, 1, 79–88.
- Chirkov M. S. (2022). Dinamika potrebleniya produktov pitaniya sovetскими krest'yanami v 1952–1956 gg. (po materialam arhivnyh istochnikov) [Dynamics of food consumption by Soviet peasants in 1952–1956 (based on archival sources)]. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, 4, 122–130.
- GA RF (n. d.). *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. A-374. Inv. 14. File 341.
- GA RF (n. d.). *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. A-374. Inv. 30. File 2363.
- Germashev A. A. (2009). Povsednevnyaya zhizn' krest'yan Nizhnevolzhskogo kraja vtoroj poloviny 20-h gg. XX v. (po materialam byudzhetnyh obsledovanij) [Daily life of peasants of the lower-Volga region in the second half of the 20th, XX century (by budget researches)]. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, 3(27), 218–220.
- Khasyanov O. R. (2018). Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma, 1945-1953 gg: na materialah Kujbyshevskoj i Ul'yanovskoj oblastej [Daily life of the Soviet peasantry of the period of late Stalinism, 1945-1953: on the materials of Kuibyshev and Ulyanovsk Oblasts]. Moscow, ROSSPEN, 358.
- Motrevich V. P. (1988). Lichnoe podsobnoe hozyajstvo kolhoznikov srednego Urala v 1946-1958 gg. (po materialam byudzhetnyh obsledovanij) [Personal household plots of collective farmers in the Middle Urals in 1946–1958 (based on the materials of budget surveys)]. *Material'noe blagosostoyanie*

truzhenikov ural'skoj sovetskoj derevni [Material well-being of workers of the Ural Soviet village: collection of scientific papers], Sverdlovsk, 38–54.

RGAE (n. d.). *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Inv. 26. File 82.

RGAE (n. d.). *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Inv. 324. File 1424.

RGAE (n. d.). *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Inv. 324. File 1839.

RGAE (n. d.). *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Inv. 324. File 2657.

RGAE (n. d.). *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Inv. 324. File 3177.

RGAE (n. d.). *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Inv. 324. File 3704.

RGAE (n. d.). *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Inv. 329. File 911.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.11.2023.
Принята к публикации 30.11.2023.

Об авторе

Божичко Вера Викторовна – ГБОУ школа 147 Санкт-Петербурга, учитель истории; ORCID: 0009-0006-5075-8698; verabo@yandex.ru.

Bozhichko V. V.

BUDGET SURVEY DOCUMENTS AS SOURCE FOR STUDYING EVERYDAY LIFE OF COLLECTIVE FARMERS IN 1945-1955

Abstract. The article is devoted to the analysis of documents of the Russian State Archive of Economy and the State Archive of the Russian Federation on the survey of collective farmers' budgets as a source for studying the daily life of collective farm workers in the first post-war decade. In the funds of these archives, there are many documents with the results of the survey of collective farmers' families, including information about their income and expenses, food turnover, livestock, and labor costs in personal and collective farm. The article discusses the organization and progress of the survey, difficulties encountered in its process and possible errors in the array of collected information, describes forms for collecting primary information and provides examples of analytical reports and analysis of income changes obtained on the basis of the collected data. The chronological scope of the article is limited to 1945-1955. The introduction of new archival documents into scientific circle and the long time tracking of trends in income and expenses, food consumption, the purchase of industrial goods and the use of rural household contributes to a detailed reconstruction of the daily life of collective farmers.

Keywords: collective-farm peasantry, collective-farm village, budget survey, everyday life

For citation: Bozhichko V. V. Budget survey documents as source for studying everyday life of collective farmers in 1945-1955. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(517), 652-659. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).652-659

Оболонская Э. В., Соловьев М. М., Блинова А. В.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГОРНОГО МУЗЕЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПУШЕЧНОГО ЗАВОДА В МОТОВИЛИХЕ (1863-1900 гг.)

Аннотация. В статье изложена история Пермского пушечного завода, образованного в середине 1860-х гг. в поселке Мотовилиха. Завод был создан для производства стальных нарезных орудий больших калибров для береговой и морской артиллерии. Но чугунные орудия больших калибров там тоже выпускали. Экспонаты Горного музея Санкт-Петербургского горного университета рассматриваются как вещественные свидетельства истории производства артиллерийского вооружения и модернизации Пермского пушечного завода во второй половине XIX в. Это модели орудий и оборудования, среди которых разработки выпускников Горного университета – Н. В. Воронцова и М. Д. Назарова. В работе так же показана роль личностного фактора в развитии оборонной промышленности России.

Ключевые слова: Горный музей Санкт-Петербургского горного университета, Пермский пушечный завод, Мотовилиха, артиллерийские орудия, выпускники Горного института, оборудование завода

Для цитирования: Оболонская Э. В., Соловьев М. М., Блинова А. В. Научно-техническая коллекция горного музея как отражение истории пушечного завода в Мотовилихе (1863 – 1900 гг.) // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 660-670. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).660-670

2023 год является юбилейным для Санкт-Петербургского горного университета (Прим. 1) и его Горного музея, где хранятся вещественные памятники 250-летней истории первого высшего технического учебного заведения России. Музей отражает историю горного образования, и его коллекции служили и служат наглядным пособием для учащихся. О том, что здесь готовили специалистов для горных заводов, выпускающих вооружения, рассказывает научно-техническая коллекция горнозаводской техники, куда входят образцы артиллерии. В коллекции находятся модели орудий и оборудования одного из ведущих предприятий отечественной оборонной промышленности – Пермского пушечного завода (сегодня ПАО «Мотовилихинские заводы»), которому в этом году исполняется 160 лет. Экспонаты завода в Мотовилихе являются вещественными памятниками образцов орудий и технологий их производства на Пермском пушечном заводе во второй половине XIX столетия. Предприятие по-прежнему вносит свой вклад в укрепление обороноспособности России, и сегодня представляется актуальным дополнить его историю вещественными памятниками, хранящимися в Горном музее. Целью данной работы является показать мемориальное значение экспонатов Горного музея. Основная задача работы – представить эти предметы в контексте истории завода и отечественной оборонной промышленности. Другая важная задача – показать роль выпускника Горного института Николая Васильевича Воронцова в развитии производства вооружений в Мотовилихе.

Пермский пушечный завод в историографии порой называют во множественном числе – Пермские пушечные заводы, поскольку первоначально он состоял из двух заводов – сталепушечного и чугунопушечного, которые затем объединили. В истории промышленности Пермские заводы часто именуют Мотовилиховские заводы. Это название перешло к современному предприятию. Свою славную историю пушечный

завод в Мотовилихе начал в качестве горного казенного завода в 1863 г., и главной задачей его было производство стальной нарезной артиллерии.

В дореволюционных источниках подробная информация о Пермском пушечном заводе изложена в ряде публикаций Горного журнала. Первый год строительства и модернизации завода описан подполковником Котляровским, инспектирующим казенные горные заводы в 1864 г. [Котляровский, 1865]. Сведения об этапах технического оснащения и продукции завода со дня его основания и до 1910 г. включительно были опубликованы в «Записках пермского отделения императорского технического общества [Темников, 1911]. О главном изобретении Воронцова, его 50-тонном молоте современниками писалось много. Авторы использовали две публикации: статью с описанием процесса отливки стула под молот [Добонизский, 1873] и статью известного механика И.А. Тиме, где дана научно-техническая оценка изобретению Воронцова [Тиме, 1893].

Наиболее полно история Пермского пушечного завода в период 1863 – 1876 гг. описана в биографическом труде Л.С. Рафиенко, посвященном Н.В. Воронцову из серии «Замечательные люди Прикамья» [Рафиенко, 1989]. Автор ссылается на множество архивных источников, дореволюционных изданий и публикаций советского периода. Но данный труд в основном описывает историю Пермского сталепушечного завода и биографию его создателя. Чугуннопушечный завод описан эпизодически.

Подробная и обоснованная информация о производстве чугунопушечного завода в Мотовилихе была найдена в работе современного исследователя Г.Н. Шумкина [Шумкин, 2017]. Для общего обзора главных достижений завода за все время его существования использовалась книга-альбом, выпущенная по заказу ОАО «Мотовилиховские заводы» [Пермские пушечные, 2011]. И наконец, для представления в данной работе горного инженера М.Д. Назарова, автора разработки орудия, модель которого описывается в работе, бралась информация из современной биографической публикации А.В. Кудрина и М.Л. Гриф [Кудрин, Гриф, 2018].

Основной источниковой базой являются экспонаты и архив Горного музея. Для сравнительного анализа привлекалась коллекция орудий Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) и каталог музея [Вышенков, Маковская, Сидоренко, 1961].

На основании вышеизложенных трудов по истории Пермского пушечного завода и перечисленных источников будет показано культурно-историческое значение экспонатов Горного музея.

Иллюстрацией для данной работы была выбрана фотография 1930-х гг. из фондов Горного музея. Именно в 30-е годы, в период индустриализации, на Мотовилиховском заводе стали выпускаться новые виды артиллерийского вооружения, внесшие значительный вклад в Победу в Великой Отечественной войне [Пермские пушечные, 2011, с. 35-71]. На фотографии представлены три модели артиллерийских орудий, которые были созданы на Пермском пушечном заводе в 1870 – 1900 гг. (рисунок 1). Они занимают центральное место в экспозиции зала Горного музея, и это указывает на их высокое культурно-историческое значение в этот период. На переднем плане находится 9-дюймовая стальная нарезная пушка береговой артиллерии. Далее в

центре - дуствольное 120-мм артиллерийское орудие горного инженера Назарова. На заднем плане - гладкоствольная 20-дюймовая чугунная пушка береговой артиллерии. Нет более ранних фотографий данных моделей, кроме того, на ней они имеют гораздо лучшую сохранность, чем в настоящее время. Представленные орудия отражают различные этапы развития Пермского пушечного завода, но все они предназначались для поражения броненосных кораблей. Проблема обозначилась во время Крымской войны, когда наша артиллерия не смогла противостоять броненосцам противника. Главной задачей завода в Мотовилихе было производство крупнокалиберных нарезных орудий для береговой и морской артиллерии. Но завод изготавливал так же орудия малых и средних калибров.

Рис. 1. Вид VII зала Горного музея с экспозицией моделей артиллерийских орудий XIX в. Фотография 1930-х гг. (из фондов Горного музея Санкт-Петербургского горного университета).

Построил, оборудовал и наладил выпуск артиллерийского вооружения на Пермском пушечном заводе Н.В. Воронцов (1833 – 1893). После окончания Горного института Николай Васильевич работал на Златоустовском чугуноплавильном и железоделательном заводе (1855 – 1863) в должности главного механика. Он был основным помощником Павла Петровича Обухова по строительству первого отечественного сталепушечного предприятия – Князе-Михайловской фабрики, которая входила в структуру Златоустовского завода. Обухов наладил здесь производство литой стали, из которой изготавливали пушки и другие виды вооружений, а также инструменты. Сталь, полученная Обуховым, обладала рядом качеств, благодаря

которым в историографии носит название – обуховская сталь. Из нее сделаны ружейные стволы, инструменты и стрелы с испытаниями, которые хранит в своем собрании Горный музей [Оболонская, 2023].

В 1863 г. Воронцов по распоряжению Артиллерийского комитета, созданного в 1862 г. для развития русской артиллерии (позже Главное артиллерийское управление - ГАУ), был направлен из Златоуста в Мотовилиху, строить новый завод для производства стальных нарезных орудий, поскольку российская армия была вооружена морально устаревшей гладкоствольной артиллерией.

Воронцов предложил строить завод на левом берегу Камы, у впадения в нее реки Мотовилихи на месте старого медеплавильного завода, построенного еще В.Н.Татищевым. Проект Воронцова одобрили и поручили строительство нового сталепушечного завода в короткий период – за год и крайне экономично. Часть цехов разместились в старых зданиях старого завода. В медеплавильной вместо шахтных печей установили 24 сталелитейных горна. 240 горнов на 720 тиглей планировали разместить в корпусах новой сталелитейной фабрики [Котляровский, 1865, с. 498]. С Кушвинского завода поступал магнитный железняк, с Саткинского и Златоустовского – чугун. Часть машин и механизмов было решено делать в России, но все же основное оборудование закупили за границей.

Первая 12-фунтовая пушка была отлита в сентябре 1864 г. «из смеси, составленной капитаном Воронцовым» [РГИА, л. 1 об.]. Она успешно прошла испытания в Санкт-Петербурге. Весной 1865 г. завод получил первый большой заказ от артиллерийского ведомства: на 100 орудий 4-фунтовых и 50 – 12-фунтовых. Но летом и осенью несколько пушек взорвались на испытательном полигоне, и ГАУ прекратило прием пушек с Пермского завода [Рафиенко, с. 59]. Орудия прекратили принимать и с Князе-Михайловской фабрики, и с Обуховского завода. Это свидетельствовало о несовершенстве технологического процесса получения стали. Князе-Михайловская фабрика не смогла преодолеть кризиса и перестала производить пушки в 1866 г., а Пермский и Обуховский заводы смогли наладить производство стальных орудий. Обуховский завод был обязан этим известному металлургу Дмитрию Константиновичу Чернову, который поставил процесс производства на научный фундамент. Он заложил основы металловедения и теорию термической обработки стали. Пермский завод вывел из кризиса Н.В. Воронцов. Им была усовершенствована технология выплавки стали и металлообработки.

В 1869-1972 гг. успешно прошли опыты с 9-дюймовыми нарезными стальными скрепленными кольцами орудиями береговой артиллерии образца 1867 г. Эти орудия были скреплены кольцами по методу Гадолина. Изготовленные таким образом стволы орудий, выдерживали огромные давления пороховых газов. Это дало возможность значительно повысить их мощность и увеличить дальность, не повышая общего веса [Гадолин, 1861]. В 1872 г. в Петербург из Мотовилихи доставили такое орудие, где оно прошло испытание на Волковском полигоне. Эта пушка в 1874 г. с полигона была передана в Артиллерийский музей (ВИМАИВиВС), где ее сегодня можно видеть в экспозиции. Орудие имеет затвор «поршневой системы Пермских заводов» и установлено на «лафете системы С. С. Семенова» [Вышенков, Маковская, Сидоренко, 1961, с. 254, 256]. Выставочная этикетка к орудию гласит, что это 9-дюймовая (229-мм)

береговая пушка образца 1867 г., изготовленная на Пермском сталепушечном заводе в 1871 г. по проекту Н.В. Маиевского, имеет дальность стрельбы 6400 м, скорострельность 1 выстрел в 3 мин., начальная скорость снаряда 408,8 м/с.

На представленной выше фотографии зала Горного музея 1930-х гг. на переднем плане как раз и находится модель описываемой 9-дюймовой береговой пушки на лафете Семенова в масштабе 1 : 8. Модель была изготовлена на Пермском сталепушечном заводе специально для Московской политехнической выставки 1872 г., где широко был представлен артиллерийский отдел. Этот отдел на выставке курировал эксперт в области артиллерии генерал-лейтенант Н.Е. Бранденбург, впоследствии заведующий Артиллерийским музеем [Канинский и др., 2001, с. 12]. Модель стальной 9-дюймовой пушки после завершения выставки была передана в Горный музей вместе с другим экспонатом выставки – моделью «чугунного орудия с лафетом и платформой. 20-дюйм.» [АГМ, д. 89, л. 4]. Это орудие береговой и морской артиллерии Пермского чугунопушечного завода в масштабе 1 : 8. Модель чугунной пушки можно видеть на заднем плане упомянутой фотографии музейного зала 1930-х гг. Она находится на лафете, установленном на платформе, и снабжена краном для подъема ядер. Рядом с пушкой находится комплект ядер. Это модель знаменитой Уральской или Пермской царь-пушки. У нее своя история.

Еще в августе 1864 г. рядом со сталепушечным заводом произвели закладку чугунопушечного. Строительство завода возглавил Г.Л. Грасгоф (с 1871 г. директор Горного департамента). Завода должен был начать выпуск крупнокалиберных гладкоствольных чугунных пушек, поскольку производство стальных нарезных орудий было еще не налажено. Чугунные пушки планировалось отливать по новой технологии Родмана, заимствованной в США [Шумкин, 2017, с. 580-581]. В 1868 г. была изготовлена опытная 20-дюймовая пушка. Она была успешно испытана, произведя 313 выстрелов, но в серию не пошла. В это время добились производства качественных 9-дюймовых стальных нарезных орудий и от гладкоствольных отказались. В настоящее время Пермская царь-пушка принадлежит Музею истории ПАО «Мотовилиховские заводы» и экспонируется около здания музея. Пушка весит 2800 пудов, что на 300 пудов тяжелее московской бронзовой Царь-пушки [Пермские пушечные, 2011, с. 9].

Модели стальной 9-дюймовой пушки и чугунной 20-дюймовой представляли на Политехнической выставке два Мотовилиховских завода – сталепушечный и чугунопушечный. В 1871 г. произошло их слияние в единое предприятие – Пермский пушечный завод. Директором был назначен Н.В. Воронцов. Слияние было произведено «в том предположении, чтобы в случае приготовления чугунных орудий, одетых стальными кольцами, производство это не встретило препятствия» [Шумкин, 2017, с. 583]. Стальных отечественных орудий хорошего качества производилось недостаточно, и по этой причине ГАУ поставило Горному департаменту задачу организовать на Пермских заводах производство чугунных орудий, скрепленных стальными кольцами.

Наиболее известной работой Воронцова стало проектирование и строительство 50-тонного парового молота для проковки крупных стальных пушечных болванок в период с 1869 по 1875 гг. Сам молот не сохранился, но в Горном музее находится его действующая модель в масштабе 1 : 12 (рисунок 2). В настоящее время модель молота

признана памятником науки и техники I категории. Она была изготовлена на Пермском сталепушечном заводе и экспонировалась на Венской всемирной промышленной выставке в 1873 г. За нее Пермский пушечный завод в Вене был награжден «медалью заслуг», а Воронцов за выдающееся изобретение – «медалью сотрудничества» [Рафиенко, 1989, с. 10]. После закрытия выставки модель молота была передана в Горный музей [АГМ, д. 113, л. 47 об., 59].

Рис. 2. Современный вид IX зала «Металлообработки и изделий из металла» Горного музея. На переднем плане действующая модель 50-тонного молота Воронцова.

Воронцову, прежде чем монтировать молот, необходимо было установить стул (шабот), который принимал на себя основную силу удара молота. Современники называли эпохальным событием в горнозаводском деле изготовление самой крупной

в истории литейного дела отливки – 620-тонного чугунного стула Пермского молота [Добонизский, 1873]. В Горном музее находятся две модели шабота парового молота Воронцова. На одной из них есть памятная гравированная надпись: «*Модель чугуна стула для 50 т/мол. отлитого на Пер. пуш. Зав. Янв. 1873 года. Вес 38 000 пудъ*». Вероятнее всего эта модель была изготовлена вскоре после памятной отливки стула под паровой молот.

17 февраля 1875 года строительство 50-тонного молота было завершено. Воронцов сразу приступил (без испытаний) к ковке болванок для 11-дюймовой пушки. Болванка вышла весом в 400 пудов (6,5 т). Ковка продолжалась всего 3 часа. Управление молотом было легко и удобно. Во время ковки, несмотря на страшную силу удара, сотрясения были ничтожны. Это говорило о рациональном устройстве фундамента и стула. По словам профессора Горного института И.А. Тиме: «все сооружение 50-тонного молота, представляет собой шедевр механического искусства». Тиме так же отмечает: «При таком относительно невысоком состоянии механического дела у нас, Н. В. не задумался соорудить домашними средствами 50-тонный молот. В то время в Европе существовал, в виде диковинки, только один 50-ти тонный молот на завод Круппа. Доступ в этот завод иностранцам был строго воспрещен, а потому Н. В. пришлось разработать проект молота вполне самостоятельно во всех деталях. Пермский молот устроен с верхним паром, а следовательно сила удара его в 2,5 раза превосходит силу удара Крупповского молота» [Тиме, 1893, с. 531]. Молот начал работать в 1875 году, был демонтирован в 1923 г. В советское время изображение молота вошло в эмблему г. Перми.

Еще один экспонат Горного музея рассказывает о модернизации Пермского завода. Это модель устройства для получения горючего газа из твердого топлива – генератор для дров Пермского пушечного завода [АГМ, д. 113. л. 62]. Такими генераторами на заводе были оборудованы печи Сименса-Мартена, работающие на горючем газе. Первая такая печь была пущена при Воронцове в 1875 г.

В 1876 г. Николай Васильевич направил письмо министру государственных имуществ П.А. Валуеву с просьбой начать выпуск 16-дюймовых стальных и 14-дюймовых чугунных, скрепленных стальными кольцами, пушек, но получил отказ [Рафиенко, 1989, с. 89]. Во время Первой мировой войны, когда обнаружилось огромное преимущество германской тяжелой артиллерии перед русской, письмо Воронцова Валуеву было найдено в бумагах Горного департамента и в 1916 г. опубликовано в Горном журнале. В комментариях к письму говорилось, что «при более внимательном отношении к предложению Николая Васильевича, вероятно, наша доблестная артиллерия с самого начала нынешней войны имела бы орудия крупных калибров, обладание коими составляло до последнего времени несомненное преимущество германской армии перед нашей и наших союзников» [К истории казенных горных заводов, 1916, с. 263].

В 1876 г. из-за болезни Николай Васильевич попросил Валуева освободить его от должности. Воронцов был переведен в Санкт-Петербург, оставив завод в состоянии металлургического предприятия международного уровня. Он был назначен членом Горного совета и Горного ученого комитета, в 1877-1883 гг. был директором Путиловского сталелитейного завода, с 1885 по 1892 гг. – директором Горного

института.

После отъезда Воронцова Пермский пушечный завод продолжал вносить свой вклад в оборонную промышленность России и создавать новые виды отечественной артиллерии. В Горном музее хранится модель нарезного двуствольного 120-мм артиллерийского орудия, созданного выпускником Горного института Михаилом Давидовичем Назаровым. Модель была изготовлена на Пермском пушечном заводе около 1900 г. В 1930-х гг. это орудие занимало центральное место в экспозиции артиллерии Горного музея. На упомянутой фотографии 1930-х гг. она находится между стальным и чугунным орудиями Пермского завода. Модель орудия Назарова состоит из спаренных стволов, размещенных на вращающейся платформе, обеспечивающей круговой обстрел. Она снабжена защитным устройством - броневым щитом. Орудие Назарова – это экспериментальная разработка, не пошедшая в производство, но сохранившееся в виде модели, которая была передана в Горный музей в 1900 г. самим автором устройства-[АГМ, д. 8, л. 72].

В конце XIX столетия в России и за рубежом учеными велись работы по созданию скорострельных орудий. Военно-морской флот нуждался в таких орудиях, поскольку взамен броненосцев появились более скоростные и маневренные крейсера. Спаренные системы, состоящие из двух и более стволов, рассматривались как один из вариантов повышения скорострельности. Орудие Назарова проектировалось для морской артиллерии. Но в России на вооружение были приняты другие типы скорострельных не многоствольных орудий. Из отечественных наиболее известна скорострельная пушка Барановского, из иностранных – французское скорострельное орудие Канэ. С 1898 г. Пермский завод приступил к изготовлению орудий Канэ с лафетом для крепостной и морской артиллерии [Темников, 1911, с. 17].

Наличие модели орудия Назарова, созданной на Пермском пушечном заводе, говорит о том, что здесь велась работа по созданию отечественного скорострельного оружия. Модель исторически уникальна и требует дополнительного изучения военных механиков. О самом разработчике вышла достаточно подробная публикация в 2018 г. [Кудрин, Гриф, 2018], но ней не упоминается о его орудии. В 1890 г. Михаил Давидович закончил обучение в Горном институте по I разряду и получил звание горного инженера. После окончания учебы он работал на Пермском пушечном заводе, где занимал руководящие должности, в том числе, заведующего орудийной и снарядной фабриками. Он работал при директорстве Н. Г. Славянова (1891-1897) и С. А. Стрельмана (1897-1913). Назаров уволился с завода в 1905 г. и с января того же года стал работать на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге в должности помощника директора. 13 февраля 1906 г. Михаилу Давидовичу, в результате террористического акта на Путиловском заводе, было нанесено смертельное ранение и вскоре он скончался [Кудрин, Гриф, 2018, с. 134]. Находящаяся в Горном музее модель является единственной известной разработкой М. Д. Назарова.

Рассмотренные в статье страницы истории Пермского пушечного завода позволяют обозначить место в этой истории предметов Горного музея.

Модели оборудования рассказывают о модернизации завода. Модель 50-тонного молота в полной комплектации и отдельно шаботы к нему – это памятники уникальной авторской разработки Н.В. Воронцова, не имеющей мировых аналогов.

Его молот позволил проковывать болванки к пушкам самых крупных калибров. Модель газогенератора для дров является вещественным памятником применения на заводе генераторных газов, которые использовали для мартеновских печей. Печи Сименса-Мартена заменили тигельную плавку, поскольку были более производительны.

Модели орудий определяют различные этапы развития артиллерийского вооружения. Модель 20-дюймовой чугунной пушки является вещественным памятником попытки внедрения на заводе производства гладкоствольных орудий самого крупного калибра по новой технологии, для борьбы с броней за счет огромных сферических снарядов. Это был завершающий этап развития гладкоствольной артиллерии. Модель 9-дюймовой пушка свидетельствует о начале успешного производства на заводе крупнокалиберных нарезных орудий и является их вещественным памятником. Модель орудия Назарова, созданная на Пермском заводе, говорит о том, что в конце XIX в. здесь велись работы по созданию отечественного скорострельного двуствольного орудия. Она ценна как вещественный памятник экспериментальной разработки, созданный в единственном экземпляре, который хранится в Горном музее и вводится в научный оборот впервые.

Модели орудий и оборудования, хранящиеся в Горном музее, являются вещественными памятниками инженерных разработок и производственного процесса на Пермском пушечном заводе. Сегодня эти экспонаты имеют большое культурно-историческое значение.

Примечания

1. Основан в 1773 г. как Горное училище, в 1804-1833 гг. именовался Горным кадетским корпусом, в 1833-1834 гг. – Горным институтом, в 1834-1866 гг. – Институтом Корпуса горных инженеров, с 1866 г. – Горным институтом, с 2016 г. – Горным университетом. В дальнейшем будет использоваться название Горный институт как наиболее исторически известное.

Литература

- АГМ. *Архив Горного музея*. Ф. 1. Оп. 2.
- Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. (1961). *Каталог материальной части отечественной артиллерии*. Ленинград: АИМ, 426.
- Гадолин А. В. (1861). *Теория орудий, скрепленных обручами*. Санкт-Петербург., 39.
- Добонизский А. (1873). По поводу отливки стула под паровой молот. *Горный журнал*, 1, 1–2.
- Канинский О. М., Крылов В. М., Маковская Л. К. и др. (2001). *Артиллерийский музей: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи*. Санкт-Петербург, Арт-Палас, 333.
- К истории казенных горных заводов. (1916). *Горный журнал*, 9, 263–269.
- Котляровский И. П. (1865). Путешествие по уральским и в Луганский литейный заводы в 1864 г. *Горный журнал*, 2, 415–522.
- Кудрин А. В., Гриф М. Л. (2018). М. Д. Назаров: страницы биографии горного инженера. *Историк-архивист Леон Кашихин: Штрихи к портрету*. Пермь, Издательский центр «Титул», 127–137.
- Оболонская Э. В. (2023). Страницы истории златоустовской Князе-Михайловской фабрики и образцы ее продукции в собрании Горного музея Санкт-Петербургского горного университета. *Вопросы истории естествознания и техники*, 44-2, 269–287.
- Пермские пушечные* (2011). Пермь, Агенство «Стиль-МГ», ОАО «Мотовилиховские заводы», 132.
- Рафиенко Л. С. (1989). *Горный инженер Н.В. Воронцов*. Пермь, Пермское книжное издательство, 124.
- РГИА. *Российский государственный исторический архив*. Ф. 37. Оп. 10. Д. 179. Л. 1 об.

- Темников И. Т. (1911). Пермский пушечный завод (Мотовилиха) и его технические средства. *Записки пермского отделения императорского русского технического общества*, 3, 14–57. Пермь, Типо-Литогр. Губ. Правления.
- Тиме И. А. (1893). Памяти Н.В. Воронцова. *Горный журнал*, 3, 530–532.
- Шумкин Г. Н. (2017). Производство чугунных орудий на Урале в середине XIX века. *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой международной научно-практической конференции: в 4 частях. Ч. 4.* Санкт-Петербург, ВИМАИВиВС, 574–586. РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 75. Л. 20–21.

References

- AGM. *Arhiv Gornogo muzeja* [Archive of the Mining Museum]. F. 1. Inv. 2.
- Dobonizsky A. (1873). Po povodu otlivki stula pod parovoj molot [About casting an anvil for a steam hammer]. *Gornyi zhurnal*, 1, 1–2.
- Gadolin A. V. (1861). *Teorija orudij, skreplennyh obruchami* [The theory of cannons fastened with hoops]. St. Petersburg, 39.
- Kaninsky O. M., Krylov V. M., Makovskaja L. K., et al. (2001). *Artillerijskij muzej: Voенно-istoricheskij muzej artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svjazi* [Artillery Museum: Military-Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops]. St. Petersburg, Art-Palas, 333.
- K istorii kazennyh gornyh zavodov [To the history of state-owned mining plants]. (1916). *Gornyi zhurnal*, 9, 263–269.
- Kotljarovskij I. P. (1865). Puteshestvie po ural'skim i v Luganskij litejnyj zavody v 1864 g. [A trip to the Ural factories and to the Lugansk Foundry in 1864]. *Gornyi zhurnal*, 2, 415–522.
- Kudrin A. V., Grif M. L. (2018). M. D. Nazarov: stranicy biografii gornogo inzhenera [M.D. Nazarov: pages of the biography of a mining engineer]. *Istoriik-arkhivist Leon Kashihin: Shtrihi k portretu* [Historian-archivist Leon Kashikhin: Touches to the portrait]. Perm, Titul, 127–137.
- Obolonskaya E. V. (2023). Stranicy istorii zlatoustovskoj Knjaze-Mihajlovskoj fabriki i obrazcy ee produkcii v sobranii Gornogo muzeja Sankt-Peterburgskogo gornogo universiteta [Pages from the History of the Zlatoust Prince-Michael Plant and the Samples of Its Products in the Collection of the Mining Museum of St. Petersburg Mining University]. *Studies in the History of Science and Technology*, 44–2, 269–287.
- Permskie pushechnye*. (2011). Perm, Stil'-MG Agenstvo, Motovilikha Plants, 132.
- Rafienko L. S. (1989). *Gornyj inzhener N.V. Voroncov* [Mining Engineer N. V. Vorontsov]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 124.
- RGIA. *Rossiyskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 37. Inv. 10. File 179. L. 1 ob.
- RGIA. *Rossiyskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 40. Inv. 2. File 75. L. 20–21.
- Shumkin G. N. (2017). Proizvodstvo chugunnyh orudij na Urale v seredine XIX veka [Production of cast-iron cannons in the Urals in the middle of the 19th century]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Vos'moj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 4 chastjah* [Production of cast iron tools in the Urals in the middle of the 19th century. War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Eighth International Scientific and Practical Conference: in 4 parts]. Ch. 4. St. Petersburg, Military--Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 574–586.
- Temnikov I. T. (1911). Permskij pushechnyj zavod (Motoviliha) i ego tehicheskie sredstva [Perm Cannon Factory (Motovilikha) and its technical means]. *Zapiski permskogo otdelenija imperatorskogo russkogo tehicheskogo obshhestva* [Notes of the Perm branch of the Imperial Russian Technical Society], 3, 14–57. Perm, Tipo-Litogr. Gub. Pravlenija.
- Time I. A. (1893). Pamjati N.V. Voroncova [In memory of N.V. Vorontsov]. *Gornyi zhurnal*, 3, 530–532.
- Vyshenkov V. P., Makovskaja L. K., Sidorenko E. G. (1961). *Katalog material'noj chasti otechestvennoj artillerii* [Catalog of the material part of the Russian artillery]. Leningrad, AIM, 426.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 27.07.2023.
Принята к публикации 01.11.2023.

Об авторах

Оболонская Эдита Владимировна – хранитель музейных предметов I категории Горного музея Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II ; ORCID: 0009-0005-4029-2145; musmet11@yandex.ru;

Соловьев Михаил Максимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры О5 "Физическое воспитание и спорт" БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова; ORCID: 0009-0009-4001-2018; mikhailsolovlev@mail.ru;

Блинова Алёна Владимировна – старший преподаватель кафедры О5 "Физическое воспитание и спорт" БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова; ORCID: 0009-0008-5384-5361; alenatuman14@yandex.ru

Obolonskaya E. V., Soloviev M. M., Blinova A. V.

SCIENTIFIC AND TECHNICAL COLLECTION OF MINING MUSEUM AS REFLECTION OF MOTOVILIKHA CANNON FACTORY'S HISTORY (1863–1900)

Abstract. The article describes the history of the Perm Cannon Factory founded in the mid-1860s in the village of Motovilikha. The factory was created to produce large-caliber steel rifled cannons for coastal and naval artillery. But cast-iron cannons of large calibers were also produced there. The exhibits of the Mining Museum of the St. Petersburg Mining University are considered as material evidence of the history of the production of artillery weapons and modernization of the Perm Cannon Factory in the second half of the 19th century. These are models of tools and equipment, among which are the developments of graduates of the Mining University — N.V. Vorontsov and M.D. Nazarov. The article also shows the role of the personal factor in the development of the Russian defense industry.

Keywords: Mining Museum of St. Petersburg Mining University, Perm Cannon Factory, Motovilikha, artillery pieces, graduates of St. Petersburg Mining University, factory equipment

For citation: Obolonskaya E. V., Soloviev M. M., Blinova A. V. Scientific and technical collection of mining museum as reflection of Motovilikha Cannon Factory's history. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 660-670. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).660-670

Колпакова Ю. В.

КРЕСТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (?) ИЗ РАСКОПОК 1986 Г. В ПСКОВЕ

Аннотация. Публикация посвящена вопросу атрибуции двустороннего рогового креста из раскопок 1986 года на Запсковье близ церкви Богоявления в Пскове, имеющего аналоги из раскопок на территории Кремля Переяславля Рязанского. Иконография креста отличается от находок с территории Пскова и Псковской земли. Рассматриваются иконографические параллели находки из числа памятников иконописи, церковного шитья, прикладного искусства. Выдвигаются версии атрибуции изображений: на лицевой стороне – Иисусу Христу либо Сергию Радонежскому, на обратной стороне – Сергию Радонежскому либо неизвестному преподобному. Ставятся вопросы о расшифровке букв на кресте (X либо Ѡ, Ъ и Z либо А и Ъ, Ѡ и НИ) и о роли надписей в атрибуции изображений. Высказывается предположение о принадлежности находки кругу паломнических реликвий XV–XVI вв. с территории княжества Рязанского.

Ключевые слова: Псков, христианство, наперсные кресты, предметы личного благочестия, Сергей Радонежский

Для цитирования: Колпакова Ю. В. Крест с изображением преподобного Сергия Радонежского (?) из раскопок 1986 г. в Пскове // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 671-677. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).671-677

Крест из раскопок в г. Пскове, которому посвящена данная публикация, изготовлен из рога и имеет размеры около 37 x 16 мм при толщине ~ от 3 до 4,5 мм. Крест в обобщенной форме четырехконечный. Небольшие симметричные пропилены в верхней и нижней части вертикальной мачты сообщают ему две короткие добавочные горизонтальные перекладины, превращая его, таким образом в восьмиконечный. Эта особенность характерна и для литых нательных крестов XV–XVII вв.

По форме и иконографии эта находка стоит особняком среди других введенных в научный оборот псковских крестов, вырезанных из рога. В 2019 году в массиве псковских находок была выделена и исследована коллекция богато декорированных резных нательных крестов середины – второй половины XVI в. и подражаний им. Основная масса этих индивидуальных изделий связана по происхождению с мастерскими Троице-Сергиевой Лавры и других крупных монастырей России: Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого. Места производства менее искусно выполненных и, вероятно, более дешевых изделий тяготеют к тем же духовно-художественным центрам [Колпакова, 2019].

На основе наблюдений над взаимовлиянием различных художественных традиций был сделан вывод о связях, которые складывались не между городами, а между крупными монастырями России и, в частности Псковской земли: Мирожским, Спасо-Елеазаровским, Иоанно-Предтечинским в Пскове, Спасо-Прилуцким, Троице-Сергиевым, Кирилло-Белозерским, Псковским Ильинским и так далее. Способность монастырских мастеров создавать новые произведения на базе и по мотивам привозных образцов формировала корпус произведений общерусского христианского искусства.

Крест из раскопок 1986 года стилистически выбивался из этой коллекции и, как уже говорилось тогда, место его среди христианских древностей Пскова еще предстояло определить.

В первую очередь его отличали размеры и некоторая грацильность форм, которая не позволяла уверенно отнести его к наперсным крестам и сближала его с меднолитыми тельниками XV–XVI вв. и более позднего времени. Обращала на себя внимание и небрежность изготовления креста, выраженная в асимметрии его внешней формы, малой детализации изображений, разностильности вырезанных надписей.

Рисунок 1: 1 – крест из раскопок 1986 г. в Пскове, рог (П-86-БОГ II, №456; И-383, гл.–168, яма 20, № пол. 13); 2 – крест с ковчежцем из Петровского VI раскопа в г. Пскове, рог (П-08-ПЕТР VI; Ж-17(–334)–221, №пол 8); 3, 4, 5 – костяные крестики-тельники из Кремля Переяславля Рязанского (Завьялов В. И. (2017) Костяные кресты-тельники из Кремля Переяславля Рязанского. Российская археология, 2, 162–167).

Крест был найден на Богоявленском – 2 раскопе, исследования на котором проводил в 1986 году С. В. Белецкий. Несмотря на то, что раскоп получил название от находящейся в данном районе церкви Богоявления, контекст находки нельзя напрямую связать с комплексом, относящемуся к этому храму, с хранимыми в храме реликвиями или вещами клира. Фактически, раскоп находился довольно далеко от памятника, хотя и на территории «Богоявленского сто» на Запсковье, в котором проживали прихожане храма, и, вероятно, его клир. Современным ориентиром для этой территории служит здание бывшего клуба-библиотеки Псковского отделения Всероссийского общества слепых, в квартале между улицами Школьной, Труда и Волкова. Крупный средневековый городской объект, который попал в пятно раскопа и во многом определил и состояние культурного слоя и особенность коллекции – это перекресток двух улиц Запсковья, по предположению автора раскопа, Мощенки и Толокнянки. В целом культурный слой был сильно потревожен поздними перекопами, а затем распашкой под огороды XVIII–XIX вв. Автор раскопа отмечает наличие незатронутого перекопами слоя в южной части раскопа, где удалось обнаружить замощение улицы и множественные находки, соответствующие контексту: конские подковы и обувные подковки и шипы [Белецкий, 1986]. Щебеночное замощение, как

выяснилось позже, относилось к XX веку, однако два яруса деревянных лаг и настилов были обоснованно атрибутированы, как части улицы XV–XVI вв., что подтвердила в своих исследованиях и И. О. Колосова [Колосова, 2002]. «Собранная коллекция керамики и вещевых находок датируется в пределах XII–XVII вв. Наиболее интересная находка в раскопе – заготовка для актовой печати. По типу и массивности она может быть датирована XV в., возможно, – второй половиной столетия» [Белецкий, 1986].

Таким образом, обстоятельства находки и сопутствующие материалы мало что сказали о ее датировке и владельцах.

Однако аналогичные кресты были недавно найдены при раскопках Кремля Переяславля Рязанского В. И. Завьяловым, что дало псковской находке определенный контекст [Завьялов, 2014; Завьялов, 2017]. Также, как и в Пскове, эти кресты отличались от прежде найденных в городе и введенных в научный оборот наперсных резных крестов [Барышев, 2001]. Для аналогий псковскому кресту особо интересны первая находка из Переяславля Рязанского с изображением Сергия Радонежского, которая очень близка по пропорциям и размерам, а также вторая находка, пусть представляющая и лапидарно выполненное изделие, но абсолютно идентичная псковскому кресту по иконографии лицевой и обратной стороны.

В центре условно лицевой стороны крестов из Пскова и Переяславля Рязанского помещен погрудный образ – лик святого с высоким лбом, пышными прямыми волосами, разделенными прямым пробором, и бородой. В. И. Завьялов при публикации находок из Переяславля Рязанского предположил, что это неумело исполненный образ Спаса Нерукотворного, и в отсутствии ясных аннотирующих надписей на кресте эта гипотеза выглядит вполне приемлемой.

Под образом размещены две столпообразные фигуры, атрибутировать которые невозможно. Изображения парных святых в православной традиции многообразны: Петр и Павел, Флор и Лавр, Косьма и Дамиан, Борис и Глеб и так далее. В коллекции псковских наперсных крестов есть крест с образом Входа Господня в Иерусалим также с изображением двух неопределенных святых в нижнем регистре композиции. Единственное, что позволяет выдвинуть более-менее обоснованную гипотезу по атрибуции святых на кресте из раскопок 1986 года – это проведение аналогий с наперсными крестами, содержащими аннотированные погрудные образы трех святых: Сергия, Никона и Николы, а в некоторых вариантах Сергия, Николы и Кирилла Белозерского [Колпакова, 2019, Рис. 1; Пуцко, 1997].

Это заставляет вернуться к вопросу об атрибуции центральной фигуры и высказать гипотезу о том, что в центре креста изображен Сергий, а внизу Никон/Кирилл и Никола. Портретное сходство лика с бородой, пышными власами и характерным «мысыком» под пробором волос на костяном кресте и традиционного изображения Сергия Радонежского в ранней иконографии действительно прослеживается [Маясова, 1998; Нарциссов, 1998]. Впрочем, настаивать на данной версии невозможно в силу отсутствия четких аннотирующих надписей.

На крестике из Переяславля Рязанского фигуры в нижнем регистре композиции были намечены столь условно, в виде разделенного пополам прямоугольника, что при публикации в нем возможно было усмотреть изображение креста на Голгофе с Орудиями Страстей [Завьялов, 2017, Рис. 2]. В иконографии псковского креста эта часть

уверенно определяется как изображения двух святых.

Если учесть памятники поздней иконографии Сергия Радонежского, можно было бы предположить еще одну гипотезу атрибуции фигур в композиции – Сергей, предстоящий перед гробом родителей. Не в пользу этого предположения говорит огромный хронологический разрыв между датой изготовления крестов из Пскова и Переяславля Рязанского и самыми ранними памятниками с подобным сюжетом, который распространяется в прикладном искусстве лишь в XIX в. [Кириянова, 2013; Давыдова, 2013].

Насущным остается вопрос прочтения надписей на лицевой стороне креста. Прежде всего, трудно определить, является ли резьба букв углубленной или обронной, поскольку при прочтения врезных и выпуклых линий получаются разные результаты. В верхней части креста читается врезное «Х» или обронная «птичья лапка», которая может быть распознана, как «омега». В боковых лопастях, предположительно, «ерь» и «земля», либо «большой юс» или даже «фита» и «ерь». Если начало надписи может быть прочитано, как «х» и «ер», т.е. вариант монограммы Христа, то помещение третьей буквы выглядит довольно бессмысленно. И всё же обнаружение монограммы Христа возвращает нас к версии атрибуции центрального изображения лику Спасителя по версии В. И. Завьялова.

Также осторожно предположим, что мы можем иметь дело и с греческой надписью ΦΩΣ ΖΩΗ, «свет жизни», самые ранние примеры которой относятся к VII–VIII вв., а поздние могли тиражироваться на любых территориях хождения византийских образцов [Хайрединова, 2018]. Однако, представляется, что кириллическая версия надписи всё же выглядит убедительнее, даже при всей условности её расшифровки.

На обороте креста размещена композиция, полностью сделанная врезными линиями. В центре можно выделить весьма условное изображение человеческой фигуры в профиль, с длинной бородой, в клобуке, в длинном одеянии. Аналогично изображение на одном из крестов из Переяславля Рязанского [Завьялов, 2017, Рис. 2.2].

По бокам от фигуры – начало надписи НИКА, буквы Н и И (иже). Такая надпись будет унаследована широким кругом кустарных изделий христианского культа не только на территории России, но и в Болгарии и Румынии.

Возвращаясь к атрибуции, обозначенной в заглавии публикации, выразим уверенность, что на обороте креста расположено изображение преподобного, однако преподобный ли это Сергей Радонежский, сказать невозможно. Поиск иконографических аналогов демонстрирует нам идентичные способы изображения Сергия, Никона Радонежских, Кирилла Белозерского, Нила Столбенского, Макария и так далее. Круг несколько сужается за счет относительной ранней датировки креста – XV–XVI вв., но все же он довольно широк.

В контексте рязанских аналогий интересна еще одна находка рогового креста в Пскове (рисунок 1: 2). Предмет происходит из VI Петровского раскопа 2008 г. на территории Окольного города. Крест имеет высоту 40 мм, ширину 20 мм при толщине от 6 в верхней части до 4 мм в нижней части. Он соответствует размерному ряду вышеописанных крестов, имеет крестовидный ковчег-углубление и сохранное ушко, но не содержит резьбы на внешней стороне. Форма незначительно отличается от

формы первой находки, так как крест лишен дополнительных перекрестий на вертикальной лопасти. Представляется, что это тыльная сторона двусоставного креста, каким мог быть крест из кремля Переяславля Рязанского с изображением Сергия Радонежского. Таким образом кресты с углублениями могли представлять собой двусторчатые реликварии, подобные мощевикам и энколпионам, для хранения каких-либо связанных с преподобным священных объектов.

Учитывая цельность пусть и небольшой коллекции из раскопок Переяславля Рязанского, предположим, что центром изготовления подобных крестов была всё же Рязанская земля, а изображение, вероятнее всего, связано с каким-либо из местных монастырей и паломничеством к хранимым в них реликвиям. Это расширяет круг культурных связей местного духовенства и наше представление о сети русских паломнических маршрутов в XV–XVI вв.

Литература

- Барышев И. Б. (2001). Костяные резные крестики–тельники из раскопок Переяславля Рязанского. *Ставрографический сборник*. Москва, Древлехранилище, I, 307–310.
- Белецкий С. В. (1986). Раскоп Богоявленский-2. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 79.
- Давыдова Е. В. (2013). Образ преподобного Сергия Радонежского в произведениях резчиков Сергиева Посада второй половины XIX – начала XX в. *Преподобный Сергий Радонежский и образ Святой Троицы в древнерусском искусстве: Тезисы докладов научной конференции; Музей имени Андрея Рублева, 11-12 декабря 2013 г.* Москва, МАКС Пресс, 6–10.
- Завьялов В. И. (2014). Крест-реликвиарий с изображением Сергия Радонежского из Кремля Переяславля Рязанского. *Рязанский богословский вестник*, 2(10), 88–91.
- Завьялов В. И. (2017). Костяные кресты-тельники из Кремля Переяславля Рязанского. *Российская археология*, 2, 162–167.
- Кириянова С. А. (2013). Преподобный Сергий Радонежский у гробов родителей: история и варианты иконографии. *Преподобный Сергий Радонежский и образ Святой Троицы в древнерусском искусстве: Тезисы докладов научной конференции; Музей имени Андрея Рублева, 11-12 декабря 2013 г.* Москва, МАКС Пресс, 16–19.
- Колосова И. О. (2002). Древние улицы Запсковья. *Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал*, 17, 4–5.
- Колпакова Ю. В. (2019). Наперсные резные кресты в археологических и музейных коллекциях Пскова: к вопросу о культурных связях Пскова в позднем Средневековье. *Археология и история Пскова и Псковской земли*, 34(64), 83–96.
- Маясова Н. А. (1998). Образ преподобного Сергия Радонежского в древнерусском шитье (К вопросу об иконографии). *Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв.* Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 20, 40–53.
- Нарциссов В. В. (1998). Проблемы иконографии преподобного Сергия Радонежского. *Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв.* Санкт-Петербург, 20, 54–62.
- Пуцко В. Г. (1997). Деревянные резные кресты из ризницы Троице-Сергиевой лавры. *II конференция «Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры»*. Серпухов, 121–127.
- Хайрединова Э. А. (2018). Византийские перстни с надписью "φως ζωη" из погребений крымских готов. *Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 5, 88–104.

References

- Baryshev I. B. (2001). Kostyanye reznye krestiki–tel'niki iz raskopok Pereyaslavlya Ryazanskogo.

- Stavrograficheskiy sbornik* [Bone carved crosses-vest from the excavations of Pereyasavl Ryazan. Stavrographic collection]. Moscow, Drevlekhranilishche, I, 307–310.
- Beletskiy S. V. (1986). Raskop Bogoyavlenskoy-2. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Excavation site Bogoyavlenskoy-2. Archeology and history of Pskov and the Pskov land]. Pskov, 79.
- Davydova E. V. (2013). Obraz prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo v proizvedeniyakh rezchikov Sergieva Posada vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. *Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy i obraz Svyatoy Troitsy v drevnerusskom iskusstve: Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii; Muzei imeni Andrey Rubleva, 11-12 dekabrya 2013 g.* [The Image of St. Sergius of Radonezh in the Works of Sergiev Posad Carvers in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. St. Sergius of Radonezh and the image of the Holy Trinity in ancient Russian art: Abstracts of the scientific conference; Andrei Rublev Museum, December 11-12, 2013]. Moscow, MAKS Press, 6–10.
- Khayredinova E. A. (2018). Vizantiyskie perstni s nadpis'yu "ϥως ζωη" iz pogrebeniy krymskikh gotov [Byzantine rings with the inscription "ϥως ζωη" from the burials of the Crimean Goths]. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 5, 88–104.
- Kir'yanova S. A. (2013). Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy u grobov roditeley: istoriya i varianty ikonografii. *Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy i obraz Svyatoy Troitsy v drevnerusskom iskusstve: Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii; Muzei imeni Andrey Rubleva, 11-12 dekabrya 2013 g.* [St. Sergius of Radonezh at the graves of his parents: history and iconography options. St. Sergius of Radonezh and the image of the Holy Trinity in ancient Russian art: Abstracts of the scientific conference; Andrei Rublev Museum, December 11-12, 2013]. Moscow, MAKS Press, 16–19.
- Kolosova I. O. (2002). Drevnie ulitsy Zapskov'ya [Ancient streets of Zapskovye]. *Pskov: nauchno-prakticheskiy, istoriko-kraevedcheskiy zhurnal*. [Pskov: scientific-practical, historical, and local history journal], 17, 4–5.
- Kolpakova Yu. V. (2019). Napersnye reznye kresty v arkheologicheskikh i muzeynykh kollektsiyakh Pskova: k voprosu o kul'turnykh svyazyakh Pskova v pozdnem Srednevekov'e [Pectoral carved crosses in the archaeological and museum collections of Pskov: on the issue of cultural relations of Pskov in the late Middle Ages]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Archeology and history of Pskov and the Pskov land], 34 (64), 83–96.
- Mayasova N. A. (1998). Obraz prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo v drevnerusskom shit'e (K voprosu ob ikonografii) [The image of St. Sergius of Radonezh in ancient Russian sewing. (On the issue of iconography)]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Sergiy Radonezhskiy i khudozhestvennaya kul'tura Moskvy XIV–XV vv.* [Old Russian art. Sergius of Radonezh and the artistic culture of Moscow in the XIV-XV centuries]. St. Petersburg, 20, 40–53.
- Nartsissov V. V. (1998). Problemy ikonografii prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo [Problems of the iconography of St. Sergius of Radonezh]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Sergiy Radonezhskiy i khudozhestvennaya kul'tura Moskvy XIV–XV vv.* [Old Russian art. Sergius of Radonezh and the artistic culture of Moscow in the 14th–15th centuries]. St. Petersburg, 20, 54–62.
- Putsko V. G. (1997). Derevyannye reznye kresty iz rznitsy Troitse-Sergievoy lavry [Wooden carved crosses from the sacristy of the Trinity-Sergius Lavra]. *II konferentsiya «Goroda Podmoskov'ya v istorii rossiyskogo predprinimatel'stva i kul'tury»* [II conference "Cities of the Moscow region in the history of Russian business and culture"]. Serpukhov, 121–127.
- Zav'yalov V. I. (2014). Krest-relikviri s izobrazheniem Sergiya Radonezhskogo iz Kremlya Pereyaslavlya Ryazanskogo [Cross-reliquary depicting Sergius of Radonezh from the Kremlin of Pereyasavl Ryazan]. *Ryazanskiy bogoslovskiy vestnik* [Ryazan Theological Bulletin], 2(10), 88–91.
- Zav'yalov V. I. (2017). Kostyanye kresty-tel'niki iz Kremlya Pereyaslavlya Ryazanskogo [Bone crosses-vests from the Kremlin of Pereyasavl Ryazan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology], 2, 162–167.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 11.08.2023.
Принята к публикации 05.11.2023.

Об авторе

Колпакова Юлия Вячеславовна. Псковский государственный университет (ПсковГУ), исторический факультет, кафедра отечественной и всеобщей истории, кандидат исторических наук, доцент, специальность 07.00.06 «археология», pskov-sova@mail.ru, +79113849242, Россия, Псков, Западная, 9-51. ORCID: 0000-0001-6701-1044

Kolpakova Yu. V.

**CROSS WITH ST. SERGIUS OF RADONEZH IMAGE (?)
FROM EXCAVATIONS OF 1986 IN PSKOV**

Abstract. The article is devoted to the issue of attribution of a double-decorated bone cross from the 1986 excavations in Zapskovye near the Church of the Epiphany in Pskov, which has analogues from excavations on the territory of the Kremlin of Pereslavl-Ryazansky. The iconography of the cross differs from finds from the territory of Pskov and the Pskov land. The iconographic parallels of the find among icon painting, church sewing, and Christian applied art are considered. Versions of the attribution of images are being put forward: on the front side — to Jesus Christ or Sergius of Radonezh, on the back — to Sergius of Radonezh or an unknown reverend. Questions are raised about the decoding of the letters on the cross (X or Ѧ, Ъ and Z or А and Б, Θ and НИ) and about the role of inscriptions in the attribution of images. It is suggested that the find belongs to the circle of pilgrimage relics of the 15th-16th centuries from the territory of the Principality of Ryazan.

Keywords: Pskov, Christianity, pectoral crosses, private devotion objects, St. Sergius of Radonezh

For citation: Kolpakova Yu. V. Cross with St. Sergius of Radonezh image (?) from excavations of 1986 in Pskov. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 671-677. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).671-677

Брагова А. М.

ПОНЯТИЕ «INTELLEGENCIA» В ТРАКТОВКЕ ЦИЦЕРОНА

Аннотация. В статье анализируется использование Цицероном понятия *intellegentia* «знание», «понимание», «разумность», «способность восприятия», «понятие». Оно используется в сочинениях различной направленности (речах, политико-философских трактатах, диалогах об ораторском искусстве) 48 раз: 4 раза в речах, 14 раз в риторических трудах и чаще всего (30 раз) в этико-политических и философских сочинениях. В сохранившихся письмах оно не встречается. На основе определений этого понятия мы делаем вывод о том, что *intellegentia* обозначает стоическую добродетель познания, встречаясь значительно реже, чем его синонимы *sapientia*, *prudentia*, *scientia* и *cognitio*. *Intellegentia* почти всегда используется в единственном числе (45 раз), очень редко – во множественном (3 раза). Понятие имеет при себе определения *adumbrata*, *communis*, *impressa*, *inchoata*, *insignita*, *mediocris*, *popularis*, *praestans*, *prima* и *vulgaris*, что позволяет сделать вывод, что оно обозначает общие или начальные сведения о каком-либо предмете. Дополнения, стоящие при *intellegentia* (*juris* (*civilis*), *in rusticis rebus*, *rescuniae quaerendae* и др.), определяют область знания, выражаемую *intellegentia* (юриспруденция, сельское хозяйство, экономика и др.). Рассматриваемое понятие употребляется в одном контексте с такими словами, как *ratio*, *natura*, *prudentia*, *animus*, *sensus*, *mens*, *justitia*, *jus* и др. Так же, как и *intellegentia*, они связаны с умственной деятельностью человека, его душой, образом жизни, чувствами. Реже понятие сочетается с отрицательно коннотированными словами (*avaritia*, *malitia*, *simulatio*, *vitium*) и отчасти противопоставляется им.

Ключевые слова: Цицерон, Древний Рим, *intellegentia*, знание, понимание, разумность

Для цитирования: Брагова А. М. Понятие «*intellegentia*» в трактовке Цицерона // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 678-684. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).678-684

В статье рассматривается понятие *intellegentia* («знание», «понимание», «разумность», «способность восприятия», «понятие») и его использование Цицероном в сочинениях различной направленности (речах, политико-философских трактатах, диалогах об ораторском искусстве). Целью исследования является анализ понятия в этико-философском и политико-правовом значении. Его случайное употребление Цицероном в другом контексте (например, в *de inv.* 1.56: *Novi vestram intellegentiam* «Я знаю вашу разумность» – перевод М.М. Ледащева и П.А. Дубровой) не соответствует цели исследования и потому не будет рассматриваться в данной статье.

Нет специального исследования, посвященного цицероновской интерпретации *intellegentia*, тем не менее нами найдены упоминания об этом у современных авторов. Интересна мысль М. Грейвера о том, что *intellegentia* является многогранным понятием, что это природный дар, который снабжает нас способностью осознавать и на нем основана справедливость. В доказательство многогранности исследователь сравнивает его употребление в *de legibus* 1.30 и *de finibus* 3.21 и приходит к выводу о разных значениях *intellegentia* в зависимости от контекста. Исследователь обращает внимание на то, что понятие употребляется во множественном числе (*Cic. de leg.* 1.30). Еще один важный вывод М. Грейвера состоит в том, что понятие не обозначает интеллект в современном понимании этого слова [Graver, 2012, p. 116]. В рассуждениях о богах и их характеристике в сочинениях Цицерона П.А. Мейджер упоминает *intellegentia* и *ratio*, которые используются Цицероном, когда необходимо объяснить что-то неясное и смутное [Meijer, 2007, p. 190]. В главе «Латинские неологизмы» своей монографии М. фон Альбрехт рассуждает о том, что такие

неологизмы Цицерона, как *qualitas*, *perceptio*, *probabilitas*, *evidentia*, вошли в историю философии. Что касается *intellegentia*, это слово было засвидетельствовано еще до Цицерона, однако получило распространение в римском обществе именно благодаря ему [Albrecht, 2003, p. 35; Hus, 1964, p. 264-280]. Дж. Холл упоминает *intellegentia* в связи с рассуждениями Цицерона об ораторском искусстве [Hall, 2014, p. 52]. В отечественной библиографии можно назвать статью Ю.Н. Назарова. В ней автор пишет о том, что в сочинениях «О природе вещей» и «Тускуланских диспутах» «Цицерон различает интеллигенцию, которая есть в мире, и интеллигенцию, которая является свойством человеческой души, при этом он отмечает, что те же, которые утверждали, что сам мир одушевлен и разумен, никак не могли представить себе, какую форму может принять природа разумного духа (*animi natura intelligentis*)» [Назаров, 2013, с. 21]. Таким образом, упоминания о цicerоновском понятии *intellegentia* в исследовательской литературе носят несистематический характер, что предполагает необходимость его более детального рассмотрения.

Мы провели частотный анализ употребления понятия *intellegentia*. Оно используется в сочинениях Цицерона 48 раз: 4 раза в речах (*Cic. in Verr. 2.4.46, 98; Phil. 9.10; pro Rosc. Amer. 49*), 14 раз в риторических трудах (*Cic. Br. 102, 178, 229; de inv. 1.91, 2.44, 67, 160; de opt. gen. orat. 12; de orat. 1.12, 249, 3.195; orat. 10, 117, 162*) и 30 раз в этико-политических и философских сочинениях (*Cic. de div. 1.70; de fin. 2.34, 3.21, 4.12; de leg. 1.26, 27, 30, 44, 59; de nat. deor. 1.27, 29, 50 (2 раза), 2.32, 42, 43 (2 раза), 147, 3.38, 64 (2 раза); de off. 1.56, 2.34, 3.17, 68, 72, 81; top. 27; Tusc. disp. 1.51, 5.68*). Интересно, что в сохранившихся письмах Цицерона это понятие вообще не встречается.

Мы нашли несколько определений данного понятия. Цицерон пользуется рассматриваемым понятием как техническим термином для обозначения добродетели познания в стоическом учении о добродетелях. Об этом свидетельствует следующее определение *intellegentia* как части добродетели познания: «Благоразумие (*prudentia*) – это знание (*scientia*) вещей, которые могут быть хорошими, плохими или не быть ни тем, ни другим. Его части – память (*memoria*), познание (*intellegentia*) и предвидение (*providentia*) ... Познание (*intellegentia*) – это то, с помощью чего ум постигает то, что существует» (*Cic. de inv. 2.160* – перевод М.М. Ледащева и П.А. Дубровой). В трактате «Об обязанностях» *intellegentia* используется в дискурсе о справедливости: «Справедливость (*justitia*) в сочетании с пронизательностью (*intellegentiae*) будет иметь для снискания доверия (*fidem*) столько сил, сколько захочет; справедливость (*justitia*) без дальновидности (*prudentia*) будет очень могущественна; без справедливости (*justitia*) бессильна дальновидность (*prudentia*)» (*Cic. de off. 2.34* – перевод В.О. Горенштейна). Надо заметить, что добродетель познания чаще всего обозначается у Цицерона другими терминами: *sapientia* (около 300 примеров употребления), *prudentia* (около 270), *scientia* (около 200), *cognitio* (около 150) [Брагова, 2022, с. 138]. Использование *intellegentia* для этих целей скорее исключение, чем норма для сочинений Цицерона. Еще одно интересное определение, данное *intellegentia* и связанное с учением о добродетелях: «Мудрость (*sapientia*) – это знание (*intellegentia*) о том, как приобрести деньги» (*Cic. de inv. 1.91*).

Рассматриваемое понятие чаще используется в единственном числе (45 раз),

реже – во множественном (3 раза: de leg. 1.26, 30, 59). Множественное число встречается только в одном сочинении Цицерона, и то не всегда (единственное число: de leg. 1. 27, 44).

Intellegentia имеет при себе следующие определения (не считая слов tua, nostra, vestra, sua и других местоимений): adumbrata «смутный» (Cic. de leg. 1.59), communis «обыкновенный», «всеобщий» (Cic. de leg. 1.44; de orat. 1.249), impressa «запечатленный» (Cic. top. 27), inchoata «начальный» (Cic. de leg. 1.27, 30), insignita «заметный», «необыкновенный» (Cic. top. 27), mediocris «общий» (Cic. de inv. 2.44), popularis «народный» (Cic. orat. 117), praestans «превосходный» (Cic. de nat. deor. 2.43), prima «первый» (Cic. de leg. 1.27), vulgaris «общепринятый», «народный» (Cic. de inv. 2.67). Intellegentia может быть для Цицерона «**просто здравым смыслом**»: «Неужели, если кому надо осмотреть имение, или поручить что-нибудь по хозяйственной части управляющему, или отдать приказ старосте, то ему придется изучать сочинение карфагенянина Магона? А не хватит ли нам тут просто здравого смысла (intellegentia)? (Cic. de orat. 1.249: An hac **communi intellegentia** contenti esse possumus? – перевод Ф.А. Петровского). Вместе с тем эта «**обыкновенная способность воспринимать**» имеет большое значение, т.к. «ознакомила нас с предметами и запечатлела их в нашем уме, честное относят к доблести, к порокам – позорное» (Cic. de leg. 1.44: **communis intellegentia** – перевод В.О. Горенштейна). В этом контексте понятие имеет этическое содержание, выступая в роли стоической добродетели познания. В сочинении «О нахождении материала» мы читаем: «... нет необходимости различать, ... что и каким образом следует излагать обвинителю и защитнику ... Нет необходимости, поскольку, когда дело обозримо, что и кому подходит, сами обстоятельства научат того, кто не думает, что в наставлениях найдет все, но сможет соотнести способы с **общим пониманием**» (Cic. de inv. 2.44: **mediocrem intellegentiam** – перевод М.М. Ледащева и П.А. Дубровой). В диалоге «О законах» Цицерон использует intellegentia применительно к природе: «... природа ... даже без наставлений ... , исходя из понятий, виды которых она узнала **по первым и начальным представлениям**, сама, своими силами, укрепляет разум и совершенствует его» (Cic. de leg. 1.27: **ex prima et inchoata intellegentia** – перевод В.О. Горенштейна. Cf. de leg. 1.59: «... в самом начале он своей душой и умом получил обо всем лишь **смутные представления (adumbratas intellegentias)**»). В сочинении «О нахождении материала» Цицерон, рассуждая о праве, замечает: «... естественное право ... не обращается к действующему гражданскому праву и далеко от **общепринятого понимания**» (Cic. de inv. 2.67: **a vulgari intellegentia** – перевод М.М. Ледащева и П.А. Дубровой). Таким образом, сочетаемость intellegentia со словами communis, inchoata, mediocris, prima, vulgaris позволяет предположить, что данное понятие указывает на общие, начальные сведения о каком-либо предмете. Миру людей с их обыкновенными и посредственными представлениями Цицерон противопоставляет **превосходный ум** (praestantem intellegentiam), заключенный в звездах (in sideribus) (Cic. de nat. deor. 2.43). Также цicerоновское понятие intellegentia имеет при себе такие дополнения, как juris (civilis) «(гражданского) права» (Cic. Br. 102, 178; Phil. 9.10), rerum в значении «предметы, существующие по природе и происходящие от природы» (Cic. de fin. 2.34), in rusticis rebus «в сельском хозяйстве» (Cic. pro Rosc. Aver. 49), pecuniae quaerendae «(знание) о

том, что происходит с деньгами» (Cic. de inv. 1.91), imperitorum «непосвященных» (Cic. de orat. 1.12) и др. Иногда само понятие является дополнением при другом слове, например *simulatio intellegentiae* «притворство в проницательности» (Cic. de off. 3.72), *vim et notionem intellegentiae* «сила и сущность разума» (Cic. de nat. deor. 1.27) и др.

Рассматриваемое понятие встречается в одном контексте с такими терминами этико-философского и политико-правового категориального аппарата сочинений Цицерона, имеющими положительную окраску, как *animus* «дух», «душа» (Cic. de div. 1.70; de inv. 2.160; de leg. 1.44, 59; de nat. deor. 2.147, 3.64 – 2 раза; Tusc. disp. 1.51 – 2 раза), *auctoritas* «влияние» (Cic. de off. 2.34), *cognitio* «познание» (Cic. Tusc. disp. 5.68), *comprehensio* «понимание» (Cic. de nat. deor. 2.147), *consilium* «суждение», «рассуждение», «совет» (Cic. de nat. deor. 2.43, 147), *constantia* «стойкость» (Cic. de nat. deor. 2.43), *fides* «доверие» (Cic. de off. 2.34 – 3 раза), *honestum* «нравственно-прекрасное» (Cic. de off. 3.17), *judicium* «суждение» (Brut. 229; orat. 117, 162), *jus* «право», «закон» (Cic. Brut. 102, 178 (*jus civile*); de inv. 2.67 (*jus civile*); Phil. 9.10 – 2 раза), *justitia* «справедливость» (Cic. de off. 2.34 – 5 раз; Phil. 9.10), *lex* «закон» (Cic. de off. 3.68 – 2 раза), *memoria* «память» (Cic. de inv. 2.160), *mens* «ум» (Cic. de leg. 1.26, 30, 59, de nat. deor. 1.27, 49, 2.43, 147), *natura* «природа» (Cic. de fin. 2.34 – 2 раза, 3.21, 4.12; de leg. 1.26, 27, 59; de nat. deor. 1.29, 49, 2.32; de orat. 3.195), *notio* «понятие» (Cic. de fin. 3.21; de nat. deor. 1.27; top. 27), *oratio* «речь» (Cic. de leg. 1.30; de orat. 1.12), *ordo* «порядок» (Cic. de nat. deor. 2.43), *philosophia* «философия» (Cic. de off. 3.68), *philosophus* «философ» (Cic. de off. 3.68 – 2 раза), *providentia* «предвидение» (Cic. de inv. 2.160), *prudentia* «благоразумие» (Cic. de off. 1.156, 2.34 – 4 раза; Brut. 102; de inv. 2.160; de nat. deor. 2.147, 3.38; de off. 2.34; orat. 162), *ratio* «рассудок» (Cic. de div. 1.70; de fin. 4.12; de leg. 1.27; de nat. deor. 2.43 – 2 раза, 147 – 2 раза, 3.38; de off. 3.68 – 2 раза; de orat. 1.12; orat. 10 – 2 раза, 162), *sapientia* «мудрость» (Cic. de off. 1.156; de inv. 1.91; de leg. 1.59), *scientia* «знание» (Cic. de inv. 2.160; de leg. 1.26; de nat. deor. 3.38), *sensus* «чувство» (Cic. de div. 1.70; de leg. 1.26; de nat. deor. 2.32 – 2 раза, 43 – 2 раза; de orat. 1.12; orat. 162), *sententia* «знание», «мнение» (Cic. de nat. deor. 1.29), *studium* «занятие», «усердие» (Cic. de off. 1.156), *temperantia* «умеренность» (Cic. in Verr. 2.4.98), *utilitas* «польза» (Cic. de off. 1.156), *virtus* «добродетель», «доблесть» (Cic. de leg. 1.44; de nat. deor. 3.38), *voluptas* «наслаждение» (Cic. de nat. deor. 1.49; orat. 162).

Таким образом, наиболее часто понятие *intellegentia* встречается в одном контексте со словами *ratio* (13 раз), *natura* (11), *prudentia* (11), *animus* (9), *sensus* (8), *mens* (7), *justitia* (6) и *jus* (5). Слова *ratio* и *mens* связаны с умственной деятельностью, поэтому их сочетаемость с *intellegentia* неудивительна. «... Тот, кто не сознает, что и сам дух (*animus*), и ум (*mens*) человека, его рассудок (*ratio*), благоразумие (*consilium*), его мудрость (*prudentia*) образовались не без божественного попечения, тот сам ... лишен этих качеств ... замечательно, до чего велика в нас способность понимать (*intellegentia*), затем способность связывать следствия с причинами (*comprehensio*), из чего становится ясным, что от чего происходит; это заключение мы делаем рассудком (*ratio*)» (Cic. de nat. deor. 2.147). Способность мыслить дана человеку от природы, вот почему *intellegentia* соседствует с *natura*, и следующая цитата – тому подтверждение: «... человеку ... природа (*natura*) разъяснила ... многие темные и недостаточно <сложившиеся> преставления (*satis <expressas> intellegentias*)» (Cic. de leg. 1.26 –

перевод В.О. Горенштейна). В дискурсе о душе (*animus*) понятия *intellegentia* и *ratio* противопоставлены слову *sensus*. Например, в сочинении «О дивинации» Цицерон пишет: «Та часть человеческой души, которая связана с чувствами (*sensum*) ... неотделима от деятельности тела, но другая часть души, причастная рассудку (*rationis*) и разумению (*intellegentiae*), тем более активна, чем более отделена от тела» (Cic. de div. 1.70 – перевод М.И. Рижского). Наконец, сочетаемость *prudencia*, *justitia* и *intellegentia* обусловлена их принадлежностью к категориальному аппарату стоического учения о добродетелях. Например, в трактате «Об обязанностях» Цицерон так пишет об учителях: «Эти ... люди, преданные изучению науки (*studiis*) и мудрости (*sapientiae*), направляют всю свою проницательность (*intellegentiam*) и дальновидность (*prudenciam*) именно на служение людям» (Cic. de off. 1. 156 – перевод В.О. Горенштейна).

Также обратим внимание на употребление понятия *intellegentia* в паре с другими словами в качестве однородных членов предложения, например, *non solum temperantia, sed etiam intellegentia* (in Verr. 2.4.98); *ratione et intellegentia* (Orat. 10); *ad cognitionem intellegentiamque* (Tusc. disp. 5.68); *sententiam intellegentiamque* (de nat. deor. 1.29); *in sensum et intellegentiam* (de nat. deor. 2.42); *quid ratione, quid intellegentia* (de nat. deor. 3.38); *ratione et intellegentia* (de off. 3.68); *studio et intellegentia* (pro Rosc. Amer. 49) и др.). Использование указанных слов как однородных членов говорит об их синонимичности (например, *ratione et intellegentia*) или принадлежности к одному дискурсу (*non solum temperantia, sed etiam intellegentia*).

Цицероновское понятие *intellegentia* также сочетается с отрицательно коннотированными словами и где-то противопоставлено им, однако таких слов немного: *avaritia* «алчность» (Cic. in Verr. 2.4.46), *malitia* «злоба» (Cic. de off. 3.72), *simulatio* «притворство» (Cic. de off. 3.72), *vitium* «порок» (Cic. de leg. 1.44; de orat. 1.12). В одной из речей Цицерона «Против Верреса» противопоставлен знаток и алчный человек (*ut intellegatis in homine intellegentiam esse non avaritiam*) (Cic. in Verr. 2.4.46). А в трактате «Об обязанностях» Цицерон замечает: «... не найти большей гибели для жизни, чем злостное притворство в проницательности (*in malitia simulatio intellegentiae*)» (Cic. de off. 3.72 – перевод В.О. Горенштейна).

Таким образом, цицероновское понятие *intellegentia* можно перевести как «знание», «понимание», «разумность», «способность восприятия» или «понятие». Оно используется в сочинениях различной направленности (речах, политико-философских трактатах, диалогах об ораторском искусстве) 48 раз: 4 раза в речах, 14 раз в риторических трудах и чаще всего (30 раз) в этико-политических и философских сочинениях. В сохранившихся письмах Цицерона это понятие не встречается. На основе определений, данных Цицероном указанному понятию, можно сделать вывод о том, что оно обозначает стоическую добродетель познания, однако встречается значительно реже, чем синонимы *sapientia*, *prudencia*, *scientia* и *cognitio*. Понятие чаще используется в единственном числе (45 раз), намного реже – во множественном (3 раза). *Intellegentia* имеет при себе такие синтаксические определения, как *adumbrata*, *communis*, *impressa*, *inchoata*, *insignita*, *mediocris*, *popularis*, *praestans*, *prima* и *vulgaris*. Сочетаемость *intellegentia* со словами *communis*, *inchoata*, *mediocris*, *prima* и *vulgaris* позволяет предположить, что данное понятие указывает на общие, начальные

сведения о каком-либо предмете. Также ум может быть превосходным (*intellegentia praestans*), если он, например, заключен в звездах. Указанное понятие имеет при себе дополнения *juris (civilis)*, *rerum* (в значении предметов, существующих по природе и происходящих от природы), *in rusticis rebus*, *pecuniae quaerendae*, по которым можно понять, знание в какой области подразумевает *intellegentia* (в области юриспруденции, сельского хозяйства, экономики и др.). Понятие *intellegentia* чаще всего употребляется в одном контексте с такими словами с положительной семантикой, как *ratio*, *natura*, *prudentia*, *animus*, *sensus*, *mens*, *justitia*, *jus* и др. Так же, как и *intellegentia*, они связаны с умственной деятельностью человека, его душой, образом жизни и чувствами. Понятие редко сочетается с отрицательно коннотированными словами (найденно только 4 слова: *avaritia*, *malitia*, *simulatio*, *vitium*) и отчасти противопоставляется им.

Литература

- Брагова А. М. (2022). Употребление Цицероном понятия *prudentia* для обозначения добродетели познания, *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 2 (41), 138–141. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).138-141
- Назаров Ю. Н. (2013). Понятие «интеллигенция» в античности и средневековье: логико-семантический и историко-философский анализ, *Философия и проблемы гуманитарного знания*, 3, 20–23.
- Albrecht M. von. (2003). *Cicero's Style: A Synopsis. Followed by Selected Analytic Studies*, Brill, Leiden, Boston, 281.
- Graver M. (2012). Cicero and the Perverse: the Origins of Error in *De Legibus* 1 and *Tusculan Disputations* 3. In: *Cicero's Practical Philosophy* (ed. by W. Nicgorski), University of Notre Dame Press, 113–132. DOI: 10.2307/j.ctvpj74jm
- Hall J. (2014). Cicero's Brutus and the Criticism of Oratorical Performance, *The Classical Journal*, 110 (1), 43–59.
- Hus A. (1964). *Intellegentia et Intellegens chez Ciceron*. In: *Homages a Jean Bayet*, ed. par M. Renard et R. Shilling, Latomus, 70, 264–280.
- Meijer P. A. (2007). *Stoic Theology: Proofs for the Existence of the Cosmic God and of the Traditional Gods: including a commentary on Cleanthes' hymn on Zeus*, Eburon, 270.

References

- Albrecht M. von. (2003). *Cicero's Style: A Synopsis. Followed by Selected Analytic Studies*, Brill, Leiden, Boston, 281.
- Bragova A. M. (2022). Upotreblenie Tsitseronom ponyatiya *prudentia* dlya oboznacheniya dobrodeteli poznaniya [Cicero's use of *prudentia* for denoting the virtue of knowledge], *Memoirs of NovSU*, 2 (41), 138–141. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).138-141
- Graver M. (2012). Cicero and the Perverse: the Origins of Error in *De Legibus* 1 and *Tusculan Disputations* 3. In: *Cicero's Practical Philosophy* (ed. by W. Nicgorski), University of Notre Dame Press, 113–132. DOI: 10.2307/j.ctvpj74jm
- Hall J. (2014). Cicero's Brutus and the Criticism of Oratorical Performance, *The Classical Journal*, 110 (1), 43–59.
- Hus A. (1964). *Intellegentia et Intellegens chez Ciceron*. In: *Homages a Jean Bayet*, ed. par M. Renard et R. Shilling, Latomus, 70, 264–280.
- Meijer P. A. (2007). *Stoic Theology: Proofs for the Existence of the Cosmic God and of the Traditional Gods: including a commentary on Cleanthes' hymn on Zeus*, Eburon, 270.
- Nazarov Yu. N. (2013). Ponyatie «intelligentsiya» v antichnosti i srednevekov'e: logiko-semanticheskiy i istoriko-filosofskiy analiz [The concept of "intelligentsia" in Antiquity and in Middle Ages: Logical-semantic and historical-philosophical analysis], *Filosofiya i problemy gumanitarnogo znaniya* [Philosophy and problems of humanities], 3, 20–23.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 02.09.2023.

Принята к публикации 05.11.2023.

Об авторе

Брагова Арина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; ORCID: 0000-0001-7971-568X. Специальность: 07.00.03 «Всеобщая история». Email: arbra@mail.ru

Bragova A. M.

INTELLENTIA CONCEPT IN CICERO'S INTERPRETATION

Abstract. The article analyses Cicero's use of the concept of *intellegentia* which means "knowledge", "understanding", "reason", "ability of perception" or "concept". It is used in various works (speeches, political-philosophical treatises, dialogues on oratory) 48 times: 4 times in speeches, 14 times in rhetorical works and most often (30 times) in ethical-political and philosophical writings. It is not found in surviving letters. Based on the definitions of this concept, we conclude that *intellegentia* denotes the Stoic virtue of knowledge, occurring much less frequently than its synonyms *sapientia*, *prudentia*, *scientia* and *cognitio*. *Intellegentia* is almost always used in the singular form (45 times), very rarely in the plural (3 times). The concept has such attributes as *adumbrata*, *communis*, *impressa*, *inchoata*, *insignita*, *mediocris*, *popularis*, *praestans*, *prima* and *vulgaris*, which allow us to conclude that *intellegentia* denotes general or basic information about any subject. The complements to *intellegentia* (*juris (civilis)*, *in rusticis rebus*, *pecuniae quaerendae*, etc.) define the field of knowledge expressed by *intellegentia* (jurisprudence, agriculture, economics, etc.). The concept is used in the same context with such words as *ratio*, *natura*, *prudentia*, *animus*, *sensus*, *mens*, *justitia*, *jus*, etc. Like *intellegentia*, they are associated with the mental activity of a person, his soul, lifestyle or feelings. Less commonly, the concept is combined with negatively connoted words (*avaritia*, *malitia*, *simulation* or *vitium*) and partly opposed to them.

Keywords: Cicero, Ancient Rome, *intellegentia*, knowledge, understanding, rationality

For citation: Bragova A. M. *Intellegentia* concept in Cicero's interpretation. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 678-684. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51). 678-684

Юрчук Л. А.

КОЛЯДНЫЕ ПЕСНИ В КОНТЕКСТЕ СВЯТОЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО ОБОЗЕРЬЯ И ВЕЛИКОРЕЧЬЯ

Аннотация. В статье на основе анализа материалов фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья в ходе фольклорных экспедиций 1970-х–2010-х гг., представлено место колядных песен в рождественско-новогоднем обходном комплексе и выявлены устойчивые элементы их структуры. Отмечена практика «подоконного» исполнения колядных песен обобщенного типа (адресованных всей семье) в период от кануна Рождества до Крещения смешанными половозрастными группами колядовщиков, нередко ряженных. Анализ структуры колядок показал почти повсеместное отсутствие в их составе благопожелательной и величальной части, что свидетельствует о трансформации жанра, так как приводит к утрате песней ее исходной семантики – заклинания благополучия семьи на предстоящий год. Колядные песни Псково-Печорского Обозерья и Великоречья – это обычно короткие тексты, открывающиеся ритуальным зачином и продолжающиеся просьбой-требованием и угрозой в основной части.

Ключевые слова: колядка, святочный обрядовый комплекс, обрядовый обход дворов

Для цитирования: Юрчук Л. А. Колядные песни в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 685-693. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).685-693

Рождественско-новогодний обходной обряд на Псковщине включал в себя множество обрядовых действий и музыкальных форм, «набор» которых несколько различается в разных этно-культурных зонах Псковской области. На территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья, которая включает Псковский, Печорский, Палкинский, Пыталовский и Островский районы, в комплекс обхода входило пение колядок либо «виноградий», а также исполнение христианских гимнов, которые постепенно вытесняли святочные песни у русских уже в XIX–XX вв. [Чичеров, 1957, с. 163–164]. В рамках настоящей работы нас будут интересовать преимущественно колядки, записанные на данной территории в ходе фольклорных экспедиций Псковского государственного университета в период с 1978 по 2014 гг. Всего в эти годы было записано 34 колядные песни и 49 текстовых фрагментов, состоящих из 1–2 строк. Цель работы – определение места колядных песен в рождественско-новогоднем обходном комплексе Псково-Печорского Обозерья и Великоречья и выявление устойчивых элементов их структуры.

Обряды рождественско-новогоднего комплекса исходно имели магический характер: они должны были запрограммировать будущее в нужном человеку направлении. Такую направленность имели и входившие в их состав святочные песни: связанные с представлением о значении «первого дня», открывающего длительный отрезок календарного времени, они имели «значение заклинательной формулы» [Чичеров, 1957, с. 83]. Этим объясняется особое отношение к колядующим. Даже в послевоенное время, когда, по воспоминаниям информантов, колядовали «бедные», к ним относились не как к скромным просителям, а как к «коллективу людей, совершающих магический обряд, который должен вызвать желаемое в грядущем» [Чичеров, 1957, с. 126].

Наши материалы показывают, что для святочных песен не было обязательного

прикрепления к какому-либо одному дню праздника. Их исполнение было связано с двухнедельным периодом от рождественского Сочельника до Крещения. При этом, в отличие от большинства территорий расселения русских [Чичеров, 1957, с. 121] и часто вопреки содержанию текста («Пришла Коляда накануне Рождества...»), на Псковщине святочные песни обычно исполнялись в Рождество и несколько реже – в рождественский Сочельник; фиксируются единичные упоминания об их исполнении перед Новым годом и перед Крещением. Это соотносится с данными, которые приводят Т. А. Бернштам и В. А. Лапин [Бернштам, Лапин, 1981, с. 11], а изнутри традиции мотивируется тем, что исполнение колядок следует за пением рождественских гимнов: «Мы христосла́вили на Рожаство́. А Коляду́ мы, коне́чно, ня кли́кали. На второ́й день кли́кают Коляду́» (зап. в 1999 г. в д. Горино Палк. р-на, инф. 1930 г.р.).

Встречаются отдельные указания на исполнение святочных песен в дневные и утренние часы, но традиционным временем их звучания был вечер: «Обы́чно с ве́чера начина́лося. Мо́жет, с восьмí часо́в. А по́сле полно́чи у́же не хадíли. Тут как бы их че́рт вадíл, э́тих колядо́вщиков. А тада́, как петушкí-то пропо́ют, у́же никако́й коляды́ бо́льше не бу́дет» (зап. в 2003 г. в д. Козлово Остр. р-на, инф. 1924 г.р.).

Как и другие обрядовые обходные песни, колядки исполнялись группами, ходившими от дома к дому в своей деревне и затем нередко направлявшимися в соседние деревни пешком или на лошадях. Участники обхода вне зависимости от содержания исполнявшихся ими песен (коляд, «виноградий», а иногда и рождественских молитв) повсеместно именовались «колядовщиками» («ко́лидами» (Пыт., Печ.)), а совершавшееся ими действие определялось словом «колядовать» (варианты: «кликать коляду» (Палк., Печ., Пск.), «петь коляду» (Остр., Пск.), «христославить коляду» (Палк., Пск.), «цыганить» (Пыт., Печ.)). Универсальное применение «колядных» терминов по отношению к разным обрядовым ситуациям – одно из проявлений отмеченной нами контаминации элементов славления Христа и колядования в составе рождественско-новогоднего обходного комплекса [Юрчук, 2023]. Оно оказывается в одном ряду с такими явлениями, повсеместно фиксирующимися на данной территории, как ряжение христославо́в, «колядные» финалы тропарей или ношение колядовщиками рождественской «звезды» (в д. Трушки Остр. р-на ее именовали «колядой»).

Святочные песни исполнялись преимущественно смешанными половозрастными группами, в которых возрастной критерий, вопреки утверждению Т. А. Бернштам и В. А. Лапина об их исполнении на Псковщине молодежью [Бернштам, Лапин, 1981, с. 11], не был определяющим. Примерно равное число записей фольклорного архива ПсковГУ отражает практику формирования групп колядующих как из молодежи, так и из детей школьного возраста, нередко в сопровождении взрослых [см. также: Народная..., 2002, с. 238]. Реже колядовали «старухи», «бедные» и семейные. Возможно, постепенное «перемещение» обряда в возрастную группу детей связано с утратой им прежнего аграрного смысла и обретением статуса игры, забавы.

Святочные песни исполнялись обычно перед домом под его окнами либо в доме. Привлекая широкий славянский материал, ученые связывают два типа колядования («подоконное» и в доме) с содержанием песен: тогда как под окном исполнялись

песни обобщенного типа – адресованные всей семье, в доме опедали каждого члена семьи отдельно [Чичеров, 1957, с. 120-121]. Псковский материал дает примеры только обобщенного типа колядования, что в целом типично для русских колядок [Бернштам, Лапин, 1981, с. 28]. Обычай исполнения обходных песен под окнами известен многим славянским регионам и является деталью «архаической, раскрывающей сложные взаимоотношения хозяев дома и «пришельцев», которые воспринимались как «чужие», как сила, могущая не только одарить, но и причинить вред» [Виноградова, 1982, с. 30]. Вариант пения в доме на данной территории тоже встречается.

В течение вечера одну избу могли многократно посещать разные обрядовые группы: «Хаділи не адна́ па́ра, а мо́же, шту́ки дьве-три» (д. Рублево Остр. р-на), «Колядовали по 13 групп» (д. Ступаны Пыт. р-на). Хозяева ждали колядовщиков («А ёсли к каму́ не зайдёшь – обижа́лись» (д. Малиново Остр. р-на)) и заранее готовились к встрече («Вёчером у́жé прила́живали: зярно́ собира́ли, всё собира́ли, кто что мог» (д. Сергино Остр. р-на)). Наряду с этим встречалось и иное отношение к колядующим: «Отец наш никогда́ никого́ не пускал. Всягда́ огонь гасил. <...> Шыта́л – грех» (д. Каменка Печ. р-на), что отчасти может объясняться особенностями их внешнего облика и поведения. Хотя ряжение и не было обязательным обрядовым символом колядования, множество записей содержат информацию о том, что колядовщики рядились («обделывались») в вывернутые мехом наружу тулупы, в одежду противоположного пола, наводили углем усы и брови. «Все ряженные, их не узнать. Они все в сажу перемазавши <...>. Пышные юбки, цветные платки хорошие, красивые, жалетки разрисованные, а в ково лохмотья какие-нибудь одеты» (д. Гораи Остр. р-на), «Ряді́лися. Кто как. Кто во́лком сде́лается, надёвши, хто мядвё́дем» (д. Орлово Остр. р-на). Ряженные колядовщики шумели, пели, танцевали под гармонь, балалайку, разыгрывали сценки и требовали наделения.

В свете представлений о приходе в святочные дни на землю духов предков хозяева стремились радушно принять и щедро угостить участников обхода, в которых видели провозвестников будущего урожая и благополучия семьи: «Считалось, что чем больше дашь, тем счастливей» (зап. в 2000 г. в д. Шелино Пыт. р-на, инф. 1922 г.р.). Традиционно колядовщиков наделяли зерном, изделиями из теста (пирогам, хлебом, булками, пирожками, печеньем), мясом, конфетами, давали мелкие деньги, взрослым и молодежи наливали пиво или вино, а иногда и приглашали за стол. После обхода собранные продукты делили или устраивали общее застолье. В ряду подарков особое значение имели изделия из теста: по словам Л.Н. Виноградовой, «варианты «раздачи» обрядового хлеба в формах одаривания «божьих гостей», «непростых гостей» – колядников» – не что иное, как «способы передачи умершим родственникам (опекунам дома и хозяйства) ритуальной пищи, которую специально для них готовили» [Виноградова, 1982, с. 142].

Центральным событием обрядового обхода и его смысловым центром было исполнение святочной песни. Из двух ее форм (колядка и виноградьё), в равной степени представленных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья, в рамках данной статьи рассмотрим колядку.

Структура колядки детально описана в трудах В. И. Чичерова [Чичеров, 1957], А. Н. Розова [Розов, 1978], Т. А. Бернштам и В. А. Лапина [Бернштам, Лапин, 1981],

Л. Н. Виноградовой [Виноградова, 1982]. В соответствии с традиционной устойчивой схемой общеславянского типа, колядку открывает ритуальная часть, повествующая о действиях и намерениях колядующих, продолжает величание, переходящее в требование подарка, и завершает закликательная часть, включающая в себя благопожелания или «аграрную» угрозу. На исследуемой территории эти элементы структуры колядки разработаны в разной степени.

Развернутый вариант текста начинается с обращения к хозяевам с вопросом, можно ли пропеть коляду – и после получения положительного ответа начинается пение. Зачин колядного сюжета (ритуальная часть) могут открывать как слова «Пришла Коляда накануне Рождества» (часто информанты помнят только их), так и выкрик «Коляда! Коляда!». Последний вариант преобладает в Печорском районе. Он соотносится с указанием местных жителей на способ исполнения песни: «коляду кликают», что, по мнению К. В. Квитки, отражает древние представления о способах воздействия на силы природы [Квитка, 1971]. Выкрик «Коляда! Коляда!» далее в тексте либо переходит в призыв «открывать ворота», который является очень популярной частью вступительных формул восточнославянского материала [Виноградова, 1982, с. 115], либо становится припевом, повторяющимся после каждой новой строки (последнее отмечено в Псковском р-не).

В Островском, Палкинском, Пыталовском р-нах вступительными словами, отражающими реальный ход колядования, зачин ограничивается. Если же он получает развитие, в песне сообщается, что колядовщики искали двор хозяина, перед домом которого остановились:

Коляда, Коляда!
Пришла Коляда накануне Рождества.
Мы сочили Коляду, мы искали Коляду.
Ох, нашли мы Коляду во Петровом дворе.
Колядовщички, мы петровщички.

(зап. в 1980 г. в д. Бобково Печ. р-на, инф. 1910 г.р.)

«У Петрова двора» нашли Коляду в записях колядок 1992 г. в дд. Гора Каменка и Ланёва Гора Пск. р-на, в записи 1980 г. в д. Лебеды Печ. р-на, «в Мару́ськином двару́» – в колядке, записанной в 1991 г. в исполнении хора деревни Кулье Печ. р-на, «во Прасковьем дворе» – в колядке, записанной в 1988 г. в д. Медли Печ. р-на (инф. 1903 г.р.). В приведенных примерах обращает на себя внимание, что при каждом новом исполнении текста колядующими происходит его индивидуализация, что проявляется в именовании хозяина, перед домом которого песня звучит. Данную особенность, отмеченную нами только в записях из Печорского и Псковского р-нов, подтверждают материалы фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории [Песни..., 1989, с. 27].

Примечательно отсутствие в составе записанных на данной территории колядок благопожеланий. Мы обнаружили единственный такой случай: в тексте присутствует универсальный для большинства песенных благопожелательных формул детализированный мотив «приплод скота» как символ изобилия в хозяйстве (не типичный в составе русского колядного репертуара и встречающийся лишь в песнях из областей, близких к Белоруссии [Виноградова, 1982, с. 92]):

Поддай тебе Бог <...>

Полон двор животов, в конюшню конёв,
В избушку ребят, а под печку телят.

(зап. в 1996 г. в д. Подосьё Пск. р-на, инф. 1928 г.р.)

Вариант колядок без благопожеланий известен фольклористам. В.И. Чичеров отмечал, что в этом случае композиция колядки имеет типичную редакцию: а) приход коляды и поиски ее колядующими, б) величание, в) просьба о подаении. По мысли ученого, в отсутствии в тексте колядки прямого пожелания благополучия в доме его заменяет изображение дома и его обитателей в величальной части, как бы утверждающее наличие богатства, обилия, довольства [Чичеров, 1957, с. 126].

Однако наши примеры не содержат также и восхваления двора, дома и его обитателей, если не считать единичных упоминаний «терема», «железного тына» и одного упоминания о том, что после вводной части «хазяйку расхв́аливают, хазяина расхваливают, дёток ихних расхв́аливали» (зап. в 1995 г. в д. Городище Палк. р-на, инф. 1932 г.р.). Выпадение из состава текста величальной части приводит к утрате песней исходной семантики – заклинания благополучия семьи на весь предстоящий календарный период (ср. определение колядки как величальной песни, «целью которой является создание для хозяина той идеальной обстановки, о которой поется в песне» [Потебня, 1887, с. 58]). Одновременно с утратой заклинательного и благопожелательного элемента, составляющего основную сущность обряда колядования, своего значения лишается и требование подаения, активно представленное в псковских колядках, поскольку, как справедливо отмечал В.И. Чичеров, «колядка-величание и колядка-просьба связаны между собой единой целью новогоднего обрядового действия и соответствуют его основным моментам: заклятию благополучия и приобщению к нему заклинающих» [Чичеров, 1957, с. 125-126].

Просьба одарить – один из существенных элементов обряда в русской народной традиции – нашла свое отражение в заключительных формулах псковских колядок. Несмотря на то, что формы требований об одаривании варьировались, вариантов не слишком много. Базовой формулой можно считать следующую:

Наделите Коляду с пёчки пирого́м
Или с засёка ришатом или с карма́на питако́м.

(зап. в 2007 г. в д. Черепягино Остр. р-на, инф. 1925 г.р.)

Другие примеры:

Хошь денег руб, хошь чашку круп,
Хошь пива корец, хошь пару яиц.

(зап. в 1995 г. в д. Лаврово Остр. р-на, инф. 1924 г.р.)

Не сиди́ в переду́, не чеши́ боро́ду,
Открыва́й сундучо́к, достава́й пятачо́к!

(зап. в 1999 г. в д. Линово Пыт. р-на, инф. 1987 г.р.).

Требования съестного, как правило, соединялись со стандартной угрозой – «отзвуком того, что колядующие приходят не скромными просителями-нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд» [Чичеров, 1957, с. 126]: «Не дашь пирога – мы корову за рога» (вариант: «подопрем ворота́»). В д. Ритупе Пыталовского р-на она имеет продолжение: «Овцу за ногу, свинью за ухо, / Пойдем на двор, всех кур перебьем» (зап. 1999 г., инф. 1944 г.р.), в д. Медли Печорского р-на –

«Как не дали кишки, так насрем в горшки» (зап. 1988 г., инф. 1903 г.р.). В д. Загорье Печорского р-на угрожали: «Горшки разобьем, золу по полу разметим» (зап. 1991 г., инф. 1897 г.р.). Угроза причинить вред хозяйству находит обоснование в обрядовом бесчинстве, известном всем славянам: в случае неполучения подаяния или малого его количества колядовщики «чудили»: подпирали дверь, закладывали трубу, «разрывали» поленицу дров и т.д., предопределяя этими действиями несчастья для семьи в предстоящем году.

В целом наблюдения над текстами колядных песен Псково-Печорского Обозерья и Великоречья заставляют согласиться с утверждением местного краеведа Э.Я. Заленского, который в 1912 г. писал о псковской колядке: «Песня коляды повсеместно однообразна» [Заленский, 1912, с. 181]. Наш материал показывает, что в большинстве случаев она состоит из начальной формулы «Пришла Коляда...» либо выкрика «Коляда! Коляда!», требования подарка и угроз в случае его неполучения.

Т. А. Бернштам и В. А. Лапиным была отмечена такая особенность колядных песен, как их способность существовать не только самостоятельно, но и прикрепляться «к «соседним» песням данного обходного обряда – виноградью, таусеню, религиозным гимнам», причем в последнем случае «сохранялись обрядовые действия, имевшие древний магический смысл при колядовании» [Бернштам, Лапин, 1981, с. 12]. Фольклорный архив ПсковГУ содержит более 30 текстов тропарей и кондаков с «колядной» концовкой, записанных на данной территории.

Ражаствó тваё, Хрісти Бóже наш.

<...>

Хазя́юшка с хазя́ином,
Схаді́те в сунду́чок,
Принясі́те пятачо́к
Или зярёнка карячо́к.

(зап. в 1995 г. в д. Загорье Палк. р-на, инф. 1914 г.р.)

Христóс ражда́ется, сла́вите,

<...>

Аткрыва́йти сунду́кí, вынима́йти пятачкí!
Нам на пря́нички, на оре́шки,
А де́тям на патёшки!

(зап. в 1991 г. в д. Кулье Печ. р-на, женский хор (1914–1927 г.р.))

Это уж после, когда Христа уже прославишь, и вот и пели:

Ты, хозяин, не томи,
Поскорее надели:
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,
Или с печи пирогом,
Или с клетки решетом,
Или сена клок,
А то и вилы в бок.

(зап. в 1996 г. в д. Забродье Пск. р-на, инф. 1930 г.р.).

Примеры содержат характерные для колядок требование подарка и угрозы

скупым хозяевам. Подобные же рождественские песнопения записаны в дд. Дворянкино, Зубовщина, Усох Палкинского р-на, в дд. Гавры, Коровск Пыталовского р-на, в дд. Выслово, Вязки, Гверздонь, Ровница, Юхново Псковского р-на, дд. Заходы, Митковицы Печорского р-на.

«Колядные» финалы тропарей, записанных в д. Решеты Островского р-на, д. Выстрелово Палкинского р-на содержат однотипную заклинательную часть, – редкую, как мы видели, в составе колядок:

Дай Бог таму́, кто в э́том домú,
Рожь густúю, рожь ужíнисту.

(зап. в 1995 г. в д. Качаново Палк. р-на, инф. 1932 г.р.).

Разнородность частей текста хорошо осознавалась исполнителями: как правило, пелась только первая часть («божественная песня»), тогда как вторая не имела мелодического оформления и проговаривалась ими, после чего происходило наделение.

Итак, анализ материалов фольклорного архива ПсковГУ показывает, что колядные песни, исполнение которых на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья являлось смысловым центром рождественско-новогоднего обрядового обхода домов, – это обычно короткие тексты, открывающиеся ритуальным зачином и продолжающиеся просьбой-требованием и угрозой в основной части. Отсутствие в них величания и заклинания – свидетельство разрушения обходного обряда и превращения его во второй половине XX века в игру, забаву. Записанные на этой территории виноградья несколько более интересны с точки зрения разработки поэтического сюжета, однако это предмет уже другого исследования.

Литература

- Бернштам Т. А., Лапин В. А. (1981). Виноградье – песня и обряд. *Русский Север: проблемы этнографии и фольклора*: [сборник]. Ленинград, Наука, 3–109.
- Виноградова Л. Н. (1982). *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования*. Москва, Наука, 256.
- Заленский Э. Я. (1912). *Что поет современная деревня Псковского уезда*. Псков, 184.
- Квитка К. В. (1971). Песни украинских зимних обрядовых празднеств. *Квитка К. В. Избранные труды. Т. 1*. Москва, Советский композитор, 103–155.
- Народная традиционная культура Псковской области : обзор экспедиционных материалов : [в 2 томах]* (2002). Санкт-Петербург ; Псков : Изд-во Псковского обл. центра нар. творчества, Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 686.
- Мехнецов А. (сост.). (1989). *Песни Псковской земли*. Вып. 1. Календарь.-обрядовые песни: (По материалам фольклор. экспедиций Ленингр. консерватории). Ленинград, Советский композитор, 295.
- Потебня А. А. (1887). *Объяснения малорусских и сродных народных песен*. Т. 2: Колядки и щедровки. Варшава, Тип. М. Земкевича, 810.
- Розов А. В. (1978). *Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок: Автореферат дисс. ... канд. филол. н*. Ленинград, 15.
- Чичеров В. И. (1957). *Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований)*. Москва, Изд-во АН СССР, 236.
- Юрчук Л. А. (2023). Обходы «со звездой» в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 4(49), 382–386. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).382-386

References

- Bernshtam T. A., Lapin V. A. (1981). Vinograd'e – pesnja i obrjad [Vinogradye - song and ritual]. *Russkij Sever: problemy jetnografii i fol'klora: sbornik* [Russian North: problems of ethnography and folklore: collection]. Leningrad, 3–109.
- Chicherov V. I. (1957). *Zimniy period russkogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI–XIX vekov (Ocherki po istorii narodnykh verovaniy)* [Winter period of the Russian agricultural calendar of the 16th–19th centuries (Essays on the history of folk beliefs)]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 236.
- Kvitka K. V. (1971). Pesni ukrainskih zimnih obrjadovykh prazdnestv [Songs of Ukrainian winter ritual festivals]. Kvitka K. V. *Izbrannye Trudy* [Kvitka K.V. Selected works]. Vol. 1. Moscow, Sovetskiy kompositor, 103–155.
- Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoy oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra* [Folk traditional culture of the Pskov region: Review of materials Review of expedition materials from the scientific funds of the Folklore and Ethnographic Center] (2002). Vol. 1. Pskov, Izdatel'stvo Oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva.
- Mekhnetsov A. (comp.). (1989). *Pesni Pskovskoy zemli* [Songs of the Pskov region]. Vol. 1: Kalendar-obryadovye pesni: (Po materialam fol'klora ekspeditsiy Leningr. konservatorii) [Calendar-ritual songs: (Based on materials from folklore expeditions of the Leningrad Conservatory)]. Leningrad, Sovetskiy kompositor, 295.
- Potebnya A. A. (1887). *Objasnenija malorusskikh i srodnykh narodnykh pesen* [Explanations of Little Russian and related folk songs]. Vol. 2: Koljadki i shhedrovki [Koliadkas and shchedrovki]. Varshava, M. Zemkevich Publishing House, 810.
- Rozov A. V. (1978). *Pesni russkikh zimnih kalendarnykh prazdnikov: Problemy klassifikatsii koljadok* [Songs of Russian winter calendar holidays: Problems of classifying carols]: PhD in Philol. thesis, abstract. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 15.
- Vinogradova L. N. (1982). *Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan. Genezis i tipologiya kolyadovaniya* [Winter calendar poetry of Western and Eastern Slavs. Genesis and typology of caroling]. Moscow, Nauka, 256.
- Yurchuk L. A. (2023). Obhody «so zvezdoj» v kontekste svjatochnoj obrjadnosti Pskovo-Pechorskogo Obozer'ja i Velikorech'ja [Christmas star in the context of Christmas rituals (Pskov-caves region and Velikaya river basin area)]. *Memoirs of NovSU*, 4(49), 382–386. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).382-386
- Zalensky E. Ya. (1912). *Chto poet sovremennaja derevnja Pskovskogo uezda* [What does a modern village in Pskov district sing?]. Pskov, 184.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.02.2023.
Принята к публикации 05.11.2023.

Об авторе

Юрчук Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор факультета русской филологии и иностранных языков ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»; ORCID: 0000-0002-3749-1478; lk2185@rambler.ru

Yurchuk L. A.

KOLIADKAS IN CHRISTMAS RITUALS (PSKOV-PECHORA OBOZERYE AND VELIKORECHYE REGIONS)

Abstract. The article, based on an analysis of materials from the folklore archive of Pskov State University, recorded on the territory of the Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye regions during folklore expeditions of the 1970s–2010s, presents the place of koliadkas in the Christmas and New Year home-to-home walk complex and identifies stable elements of their structures. The practice of “under the window” performance of koliadkas of a general type (addressed to the whole family) in the period from Christmas Eve to Epiphany by mixed gender and age groups of singers, often mummers, has been noted. An analysis of the structure of koliadkas showed an almost universal absence of a benevolent and majestic part in their composition, which indicates a transformation of the genre, as it leads to the loss of the song’s original semantics, that is a spell for the well-being of the family for the coming year. Koliadkas of the Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye regions are usually short texts that open with a ritual beginning and continue with a request, demand and threat in the main part.

Keywords: koliadkas, Christmas ritual complex, ritual, folklore, ritual home-to-home walk

For citation: Yurchuk L. A. Koliadkas in Christmas rituals (Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye regions). *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 685-693. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).685-693

Синь Лумин

ФРЕЙМ «ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. Статья посвящена семантико-когнитивному моделированию фрейма «одинокый человек» на материале результатов проведенного свободного ассоциативного цепочечного эксперимента на стимулы «одинокый» и «одинокая», данных словарей русского языка и иллюстративном материале «Национального корпуса русского языка». В структуре фрейма выделены девять слотов и их терминалы, отнесенные к трем сферам жизни одинокого человека: физиологической сфере, внутренней сфере человека и внешней по отношению к субъекту сфере. В качестве результата исследования представлена схематизированная модель фрейма.

Ключевые слова: фрейм, слот, терминал, ассоциат, контекст, одинокий человек

Для цитирования: Синь Лумин. Фрейм «одинокый человек» в русском языковом сознании: лингвокогнитивный подход // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 694-703. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).694-703

Как утверждает Е. Г. Беляевская, обращение к понятию фрейма в когнитивной лингвистике считается наиболее эффективным приемом изучения принципов организации знаний в языковой системе [Беляевская, 1994]. М. Минский в своей монографии «Фреймы для представления знаний» впервые ввел номинацию «фрейм» в качестве научного термина и определил его как «структуру данных для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1979]. Как одна из важных концепций когнитивной лингвистики теория фреймов позволяет объяснить, как мы организуем и интерпретируем информацию в языке. С. Л. Мишланова и М. А. Хрусталева отмечают двойственную природу фреймов: «с одной стороны, это структурированные определенным образом лексические подсистемы, а с другой – средство организации и инструменты сознания, некоторая внутренняя когнитивная информация» [Мишланова, Хрусталева, 2009].

В данном исследовании фреймовый подход к изучению языкового сознания предполагает структурирование и анализ стереотипных представлений через призму фреймов как разновидности концептов. Данный подход основывается на предположении, что языковое сознание отражает опыт и знания человека о мире, организованные в виде фреймов. Как отмечает А. А. Леонтьев, языковое сознание «в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включён и он сам, и его действия и состояния» [Леонтьев, 1999]. Фрейм рассматривается как статичная организационная структура, хранящая знания о действительности и позволяющая фиксировать и интерпретировать стереотипные представления.

В настоящее время в научных работах представлены различные мнения о структуре фрейма. С учетом того, что в данном исследовании анализ проводится на базе экспериментального и дискурсивного материала, считаем целесообразным принять точку зрения М. Минского и О. В. Гусельниковой и включить в терминологический аппарат работы такие термины, как *слот*, *подслот* и *терминал*. Согласно трактовке М. Минского, «фрейм можно представлять себе в виде сети,

состоящей из узлов и связей между ними» [Минский, 1979], при этом *слот* рассматривается в научной литературе как термин, синонимичный понятию *узел*. В составе слота можно выделить более мелкую единицу – подслот, который понимается как «часть слота, обладающая всеми его признаками (также имеет имя и наполнен определенным содержанием)» [Гусельникова, 2010]. Фактически фрейм состоит из двух уровней: верхние/обязательные слоты, реализуемые четко определенными понятиями, передают типовую, конвенциональную информацию; и нижние/факультативные слоты, заполняемые характерными примерами или данными, передают специфические черты, реализуемые в конкретной ситуации или уточняющую информацию применительно к определенному факту действительности. Эти нижние незаполненные/незаданные слоты называются *терминалы* [СРЯ, с. 593].

Под влиянием социальных изменений последних десятилетий, таких как увеличение доли стареющего населения, уменьшение эмоционально близких межличностных контактов, акцентирование индивидуализма, одиночество как одно из универсальных эмоциональных и экзистенциальных состояний выделяется в качестве важного фрагмента картины мира современного человека, занимает особое место, в частности, и в русском языковом сознании. В связи с этим актуальным является проведение когнитивного анализа русского стереотипного представления об одином человеке.

Цель исследования состоит в семантико-когнитивном моделировании типичного представления об одином человеке в русском языковом сознании. Стереотипное представление может быть описано посредством фрейма в качестве открытой, многокомпонентной, иерархически организованной системы через ограниченный набор универсальных категорий.

Материалом исследования являются словарные дефиниции в лексикографических источниках – толковых словарях русского языка, полученные в ходе проведенного нами свободного цепочечного ассоциативного эксперимента ассоциаты и иллюстративные контексты, представленные на сайте «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ).

Методика анализа включала следующие этапы: 1) анализ данных толковых словарей русского языка; 2) проведение свободного ассоциативного цепочечного эксперимента на стимулы-прилагательные «одинокый», «одинокая» и анализ полученных результатов; 3) анализ иллюстративных контекстов употребления лексем «одинокый» и «одинокая», представленных на сайте НКРЯ, с целью верификации проведенного когнитивно-ассоциативного исследования.

Анализ данных лексикографических источников

В современных толковых словарях русского языка приводятся три значения прилагательного *одинокый*: 1) 'находящийся, пребывающий где-либо один, без других, отдельно от других'; 2) 'не имеющий семьи, родственников, оставшийся без близких; живущий отдельно, вне семьи'; 3) 'совершаемый без других; происходящий, протекающий в одиночестве' [Ожегов, 2006; МАС, 1986; БАС, 2009; БТС, 2000; ТСРЯ, 1938].

Путем анализа словарных дефиниций можно выделить два обязательных слота фрейма «одинокый человек». Слот 1: «субъект» – лицо, испытывающее эмоцию одиночества и пребывающее в данном состоянии. Слот 2: «каузация» – предпосылка,

приводящая к нахождению субъекта в состоянии одиночества.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента и данные иллюстративных контекстов

В проведенном свободном ассоциативном цепочечном эксперименте приняли участие 115 респондентов-носителей русского языка, которым было предложено назвать слова, словосочетания, пословицы/поговорки, устойчивые выражения, строчки из песен и/или стихов, названия персонажей и/или названий художественных произведений, кинофильмов и т.п., которые, по их мнению, ассоциируются со словами «одинокый» и «одинокая», и приходят им в голову в первую очередь. Количество реакций не ограничивалось, на выполнение задания отводилось 10 минут. В результате было получено всего 636 реакций, из них 372 реакции на стимул «одинокый» и 264 реакции на стимул «одинокая». К анализу было привлечено 405 ответов с повторяемостью от трех и более раз у разных респондентов. Выявленные по данным ассоциативного эксперимента слоты, подслоты и терминалы были верифицированы с помощью иллюстративных контекстов НКРЯ.

Картотека иллюстративных контекстов, отобранная нами на основе материала НКРЯ, включает в общей сложности 110 единиц. С учетом ограниченного объема статьи показаны наиболее типичные 30 примеров.

Важно отметить, что слоты, составляющие моделируемую нами структуру фрейма, делятся на две категории: 1) слоты, совпадающие со слотами, выделенными выше на основе проанализированных лексических определений; 2) дополнительные слоты, полученные при анализе материала ассоциативного эксперимента. Далее рассмотрим выделенные на основании приведенных респондентами ассоциатов слоты и терминалы и приведем иллюстративные контексты для подтверждения их валидности и обоснованности.

Анализ компонентов структуры исследуемого фрейма

1) Слоты, совпадающие со слотами, выделенными на основе анализа словарных дефиниций

Слот 1. Субъект. Этот слот формируется ассоциатами (всего 194 единицы), называющими лиц и совокупности лиц, наиболее частотными являются ассоциаты *человек, люди, личность* и др.

Слот 2. Каузация. Ассоциаты: *без никого, без поддержки, сам по себе, нет связей, не нашедший понимания* и др. Данный слот может быть подтвержден следующими примерами: (1) *И тут вдруг представился мне Макарьев **одиноким** ребенком, брошенный всеми, без друзей, подруг, и я подумал, что хорошо бы ему найти хоть муху, чтобы перезимовать* (М. Б. Бару. Замок с музыкой, «Волга», 2013); (2) *Нам **не дано понять глубинность** друг друга. Поэтому мы **одиноким**». Но тем не менее, «человеку нужен воздух, рыбе — вода, а дереву — свет* (Эльвира Каримова. Другое небо Шага, «Бельские просторы», 2013). В приведенных ситуациях контекстуальные уточнители *брошенный всеми, без друзей и не понять глубинность* показывают причины, в силу которых люди одиноки.

Далее, основываясь на результатах ассоциативного эксперимента, выделим другие слоты фрейма «одинокый человек», не выводимые из словарных дефиниций.

2) Дополнительные слоты, не выделяемые на базе словарных дефиниций

Слот 3. Общие физиологические характеристики человека. По данным ассоциатов, в этом слоте можно выделить три подслота.

Подслот 3.1. Гендерная характеристика. Ассоциаты: *женщина* и *мужчина*. Согласно нашему предыдущему исследованию [Синь Лумин, 2022], в русском языковом сознании не наблюдается значительных гендерных различий в представлении об одиноком человеке, поэтому подтверждающие контексты НКРЯ об одиноких лицах разного пола здесь приводить не будем.

Подслот 3.2. Возраст. Данный слот формируют такие ассоциаты, как *старик*, *старушка*, *бабушка*, *девушка*, *парень*, *ребёнок*, *девочка*, *мальчик* и др., что показывает, что одиноким человек может быть в любом возрасте. Условно выделяются 4 возрастных периода: детство, молодость, зрелость и старость. Соответственно, можно выделить 4 терминала. Рассмотрим подтверждающие контексты в корпусе: (3) *И с каждым годом **одиноких детей** в России становится все больше и больше* (Елена Костюк. Детских домов не останется. Когда-нибудь, «Время МН», 2003); (4) *Пустая церковь, **одинокий парень** в спортивном костюме стоит на коленях и истово молится* (Л. З. Копелев. Дневник (1982)); (5) *В комнатку ее, за кухней, вселили **дамочку одинокую**, лет уж под пятьдесят ей тогда было, не меньше* (Валерия Иванова. Лыдинки // «Сибирские огни», 2012); (6) ***Старичок одинокий**, Женька нашел его, когда отдыхал в Анапе* (О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)).

Слот 4. Поведение и образ жизни одинокого человека. Ассоциаты: *поиск*, *расставание*, *выбор*, *чтение*, *развлечения*, *вязание* и др. В зависимости от каузации можно выделить два терминала: поведение «желаемое» и «вынужденное», которые находят подтверждение в следующих контекстах: (7) *Я опять одна, опять сама, **одинока**, спокойна, **сильна работой*** (О. Н. Ковалёва. Дневник (1984)); (8) ***Одинокие** много **читают**, но мало говорят и мало слышат, жизнь для них таинственна* (А. П. Чехов. Случай из практики (1898)).

Слот 5. Социальные характеристики. Слот может быть разделен на три подслота.

Подслот 5.1. Идентификация по роду занятий. Некоторые виды деятельности подразумевают, что человек занимается ими в одиночку. Ассоциаты: *путник*, *воин*, *пастух*, *ковбой*, *отшельник*, *поэт*, *моряк*, *охотник*, *следопыт*, и др. Рассмотрим примеры: (9) ***Одинокий пастух** наигрывает приятную мелодию на инструменте своих предков* (Наталья Голованова. Под музыку сиреневых лун (2015)); (10) *Он был **одиноким охотником**, живший там, где пожелает остановиться его душа* (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы, Урал, 2013).

Подслот 5.2. Идентификация по семейным связям. Ассоциаты: *холостяк*, *вдова*, *мать-одиночка*, *незамужняя*, *дева*, *бобыль*, *вдовец*, *разведенка*, *сирота* и др. Приведем подтверждающие примеры из НКРЯ: (11) *И нет никакого уродства в судьбе **одиноким женщины, разведенной** — в моей судьбе* (А. Н. Бузулукский. Учительницы (2015) // «Волга», 2016); (12) ***Одиноким, холостой** мужчина, я как-то не особо склонен к занятию кулинарией* (Андрей Клепаков. Опекун, «Волга», 2016).

Подслот 5.3. Социальный статус или роль — положение человека в обществе и связанная с ним модель поведения человека. Ассоциаты: *бродяга*, *волк-одиночка*, *кошатница*, *беглец*, *герой*, *индивидуалист*, *интригующий*, *карьеристка*, *страдалица*, *феминистка*, *эгоист*, *пенсионерка* и др. Приведем типичные примеры

из НКРЯ: (13) Мы **одинокие беглецы**, возвращающиеся на родину, и хотим просить помощи у твоего племени... (И. А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945-1946)); (14) Это за годами **одинокая** пенсионерка черта с два уследит — так и несутся, так и мелькают, — а день ее тянется как резиновый (Андрей Волос. Из жизни одноглавого // «Октябрь», 2013).

Слот 6. Личные свойства — устойчивые индивидуальные особенности, сформировавшиеся в течение жизни конкретного человека, которые позволяют характеризовать его с социально-психологической точки зрения. С опорой на классификацию составляющих в структуре личности А. Г. Маклакова [Маклаков, 2021] в нашем материале можно выделить два подслота: «характер» и «темперамент».

Подслот 6.1. Характер. Обоснование существования этого подслота можно найти в следующем примере: (15) Если мужчина **одинок**, то только потому, что он сам так хочет **в силу особенностей характера** и менталитета (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)). Ассоциаты, формирующие данный подслот в нашем материале: *гордость, независимость, скромность, стеснительность, самостоятельность, закрытость, скрытность, холодный, сильный, вредность, жадность, простота* и др. Рассмотрим примеры: (16) И он жил **одиноким и гордым**, знающий, что пусть нескоро, а слава к нему придет, и творил пейзажи и стихи [С. М. Голицын. Записки уцелевшего (1980-1989)]; (17) Есть люди, которым это состояние присуще как постоянное свойство — сильные **одинокие** души, последней своей глубиной всегда **закрытые** и самодостаточные (Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)).

Подслот 6.2. Темперамент. Данный слот формируют такие ассоциаты, как *спокойствие, замкнутость, нелюдимость, тихий, уравновешенность, терпеливость, стойкость, настойчивость*. Рассмотрим подтверждающие корпусные примеры: (18) Конечно, он оставался поэтом **одиноким, меланхоличным, острым, ироническим и замкнутым в себе** — одним словом — **декадентом** (Г. И. Чулков. Годы странствий (1930)); (19) Женщина была **одинока**, но чрезвычайно **терпелива** к своему одиночеству (Виктория Беломлинская. «...Где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень?» // «Звезда», 2003).

Слот 7. Эмоционально-оценочные характеристики. Внутри данного слота выделяются два подслота:

Подслот 7.1. Эмоциональное самовосприятие субъекта, находящегося в состоянии одиночества. Данный подслот формируется на базе таких ассоциатов, как: *свобода, несчастье, саморазвитие, невезучий, тяжело* и др. Рассмотрим примеры: (20) «Я вполне **гармонично ощущаю** себя в статусе **одинокого** человека и не понимаю людей, которые всеми силами пытаются его изменить (Кенан Малик, Люся Ширшова. «Я — синглтон». Почему людям для счастья больше не нужны отношения (03.2019)); (21) И за час до выхода в генеральную репетицию я остро почувствовал себя **одиноким, несчастным, никому на свете не нужным** и т. д. (Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)). На основании приведенных ассоциатов и иллюстративных примеров можно выделить 2 терминала из этого подслота: самовосприятие «позитивное» и «негативное».

Подслот 7.2. Оценка одинокого субъекта другими людьми. Ассоциаты: *грустный,*

печальная, беспомощный, забытая, лишняя, обеспеченный, проклятый, самодовольный, страдающая, трогательная, умная, странная, успешный и др. В соответствии с эмоционально-оценочной окраской можно выделить два терминала: оценка «положительная» и «отрицательная». Рассмотрим следующие два иллюстративных примера: (22) *Сейчас **одинокие** — это **успешные, счастливые** люди, а не слабые или неудачники* (Светлана Алексиевич. *Время second-hand, «Дружба народов»*, 2013); (23) *Он «**одинок и грустен**». Ушедшая первая любовь заставила его **тяжко** страдать* (Виктор Вайнерман. «Я — золотистый рыцарь, жизнь посвятивший мечте», «Менестрель», 2013).

Слот 8: Жизненные обстоятельства – сложившаяся ситуация в жизни одинокого человека. Можно выделить два подслота: «локация» и «временной период».

Подслот 8.1. Локация – пространственное нахождение одинокого человека. Ассоциаты, обозначающие пространственные объекты, местоположение, обстоятельства, влекущие за собой нахождение в замкнутом пространстве: *дом, планета, в небе, в поле, в мире, на севере, на горной вершине, на карантине, в самоизоляции* и др. Рассмотрим два контекста: (24) *В снег храм был сказочным прибежищем **одинокого** путника **в горах*** (Г. М. Артемьева. *Фата на дереве* (2012)). В данной ситуации акцентируется маленький и одинокий образ путника среди гор. (25) *Часто он оказывается **одиноким**, так как создает **ситуацию самоизоляции*** (Ирина Соловьева, Валентина Москаленко. *Роли, которые нас выбирают* // «Психология на каждый день», 2011).

Подслот 8.2. Временной период. Ассоциаты, заполняющие данный подслот, являются номинациями периодов жизни человека, наименованиями частей суток, абстрактными наименованиями, метафорическими единицами обозначения времени: *старость, вечер, месяц, вечность, смерть, осень* и др. Приведем два иллюстративных контекста: (26) *65 % жителей Москвы и Санкт-Петербурга уверены, что не стали бы сохранять фактически распавшийся брак из-за боязни **одинокой старости*** (Кенан Малик, Люся Ширшова. «Я — синглтон». Почему людям для счастья больше не нужны отношения (03.2019)); (27) *Вознесенский объяснит это так: «Он был **одинок в те годы**, отвержен, изнемог от травли, ему хотелось искренности, чистоты отношений, хотелось вырваться из круга — и все же не только это* (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)).

Слот 9. Окружающий мир – реальная действительность вокруг одинокого человека. Данный слот формируют такие ассоциаты: *корабль, трамвай, маяк, луна, звезда, луч солнца, капля дождя, снег, туман, темнота* и др. Внутри можно выделить два терминала: «материальный мир» и «природа». Рассмотрим подтверждающие примеры: (28) *Путь казался мучительно долгим и даже на несколько мгновений было что-то вроде забытья: представлялось, что она, **одинокая**, идет по горячей **пустыне**; **солнце** немилосердно жжет кожу, и сухой **ветер** осыпает колючим светящимся **песком** тело и глаза* (А. М. Федоров. *Его глаза* (1913)); (29) *Сарай **на берегу реки, бесконечный луг, сумерки**, и в нахлынувшем на мир **тумане** различимы две **одинокие** человеческие фигуры, в молчании сидящие на маленьком мостике* (Антон Пайкес. *Кансер* // «Волга», 2014).

Нетрудно заметить, что два терминала данного слота тесно связаны между собой,

и часто взаимодействуют в одной и той же ситуации и переплетаются друг с другом. Следует указать, что данный слот и предыдущий слот №8 (включая два его терминала) также могут сосуществовать в одном контексте, см. следующий пример: (30) **Одинокий** *остатки **ночи** провел у **окна**, глядя в **темную глубину двора**, где подобно его отражению стоял **тополь** с недоуменно вздёрнутыми **ветвями*** (Борис Телков. Одинокий // «Менестрель», 2013). В этой ситуации содержится локация одинокого человека (в помещении), временной период (ночью), объекты в пространстве (окно, двор), и природное окружение (темнота, тополь с вздернутыми ветвями).

Таким образом, в результате проведенного лингвокогнитивного анализа фрейма «одинокий человек» было выделено 9 слотов (и 11 подслотов), 5 из которых имеют в своей структуре терминалы. Количественное распределение ассоциатов и контекстов по выделяемым слотам показано в таблице.

Таблица. Количество формирующих каждый выделенный слот ассоциатов и подтверждающих контекстов

База данных	№ слота	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Общее
Ассоциатов	Количество	22	9	76	13	105	40	57	45	38	405
	Процентное соотношение (%)	5,4	2,3	18,8	3,2	25,9	9,8	14,1	11,1	9,4	100
Контекстов	Количество	–	13	4	11	15	22	24	15	6	110
	Процентное соотношение (%)	–	11,8	3,6	10,0	13,6	20,0	21,8	13,6	5,6	100

Примечание: В таблицу не включена контекстная количественная информация о слоте 1 в связи с тем, что в структуре фрейма он по умолчанию является обязательным и неотъемлемым в каждом контексте.

Наглядно предлагаемая нами структура фрейма «одинокий человек» может быть представлена в виде схемы (схема 1).

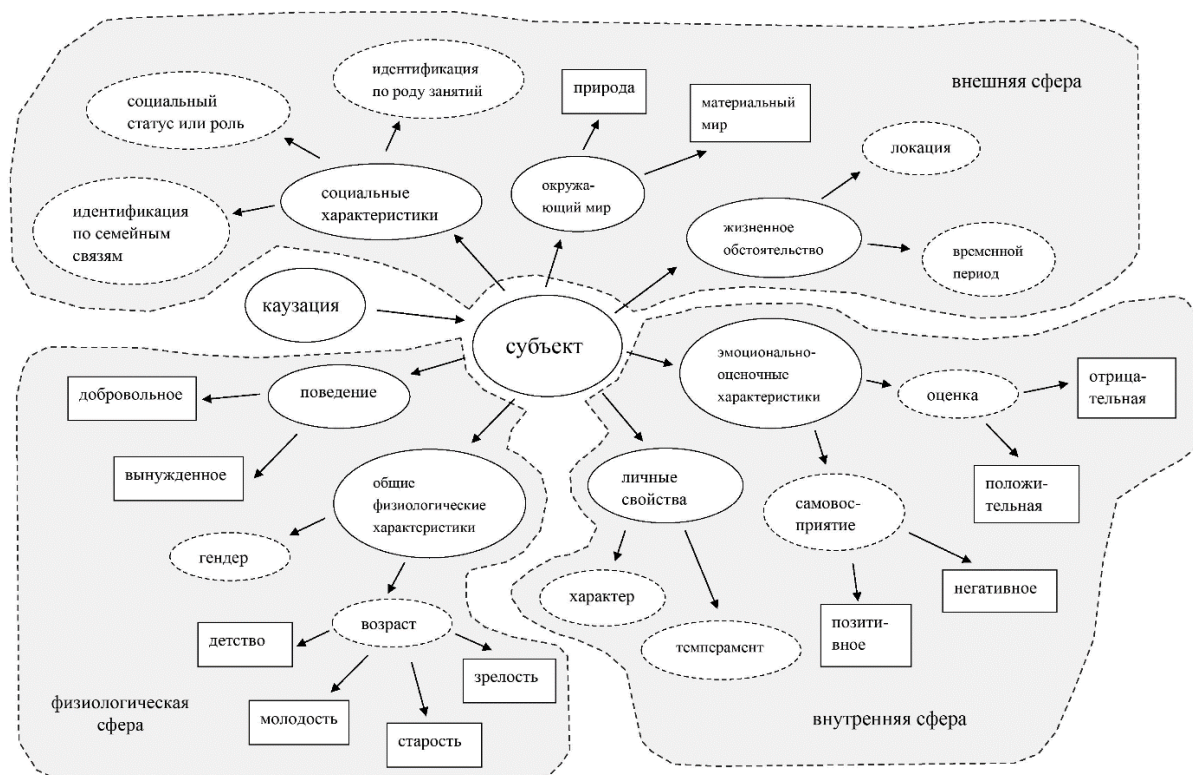

Схема 1. Структура фрейма «одиноким человек» в русском языковом сознании.

На схеме слоты представлены сплошными кружками, подслоты – пунктирными кружками, терминалы – прямоугольниками, связи в соответствии между компонентами фрейма – сплошными стрелками, три фрагмента картины мира одинокого человека обведены прерывистыми пунктирными линиями с указанием на их названия.

В силу открытости границ фрейма к поступлению новой информации и ограниченности объема проанализированных нами экспериментальных данных исчерпать все факультативные компоненты не представляется возможным.

Смоделированный нами на основе данных ассоциативного эксперимента и материалов «Национального корпуса русского языка» фрейм отражает существующее в русском языковом сознании стереотипное представление об одиноком человеке.

Литература

- Большой академический словарь русского языка. Т. 13. (2009). Москва: Санкт-Петербург, Наука, 514–515.
- Беляевская Е. Г. (1994). Когнитивные основания изучения семантики слова. *Структуры представления знаний в языке*, 87–110.
- Кузнецов С. А. (сост и ред.) (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 700.
- Гусельникова О. В. (2010). Терминологический аппарат структуры фрейма. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 9, 137–149.
- Леонтьев А. А. (1999). *Основы психолингвистики*. Москва, Смысл, 39.
- Маклаков А. Г. (2001). *Общая психология*. Санкт-Петербург, Питер, 472.
- СРЯ (1986). *Словарь русского языка в 4 т. Т.2*. Москва, Русский язык, 593.
- Минский М. (1979). *Фреймы для представления знаний*. Москва, Энергия, 7.
- Мишланова С. Л., Хрусталева М. А. (2009). *Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ*

синонимии: монография. Пермь, Пермский государственный университет, 38–39.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 15.07.2023).

Ожегов С. И. (2006). *Толковый словарь русского языка*. Москва, ООО «А ТЕМП», 445.

Синь Лумин (2022). Стереотипное представление об одиноком человеке в русской лингвокультуре на фоне китайской лингвокультуры (на материале национальных языковых корпусов). *Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 517–518.

Ушаков Д. Н. (ред.) (1938). *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. Т. 2. Москва, ГИС, 381.

References

Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 13. (2019) [A large academic dictionary of the Russian language] Moscow, St.-Peterburg, Nauka, 514–515.

Belyaevskaya E. G. (1994). Kognitivnye osnovaniya izucheniya semantiki slova. [Cognitive foundations of the study of word semantics] *Struktury predstavleniya znaniy v yazyke* [Structures of knowledge representation in language], 87–110.

Kuznetsov S. A. (com & ed) (2000). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [A large explanatory dictionary of the Russian language] St. Peterburg, Norint, 700.

Gusel'nikova O. V. (2010). Terminologicheskiy apparat struktury freyma. [The terminological apparatus of the frame structure] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 9, 138–140, 144.

Leont'ev A. A. (1999). *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics] Moscow, Smysl, 39.

Maklakov A. G. (2001). *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology] St. Peterburg, Piter, 472.

Slovar' russkogo yazyka v 4 t. T. 2. (1986). [Dictionary of the Russian language in 4 t. T.2] Moscow, Russkiy yazyk, 593.

Minskiy M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representing knowledge] Moscow, Energiya, 7.

Mishlanova S. L., Khrustaleva M. A. (2009). *Interferentsiya: kognitivno-diskursivnyy analiz sinonimii: monografiya* [Interference: cognitive-discursive analysis of synonymy: monograph] Perm', Permskiy gosudarstvennyy universitet, 38–39.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. Available at: URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 15.07.2023).

Ozhegov S. I. (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language] Moscow, ООО «А ТЕМП», 445.

Sin' Lumin (2022). Stereotipnoe predstavlenie ob odinokom cheloveke v russkoy lingvokul'ture na fone kitayskoy lingvokul'tury (na materiale natsional'nykh yazykovykh korpusov). [The stereotypical idea of a lonely person in Russian linguoculture against the background of Chinese linguoculture (based on the material of national language corpora).] *Tezisy dokladov 50-y Mezhdunarodnoy nauchnoy filologicheskoy konferentsii imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoy: Tezisy dokladov, Sankt-Peterburg, 15–23 marta 2022 goda*. [Abstracts of the 50th International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya: Abstracts, St. Petersburg, March 15-23, 2022.] Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 517–518.

Ushakov D. N. (ed) (1938). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 2*. [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 2.] Moscow, GIS, 381.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 17.08.2023.
Принята к публикации 20.11.2023.

Об авторе

Синь Лумин — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0002-4172-5783; felixchung19122@hotmail.com

Xin Luming

FRAME "SINGLE PERSON" IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS: LINGUOCOGNITIVE APPROACH

Abstract. The article is devoted to the semantic-cognitive modeling of the frame "lonely person" on the basis of the results of a free associative chain experiment on the stimuli "lonely", data from Russian dictionaries and illustrative material from the National Corpus of the Russian Language. In the structure of the frame, nine slots and their terminals are allocated, related to three spheres of a lonely person's life: the physiological sphere, the internal sphere of a person, and the sphere external to the subject. As a result of the study, a schematized model of the frame is presented.

Keywords: frame, slot, terminal, associate, context, lonely person

For citation: Xin Luming. Frame "Single person" in the Russian language consciousness: linguocognitive approach. *Memoirs of NovSU*, 2023, 694-703. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(61).694-703

У Маньхуа

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «ДИЛЕТАНТ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности значения и употребления существительного *дилетант* в русском языке применительно к разным сферам коммуникации. Приводится анализ сведений о слове в толковых словарях, словарях синонимов и антонимов русского языка, рассматривается функционирование существительного в контекстах, представленных на сайте «Национального корпуса русского языка», а также в рефлексивных высказываниях интернет-пользователей. Представлены близкие по смыслу слова к существительному *дилетант*, проведен анализ оценки изучаемого слова в материалах корпуса и в языковом сознании носителей русского языка. В ходе исследования используются описательный метод, метод компонентного анализа значения, дистрибутивный метод, приём сплошной выборки материала из словарей, приём направленной выборки контекстов употребления анализируемых единиц из «Национального корпуса русского языка». В результате анализа описывается портрет человека, называемого *дилетант*, выявляется амбивалентная оценка существительного. Полученные в процессе данного исследования выводы могут быть использованы при чтении курса по лингвокультурологии, в практике преподавания русского языка как иностранного, а также при разработке и составлении учебных лексикографических словарей.

Ключевые слова: семантика и функционирование, существительное, амбивалентная оценка, языковое сознание, носители языка, дилетант

Для цитирования: У Маньхуа. Семантика и функционирование существительного «дилетант» в современном русском языке // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 704-710. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).704-710

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, антропоцентрический поворот в современной науке ставит человека «во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова, 1995, с. 212]. Рассмотрение лексических единиц в рамках антропоцентрической парадигмы позволяет раскрыть их прагматический и лингвокультурный потенциал. Для определения специфики определенной языковой единицы, зафиксированной в языковом сознании конкретного народа, необходимо выявление особенностей ее употребления в дискурсах разных типов, поскольку «сознание отображает себя в слове. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский, 1982, с. 361].

Объектом данного исследования является слово *дилетант* в современном русском языке. Анализируемое слово входит в лексико-семантическую группу существительных, называющих человека по обладанию знаниями, умениями и опытом в какой-либо конкретной области: *специалист, профессионал, асс, зубр* и др. Эти единицы частотны в русской разговорной речи, но трудны для восприятия и корректного употребления инофонами в силу близости семантики при одновременном наличии имплицитных дифференциальных сем, этнокультурных особенностей, различий в эмоционально-оценочных коннотациях, а также сферах употребления. Субстантивные лексические объединения, характеризующие человека, становились объектом исследования в различных аспектах. Так, закономерностям их функционирования в художественном тексте посвящены, например, исследования Т. П. Тимофеевой [Тимофеева, 2016], С. С. Гусевой [Гусева, 2015] и др. Анализ лексико-

семантических групп существительных, характеризующих человека, в сопоставительном аспекте на материале разных языков представлен в работах Т. Е. Залевской и П. М. Зекиевой [Залевская, Зекиева, 2023], Т. И. Ивашкович и Г. Б. Гурбановой [Ивашкович, Гурбанова, 2018]. Метафорические и метонимические наименования качеств человека рассматриваются в статье Н. В. Земляковой [Землякова, 2018]. Русские наименования лица по свойству (такие, как *лентяй*, *лицемер* и др.) на материале газетных текстов анализируются в статье Чэнь Сяохуэй [Чэнь Сяохуэй, 2011]. Лексемы, обозначающие творческое отношение к деятельности и дающие характеристику интеллектуальных способностей человека, исследованы в работе Н. В. Головань [Головань, 2021]. Существительные, называющие человека по обладанию знаниями, умениями и опытом, на материале современного русского языка до настоящего времени не являлись объектом изучения.

Цель настоящего исследования – выявление особенностей функционирования существительного *дилетант*. Материалом служат данные толковых словарей, словарей синонимов и антонимов русского языка; контексты употребления существительного в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ], а также высказывания пользователей в интернет-источниках.

Рассмотрим значения существительного в разных толковых словарях. Для наглядности толкования слова *дилетант* представлены в следующей таблице.

Таблица № 1. Дефиниции существительного *дилетант* в толковых словарях русского языка

Словари	Дефиниции
Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 2006, с. 166]	«Тот, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки (обычно не обладая углублёнными знаниями)»
БАС [Балахонова, 2006, с. 101]	«Тот, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки, достаточных знаний; неспециалист, любитель»
БТС [Кузнецов, 1998, с. 259]	«1. Тот, кто занимается чем-л., не имея специальной подготовки, систематических знаний; любитель. 2. Неодобр. О ком-л., плохо разбирающемся в чём-л.»

Стоит отметить, что существительное *любитель* выступает как синоним слова *дилетант*, об этом свидетельствуют и данные «Словаря синонимов русского языка: В 2 т.» под ред. А. П. Евгеньевой [Евгеньева, 2003, с. 520], и «Словаря синонимов русского языка» под ред. З. Е. Александровой [Александрова, 2001, с. 105]. В «Словаре антонимов русского языка» Н. П. Колесникова антонимом рассматриваемого существительного является слово *профессионал* [Колесников, 1972, с. 109]. Сравнивая данные толковых словарей, можно вывести следующее сводное определение существительного *дилетант* – ‘человек, который обладает поверхностными знаниями в определенной сфере’.

Интересующее нас существительное употребляется применительно к разным сферам деятельности людей: политической, бытовой, спортивной, юридической,

экономической и др. Например, в материалах НКРЯ находим следующие контексты: «Министр транспорта РФ М. Ю. Соколов – *дилетант в области транспорта*, но может строить мансарды» [Форум: Последняя минута экипажа РБТ-300 (2012)]; «А вообще анализировать схожести этих двух отраслей – не мое дело. В шоу-бизнесе я *дилетант*. Юля так прямо и сказала, что петь мне не стоит» [Е. Алдонин. Гус учит нас думать... Причём делать это быстрее // Аргументы и факты, 2006.10.11]; «Я *абсолютный дилетант в политических вопросах*. Я просто жена политика» [Заседание клуба «Новые правые» (2004)]; «Я *дилетант в юридических вопросах*, – заявил вчера «Ведомостям» Ярмольник, – для меня бумаги – не главное» [ВГТРК и продюсеры «Стиляг» помирились // Ведомости, 2009.10.15].

Следует отметить, что в контекстах самое частотное противоположное по смыслу слово к существительному *дилетант* – *профессионал*, используются также словопроизводные слова: *профессиональный*, *профессионализм* и *профессионально*. Например: «Это ты –*дилетант*, а он *профессионал*, – уговаривала саму себя она» [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)]; «В парах проекта, где один *профессионал*, а другой *дилетант*, вас скорее можно отнести к первому» [Прохорова Оксана. Нонна Гришаева: «Я до сих пор не понимаю, почему мы победили» // Труд-7, 2009.06.08]; «Как определить, астролог *профессиональный* или *дилетант*?» [Елена ТУЕВА. Осенние браки – самые счастливые // Комсомольская правда, 2009.09.15]; «Конечно, *профессионализм* – это хорошо, он значительно облегчает дело, но и *дилетант* может справиться с задачей не менее успешно, чем самый натасканный, как они говорят, киллер» [Андрей Белозеров. Чайка (2001)]; «Валерий Попов замечательно сказал, что писатель *профессионально* занимается только литературой, а во всем остальном *дилетант*, даже в алкоголизме» [С. Н. Есин. Дневник (2006)].

Кроме того, рассматриваемое существительное также сравнивается со словами *специалист* и *гений*: «Вопрос в том, кто ее определяет, *специалист* или *дилетант*» [В. М. Санин. Мы – псковские! (2001)]; «Можно, конечно, найти *специалиста*, но важно сначала удостовериться, что он действительно специалист, а не *дилетант* или проходимец» [Фен-шуй в городской квартире // Аргументы и факты, 1999.10.29]; «Артист высокого класса должен помимо экстатического лицедейства научиться производить двойственное впечатление на зрителя, который очень долго обязан не понимать –*дилетант* перед ним или *гений*» [М. А. Захаров. Театр без вранья (2007)]; «Но без комбината, кормившего художников заказами, *дилетант* ты или *гений*, ты предоставлен самому себе» [Дивлюсь тебе, гончар... (2004) // «Народное творчество», 18.10.2004].

При уточнении значения существительного *дилетант* применяется близкое по смыслу слово *непрофессионал* или используется отрицание – *не профессионал*: «Андрей Банных вывел его на чистую воду: *дилетант* и *непрофессионал*» [А. Г. Евтушенко. Дневник (2009)]; «Все-таки это был не актер, *не профессионал*, своего рода *дилетант*» [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

Рефлексивные высказывания интернет-пользователей подтверждают данные материалов НКРЯ. Ср.: «Я понял, что дилетант – это не профессионал в данном деле, неосведомленный» [Большой вопрос.ру]. Анализ ответов и комментариев пользователей интернета о значении существительного *дилетант* позволяет сделать

вывод о том, что синонимами изучаемого слова могут служить существительные *любитель* и *новичок*, например: *дилетант* – это «Тот, кто занимается чем-либо, не имея специальной подготовки, систематических знаний, *любитель*. Человек плохо разбирающийся в чем-либо» [ответы Mail.ru. Николай Морозов, <https://otvet.mail.ru/question/187620438>]. Кроме того, интернет-пользователи указывают на дополнительные черты характера и поведения дилетанта: дилетант часто пытается представить себя как эксперта и уверенно высказывается о чем-либо, несмотря на свои ограниченные знания. Например: «У дилетанта очень мало знаний и опыта, но есть амбиции выставить свое незнание» [Берг Антонина, <https://otvet.mail.ru/question/49676013?ysclid=Incycx5264464521460>]; «Дилетант – это тот человек, который все умеет понемногу, но на уровне любителя, а не эксперта. Дилетанты постоянно суют свой нос, но на самом деле ничего хорошего подсказать или помочь не могут» [Большой вопрос.ру]; «Дилетант – это человек, который разбирается в чем-то, о чем говорит, только на поверхностном уровне или вообще не разбирается, а свое мнение формирует отталкиваясь от того, что где-то когда-то слышал, хотя по факту разговора или вообще ситуации в целом, преподносит себя, как настоящего эксперта» [Владсандрович, <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1442407-kto-takoj-diletant.html#answer7066381>].

Существительное *дилетант* имеет преимущественно негативную коннотацию. Однако данное слово может использоваться положительно в тех случаях, когда дилетант воспринимается как начинающий, имеющий более свежий взгляд, без влияния профессионального опыта и устоявшихся привычек. Отмечается, что наиболее часто положительная оценка дилетанта в широком контексте выражается именно в творческих сферах деятельности. Например: «Если долго и много читать книги по бизнесу – открыть бизнес не хватит решимости. По моим наблюдениям, в любом деле срабатывает формулировка Марка Твена: «Они не знали, что это невозможно, поэтому просто сделали это». Пока одни строят модели и схемы, *талантливые дилетанты* обходят их прямо на старте» [Елена Николаева, *Делай сегодня! Опыт 64 успешных российских стартапов*, 2017]; «В кино мы впервые открыли для себя шокирующую нас истину: при некоторых особых условиях *дилетант может быть выразительнее профессионала*. Потом проверили на сцене – действительно может!» [М. А. Захаров. *Театр без вранья* (2007)].

Таким образом, существительное *дилетант* широко употребляется применительно к самым разным сферам деятельности человека. Самым частым антонимом к слову *дилетант* является *профессионал*, а близкими по смыслу словами – *непрофессионал*, *любитель* и *новичок*. Для объяснения данного слова часто используется стереотипное выражение «дилетант – не профессионал». Можно описать портрет дилетанта в русском языковом сознании следующим образом: дилетант – это человек с ограниченными знаниями и опытом, который стремится выглядеть как эксперт, но часто не способен решать проблемы в конкретной области. Однако существительное *дилетант* не отличается однозначно отрицательной оценкой, оно может быть оценочно нейтральным, даже амбивалентным с точки зрения оценки. Негативная оценка исчезает при использовании слова в творческой

сфере, где ценится инновационный, свежий взгляд на определенный предмет, новый подход к решению, осуществлению чего-либо.

Литература

- Александрова З. Е. (2001). *Словарь синонимов русского языка: Практик. справ.: Ок. 11000 синоним. рядов*. Москва, Русский язык, 568.
- Балахонова Л. И. (2006). *Большой академический словарь русского языка, Т. 5*, Санкт-Петербург, Наука, 492. *Большой вопрос.ру*. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/> (Дата обращения: 14.09.2023).
- Выготский Л. С. (1982). *Мышление и речь. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2.*, 320–361.
- Головань Н. В. (2021). Номинация и характеристика лица в аспекте творческого отношения к деятельности. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 27, 2, 122–131.
- Гусева С. С. (2015). Обозначения лица в тексте как элементы единой номинативной парадигмы (на примере текстов А. П. Чехова). *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, 1, 187–196.
- Евгеньева А. П. (2003). *Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А–Н*. Москва, Астрель, АСТ, 680.
- Залевская Т. Е., Зекиева П. М. (2023). Лексико-семантические группы слов, характеризующие человека в русском и английском языках. *Мир науки, культуры, образования*, 2 (99), 533–535.
- Землякова Н. В. (2018). Способы образной концептуализации представлений о качествах человека в русской языковой картине мира. *Вестник АГУ*, 4 (227), 40–46.
- Ивашкович Т. И., Гурбанова Г. Б. (2018). Лексико-семантическое поле "Знание" в русском и туркменском языках. *Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике* (Астрахань, 26-27 мая 2017 г.): материалы конференции. Астрахань, Издательство Астраханский государственного университета, 112–115.
- Колесников Н. П. (1972). *Словарь антонимов русского языка*. Тбилиси, Изд-во Тбилисского университета, 314.
- Кубрякова Е. С. (1995). Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). *Язык и наука конца 20 века: сборник научных статей* Москва, Институт языкознания РАН, 144–238.
- Кузнецов С. А. (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург, Норинт, 1536.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 14.09.2023).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2006). *Толковый словарь русского языка*. Москва, А ТЕМП, 944. *Ответы Mail.ru*. URL: <https://otvet.mail.ru/> (Дата обращения: 14.09.2023).
- Тимофеева Т. Н. (2016). Номинация человека по внутренним качествам, свойствам в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 9–1, 138–144.
- Чэнь Сяохуэй. (2011). Употребление наименований лица по свойству в русских газетных текстах. *Вестник Центра международного образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*, 1, 24–28.

References

- Aleksandrova Z. E. (2001). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakt. sprav.* [Dictionary of synonyms of the Russian language]: Ok. 11000 sinonim. ryadov. 11-e izd., pererab. i dop. Moscow: Russkii yazik, 568.
- Balakhonova L. I. (2006). *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [A large academic dictionary of the Russian language]. vol. 5, St. Petersburg, Nauka, 492. (BAS)
- Bol'shoy vopros.ru*. [Big question.ru] Available at: <http://www.bolshoyvopros.ru/> (accessed: 14.09.2023).
- Vygotskiy L. S. (1982). *Myshlenie i rech'*, *Sobranie sochinenii* [Thinking and speech]: in 6 vols, vol. 2, 320–361.
- Golovan' N. V. (2021). Nominatsiya i kharakteristika litsa v aspekte tvorcheskogo otnosheniya k deyatel'nosti [Nomination and characterization of a person in the aspect of creative attitude to activity.], *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 27, 2, 122–131.
- Guseva S. S. (2015). *Oboznacheniya litsa v tekste kak element edinoi nominativnoy paradigmy*

- (*naprimeretekstov A. P. Chekhova*) [Face designations in the text as elements of a single nominative paradigm (using the example of texts by A. P. Chekhov)], 1, 187–196.
- Evgen'eva A. P. (2003). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language] in 2 vols, vol. 1.: A–N. Moscow, Astrel', ACT, 680.
- Zalevskaya T. E., Zekieva P. M. (2023). Leksiko-semanticheskie gruppy slov, kharakterizuyushchie cheloveka v russkom i angliyskom yazykakh [Lexical and semantic groups of words characterizing a person in Russian and English]. *The world of science, culture and education*, 2 (99), 533–535.
- Zemlyakova N. V. (2018). Sposoby obraznoy kontseptualizatsii predstavleniy o kachestvakh cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira [Ways of figurative conceptualization of ideas about human qualities in the Russian language picture of the world], «*Vestnik AGU*» [Bulletin of AGU], 4 (227), 40–46.
- Ivashkovich T. I., Gurbanova G. B. (2018). Leksiko-semanticheskoe pole "Znanie" v russkom i turkmenskoy yazykakh [The lexical and semantic field of "Knowledge" in the Russian and Turkmen languages.]. *Sovremennye issledovaniya v filologii, lingvodidaktike i zhurnalistike* (Astrakhan', 26-27 maya 2017 g.): materialy konferencii [Modern research in Philology, linguodidactics and journalism (Astrakhan, May 26-27, 2017): conference proceedings.] Astrakhan', Izd-vo Astrakhanskiy gosudarstvennyi universitet, 112–115.
- Kolesnikov N. P. (1972). *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian antonyms]. Tbilisi, Izd-vo Tbilisi un-ta, 314.
- Kubryakova E. S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vovtoroy polovine XX veka (opytparadigmal'no-go analiza) [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigmatic analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka: sbornik nauchnykh statei* [Language and Science of the late 20th century: a collection of scientific articles]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN, 144–238.
- Kuznetsov S. A. (1998). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. St.Peterburg, Norint, 1536.
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The national corpus of the Russian language] Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 14.09.2023).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, A TEMP, 944.
- Otvet Mail.ru*. [Answers Mail.ru]. Available at: <https://otvet.mail.ru/> (accessed: 14.09.2023).
- Timofeeva T. N. (2016). Nominatsiya cheloveka po vnutrennim kachestvam, svoystvam v romane I. Il'fai E. Petrova «Dvenadtsat' stul'ev» [Nomination of a person according to internal qualities, properties in the novel "Twelve Chairs" by I. Ilf and E. Petrov]. *Aktual'nye problem gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems of the humanities and natural sciences], 9–1, 138–144.
- Chen' Syaokhuey. (2011). Upotreblenie naimenovaniy litsa po svoystvu v russkikh gazetnykh tekstakh [The use of names of a person by property in Russian newspaper texts]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V Lomonosova. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika* [Bulletin of the Center for International Education of Lomonosov Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology], 1, 24–28.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 04.10.2023.
Принята к публикации 30.11.2023.

Об авторе

У Маньхуа – аспирантка кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0009-0000-1085-5537; wumanhua@mail.ru.

Wu Manhua

SEMANTICS AND FUNCTIONING OF THE NOUN «DILETTANTE» IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article tests the peculiarities of the meaning and use of the noun *dilettante* in Russian language in different spheres of communication. The analysis includes the information about the word in various explanatory, synonymous and antonymic dictionaries of the Russian language, the noun's functioning in contexts based on the website of «National Corpus of the Russian Language» and in reflexive expressions used by internet users. The article presents similar words to the noun *dilettante*, and also analyzes the evaluation of the studied word in corpus materials, as well as in the language consciousness of native Russian speakers. The work uses descriptive method, component analysis of meaning method, distributive method, continuous sampling of material from dictionaries, and targeted sampling of related contexts from the «National Corpus of the Russian Language». As a result of the analysis, the description of the man known as *dilettante* is created, moreover, the ambivalence of the tested noun *dilettante* is identified. The conclusions obtained in the course of this research can be used to the lessons on Cultural linguistics, the practice of teaching Russian as a foreign language, and also to the development and compilation of educational lexicographic dictionaries.

Keywords: semantics and functioning, noun, ambivalent evaluation, language consciousness, language speakers, dilettante

For citation: Wu Manhua. Semantics and functioning of the noun «dilettante» in modern russian language. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 704-710. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).704-710

Макаров В. И.

«ДОГОВОРИМСЯ», ИЛИ ОБ ОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ МАСКЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье говорится об одном способе языкового представления акта дачи взятки в дискурсе участников данного события. Взятничество является деянием, которое преследуется по закону и осуждается в моральном плане, поэтому в речи лиц, вовлеченных в этот процесс, он зачастую называется не напрямую, а косвенно. Взяткодатель и взяточник прибегают к языковой мимикрии, именуя процесс передачи взятки и другие действия, связанные с ними, используя терминологию, относящуюся к иным взаимодействиям, которые связаны с передачей чего-либо от одного лица к другому (например, дарение, оплата услуг, премирование и так далее). Также частотным является представление взятки как части взаимовыгодного сотрудничества, например, в рамках обязательств, предусмотренных договором. Речевой жанр договора и его элементы становятся респектабельной ширмой, прикрывающей коррупционный процесс.

Ключевые слова: взятка, договор, речевой жанр, языковая маска, языковая мимикрия, лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Макаров В. И. «Договоримся», или об одной языковой маске взяточничества // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 711-719. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).711-719

Взяточничество укоренено в человеческой культуре и, соответственно, в языке. Языковому представлению данного феномена и его включению в процесс коммуникации посвящено уже немало работ. Кратко отметим некоторые из них. Особенности отражения взяточничества в правовых документах и языковой практике изучались в [Тимошенко, Ходеев, 2003], [Марченко, 2014]. Книга [Новак, 2008] посвящена, в основном, бытованию самого феномена взятки, однако в работе есть и интересные наблюдения над языковым оформлением данного явления. В работах С. Г. Воркачева [Воркачев, 2018; Воркачев, 2019] представлен, главным образом, исторический и лексикографический аспект данного явления. Историческая динамика, в частности отражение взяточничества в документах разных эпох рассматриваются и в [Беглова, Трусов, Ломтев, 2019]. [Шипицына, 2016] исследует историческое соотношение феноменов взяточничества и так называемого «кормления». Лингвокультурологический взгляд на взяточничество и его осмысление, в частности отражение в паремиях представлен в [Устюжанина, 2014; Щетинина, 2017].

Отдельно отметим те работы, в которых взяточничество отображено именно в том аспекте, в котором оно рассматривается в данной статье, а именно с точки зрения мимикрии, завуалированного введения в дискурс. Это работы [Бортник, 2004; Плотникова, Старикова, 2016; Чубина, 2016; Карпов, 2016]. В них, в частности, говорится о прикрытии прямой номинации взятки при помощи:

- различных фразеологических оборотов (дать на лапу, борзые щенки, барашек в бумажке, абиссинский налог);
- терминов благодарности (благодарность, признательность, спасибо);
- терминов материального поощрения (премия, бонус, мотивация);
- описания коррупционного процесса как «решения проблемы»;
- расходно-приходной терминологии (комиссионные, командировочные, процент от сделки, непредвиденные, представительские расходы),

– различных условных слов-заменителей с сигнальной функцией (литры, книги, единицы, веники и т.п.).

В нашей ранней работе [Макаров, 2015] мы уже обращались к феномену эвфемизации взяточничества, преимущественно через фразеологические средства:

Взятка – *барашек в бумажке, хаптус гевезен (хапен зи гевезен), безгрешный доход;*

Дать взятку – *совать (дать) на лапу (в зубы), подмазывать колеса, надеть золотые очки, поймать на золотую удочку;*

Взять взятку – *хватить хабара.*

Динамика данного явления такова, что эвфемизмы, используемые взяточниками, в дальнейшем настолько сливаются с обозначаемым феноменом, что сами начинают нуждаться в эвфемизации. А это, в свою очередь, порождает новые наименования (зеленая записка, откат и т.д.).

Непосредственным толчком к написанию данной статьи стала прочитанная автором мысль в [«Культура...», 2007, с. 721] о том, что речевые жанры с предосудительным смыслом любят рядиться в одежды более уважаемых собратьев (например, угроза представляется советом или предупреждением).

Если рассмотреть типичные определения взятки:

Взятка – ‘деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего’ [Кузнецов, 2004]; ‘деньги или вещи, даваемые должностному лицу как подкуп за совершение каких-л. действий по должности в интересах дающего’ [Евгеньева, 1981]; ‘деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата караемых законом действий’ [Ожегов, Шведова, 1999]; ‘деньги или ценные вещи, даваемые должностному лицу в качестве оплаты незаконных услуг, платы за получение привилегии и т.п.’ [Скляревская, 2005], то мы можем заметить, что объединяет их констатация наличия двух сторон и своеобразного обмена: кто-то получает определенные услуги, расплачиваясь за них материальными ценностями. Эти черты создают основу для того, чтобы обставить дачу взятки как реализацию неких договорных отношений, соглашения, сделки.

Договор сам по себе представляет собой речевой жанр официально-деловой речи. Различные исследователи описывают признаки договора, его составляющие и языковые свойства следующим образом:

«Договор – это документ, закрепляющий правовые отношения юридических лиц (контрагентов) или физического лица с юридическим лицом. Характер сделки, условия, сроки, права и обязанности сторон непременно отражаются в соответствующих пунктах договора и составляют совокупность сведений, обеспечивающих документу правовую силу» [Колтунова, 2000]. «Договор как общеправовая категория традиционно определяется через волевое соглашение двух или более субъектов права, влекущее установление, изменение или прекращение определенных правоотношений. Слово “договор” означает соглашение, обычно письменное, о взаимных обязательствах... Что же касается термина “контракт”, то он является синонимом термина “договор”» [Климкин, 2007]. «Во вторичном речевом жанре “договор” основные смыслы несут прямые речевые акты: договор о намерении

сторон, договор купли–продажи, договор перевозки товара и др. договор – это макроречевой акт, в котором стороны берут на себя обязательства быть достойными партнёрами» [Ван Хайцзяо, Ван Цинн, 2022]. «Договор – это соглашение между двумя или несколькими лицами об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Положения договора распространяются на последствия сделок, так как любой договор является сделкой» [Топчий, б.д.]

Таким образом, в качестве существенных признаков договора можно назвать:

- 1) Наличие двух и более сторон (контрагентов).
- 2) Наличие взаимных прав и обязанностей, возникающих у сторон вследствие заключения договора.
- 3) Различные дополнительные условия: сроки, форма оплаты и т.д.
- 4) Кроме того, партнеры по договору выступают как этические субъекты, позиционирующие себя как добросовестные исполнители.

В речевой практике синонимами договорных отношений могут стать такие слова, как «соглашение», «сделка», «контракт».

Языковое представление взятки как договора – известный факт. Например, фраза «договоримся» считается одним из слов-намеков на возможность коррупционного разрешения проблемы: «"Договоримся" – означает приглашение выдвигать предложения о размере и форме взятки, которое будет корректироваться в ходе разговора» [Толковый словарь коррупционера, 2018]. К сожалению, языковое представление взятки как договора в работах отечественных филологов не рассматривалось достаточно подробно. А вот в работе американского филолога и эксперта-практика это сделано [Shuy, 2013]. Ученый рассматривает коррупционный процесс как договоренность, имеющую несколько стадий: 1) вербализация проблемы (problem); 2) приглашение к обсуждению возможных путей решения проблемы (proposed negotiation); 3) формулирование предложения (offer); 4) заключение соглашения (completion); 5) расширение условий соглашения (optional extension). [Shuy, 2013, p. 67]. При этом именно 3-я и 4-я стадия, представляющие собой собственно процесс заключения договора, являются ключевыми и обязательными [Shuy, 2013, p. 229].

В своей экспертной практике автор настоящей статьи неоднократно сталкивался с обсуждением коррупционных договоренностей, в котором дача взятки и ее последствия маскировались участниками как договор или сделка, в которой одна из сторон совершает некие действия, а вторая их оплачивает тем или иным образом. С точки зрения процесса и оценки действий участников в таких разговорах можно выделить следующие смысловые блоки:

- 1) Инициация взятки.
- 2) Обсуждение условий и обстоятельств.
- 3) Оценка результатов.
- 4) Оценка перспектив сотрудничества.
- 5) Позиционирование участников коррупционного процесса как честных и надежных партнеров.

- 1) Инициация взятки.

«Ж: Я тебе сказала, что это единственный шанс, который у тебя есть, но это очень много. Единственный.

М: Они не помогут.

Ж: Ты не знаешь.

М: Ну я не могу ей звонить.

Ж: Но у тебя ещё есть и друг. Можно договориться, позвонить».

«Ж: Вообще я хотела изначально, чтобы вы встретились с ним, переговорили три минуты... Они сначала поговорили, решили все за и против, я потом приехала, отдала Н. «большое спасибо», я даже благодарна была».

«М1: Ну давай, хорошо. Ну, если что, я тебе позвоню, ладно, так вот.

М2: Хорошо, если тебе возможно, выпусти, если возможно. Мы договоримся.

М1: Да, хорошо, я это самое, поставим сейчас ее под досмотр.

М2: Окей».

В этих и других случаях участниками разговоров констатируется наличие проблем, которые можно решить с помощью переговоров, соглашений и договоренностей.

2) Обсуждение условий и обстоятельств, в том числе оплаты.

«Ж: Что тебе нужно сделать? Твоего там просто сказать, мол, сегодня не будет никого. За остальных пусть смотрит сам. Не твои проблемы вообще смотреть за кем-то или быть. Написал, например, с 2 часов и до 5 утра никого не будет. И пусть с 2 до 5 выкладывается. В 5 часов написал все ОК. К вечеру он с тобой встретился, отдал твое «спасибо», да и все. Я тебе рассказываю, как есть».

«М1: Как и договаривались. Ну, сумма-то?

М2: (показывает пять пальцев). Ну, да, пятьсот. Ну, почитать, чтобы...

М1: Давай. Давай. (протягивает документы)».

«М1: Может мало ли... Может мне послышалось?

М2: Я сказал. Пол-ляма. И все. Мы договорились. Чтобы вопросов не было.

М1: Добро.

М2: Хочу права свои... Мне просто нужен конкретный результат.

С: В среду тогда».

«М1: Вечером встречаемся: с оригиналом, с диском. Я тебе все передаю, и мы закрываем вопрос.

М2: Полностью завершаем, и я тебе передаю. Мне вот как раз время до среды время и надо, чтобы решить этот вопрос.

М1: Как и договаривались?

М2: Да. Я сказал».

«Ж: Ну, в принципе, ну я с тобой уже откровенно разговариваю. Ну, просто ты знаешь, как, может ты от Д. постесняешься брать... Я же не прошу там тем более

сверхъестественного. Один звонок вовремя».

Обговариваются желаемые условия, время, оплата, действия, которые необходимо совершить, чтобы сделка состоялась.

3) Оценка результатов.

«М1: Оно никуда не уходит? Всё?

М2: Нет. Не переживайте. Всё.

М1: Повестка на 3 число – всё, можно порвать?

М2: Да, всё, как и договаривались».

«М: Ну что, прошла машина?

Ж: Да, все как договаривались, вечером жди меня, привезу подарок».

«М1: (передает оригиналы) По документам никаких рекламаций?

М2: Все соответствует вроде бы (просматривает)».

Участниками оценивается достигнутый результат как соответствующий условиям договора. Констатируется отсутствие претензий сторон друг к другу.

4) Оценка перспектив сотрудничества.

«М1: Хорошо? Ну все. Сейчас запломбируем это все. Повесим пломбу, они выпустят, поедут, хорошо?

М2: Хорошо. Я потом, можно, как-нибудь после этого съезду тогда, снова договоримся, хорошо?

М1: Что, что, что, не понял?

М2: Да я, может, там потом перед Новым годом приеду еще, я приеду еще раз».

«Ж: Ты знаешь, куда звонить... Я всегда готова... И компьютер работает.

М: Вообще ни разу не сомневаюсь, подруга».

По оценке [Shuy, 2013], это стадия расширения условий сотрудничества. Сработавшая один раз коррупционная схема рассматривается участниками как плодотворная и перспективная, и они хотели бы ее повторить в будущем.

5) Позиционирование участников коррупционного процесса как честных и надежных партнеров.

«М1: А так всё чётко, честно?

М2: Конечно. Всё в порядке.

М1: Всё понял».

«Ж: Д. с тобой встретится в любой момент. Будешь ты в С., он подъедет. Я ему сказала, ты скажи, сколько, привези, отдай. Это вообще не оспаривается. То, что отдаст сразу».

«М: А сколько будет машин? Ты говоришь, больше 3. Это с каждой 300

получается?

Ж: Да.

М: Такая рискованная ситуация получается для меня.

Ж: Ты не бойся. Ты уж точно не тот человек, которого я бы хотела подставить».

Это наиболее интересный для исследователя аспект. Участники коррупционного процесса позиционируют себя как честные партнеры, которые придерживаются определенных этических правил, гарантируют друг другу честность сделки и благородство своих намерений.

Таким образом, маскировка коррупционных схем, передачи взяток под процесс договоренности, заключения соглашения и его реализации носит сквозной и многоэтапный характер. Взятчики и заинтересованные в их услугах лица ведут себя как уважаемые бизнес-партнеры, придерживающиеся моральных правил и обычаев ведения предпринимательской деятельности. Это позиционирование отражается и в особенностях языкового представления ими своих деяний.

Литература

- Беглова Е. И., Трусов Н. А., Ломтев С. П. (2019). Термины «взятка», «лихоимство» в историческом развитии в деловой и разговорной речи. *Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2(46), 67–72. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10211
- Бортник Г. В. (2004). Барашек в бумажке. *Русская речь*, 2, 107–112.
- Ван Хайцзяо, Ван Цин (2022). Характеристика прямой коммуникации через призму теории речевых актов во вторичном жанре «Договор». *Мир науки, культуры, образования*, 2(93), 370–372.
- Воркачев С. Г. (2018). Даров не принимай: мздоимство в тексте Библии. *Русистика без границы: Международно научно списание*, II, 3, 8–13.
- Воркачев С. Г. (2019). Концепт «мздоимство» в лексикографическом представлении. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 5, 66–73. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-66-73
- Евгеньева А. П. (ред.). (1981). *Словарь русского языка*: В 4 т. Т. 1. Москва, 171.
- Карпов Д. Л. (2016). «Всё нормально решим»: Слова с потенциальным коррупционным значением. *Социальные и гуманитарные знания*, 2(1), 48–52.
- Климкин Н. С. (2007). О законодательном определении понятий «договор», «контракт» и «соглашение» в праве. *Юридическая техника*, 1, 144–146.
- Колтунова М. В. (2000). *Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет*. Москва: Экономика, 270.
- Кузнецов С. А. (ред.). (2004). *Современный толковый словарь русского языка*. Москва, Ридерс Дайджест, 77.
- Иванов Л. Ю. (и др.) (ред.). (2007). *Культура русской речи. Энциклопедический словарь справочник*. Москва, Флинта, 840.
- Макаров В. И. (2015). «Хапен зи гевезен» и другие названия взяточничества в юрислингвистическом фразеологическом словаре. *Вестник Новгородского государственного университета*, 4-1(87), 171–175.
- Марченко О. В. (2014). Семантический анализ слова взятка, или Сколько лексических лакун может скрывать одно юридическое понятие. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 26–32.
- Новак Б. В. (2008). *Взятка и откат*. Санкт-Петербург, Питер, 143.
- Плотникова А. М., Старикова К. В. (2016). Динамика лексико-семантического поля «взятка» в русском языке. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 3.2, 51–56.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (1999). *Толковый словарь русского языка*. Москва, Азбуковник, 81.
- Скляревская Г. Н. (ред.). (2005). *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения*

конца XX столетия. Москва, Астрель: АСТ, 124.

- Тимошенко И., Ходеев Ф. (2003). «Взятка» в праве и русском языке. *Российская юстиция*, 10, 56–57.
- Толковый словарь коррупционера (2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/WoQJAN3d6KM9uMsC> (Дата обращения: 22.10.2023).
- Топчий А. (б.д.) Понятие и значение договора [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_i_znachenie_dogovora/ (Дата обращения: 22.10.2023).
- Устюжанина А. К. (2014). Тема взяточничества во фразеологизмах и поговорках (на материале текстов российских СМИ). *Вестник Новгородского государственного университета*, 77, 242–244.
- Чубина Е. А. (2016). От барашка в бумажке к пилингу, откату и нетворкингу, или как изменялся язык коррупции. *Противодействие преступлениям коррупционной направленности: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной выдающемуся российскому ученому Николаю Сергеевичу Алексею (Москва, 27 октября 2016 г.)*. Москва: Следственный комитет РФ: Академия Следственного комитета РФ, 187–191.
- Шипицына Г. М. (2016). Историко-лингвистический взгляд на концепт «взяточничество». *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления течения*, 2, 296–305.
- Щетинина А. В. (2017). Не подмажешь – не поедешь: лексическая репрезентация темы взяточничества в русском языке. *Научный диалог*, 6, 96–111. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-96-111
- Shuy R. W. (2013). *The Language of bribery cases*. Oxford, Oxford univ. press.

References

- Beglova E. I., Trusov N. A., Lomtev S. P. (2019). Terminy «vzyatka», «likhoimstvo» v istoricheskom razvitii v delovoy i razgovornoy rechi [Terms of “bribe” (vzyatka, likhoimstvo) in historical development in business and conversational speech]. *Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2 (46), 67–72. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10211
- Bortnik G. V. (2004). Barashek v bumazhke [The lamb in the paper]. *Russian Speech*, 2, 107–112.
- Chubina E. A. (2016). Ot barashka v bumazhke k pilingu, otkatingu i networkingu, ili kak izmenyalsya yazyk korruptsii [From a lamb in a piece of paper to chip chop, kickback and networking, or how the language of corruption changed]. *Proc. of “Protivodeystvie prestupleniyam korruptsionnoy napravlenosti”* [Combating crimes of corruption: Materials of the International scientific and practical conference]. Moscow, 187–191.
- Evgen'eva A. P. (ed.). (1981). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]: in 4 vols, vol. 1. Moscow, 171.
- Karpov D. L. (2016). “Vse normal'no reshim”: Slova s potentsial'nym korruptsionnym znacheniem [“We will normally solve everything”: words with potential corruption value]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya* [Social Sciences and Humanities], 2 (1), 48–52.
- Klimkin N. S. (2007). O zakonodatel'nom opredelenii ponyatiy “dogovor”, “kontrakt” i “soglasenie” v prave [On the legislative definition of the concepts “contract”, “treaty”, “contract” and “agreement” in law]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 1, 144–146.
- Koltunova M. V. (2000). *Yazyk i delovoe obshchenie: Normy, ritorika, etiket*. [Language and business communication: Norms, rhetoric, etiquette]. Moscow, Ekonomika, 270.
- Kuznetsov S. A. (ed.). (2004). *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Reader's Digest, 77.
- Ivanov L. Yu. (et al) (ed.). (2007). *Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar' spravochnik* [Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary reference book]. Moscow, Flinta, 840.
- Makarov V. I. (2015). “Khapen zi gevezen” i drugie nazvaniya vzyatochnichestva v yurislingvisticheskom frazeologicheskom slovare [“Khapen zi gevezen” and other nominations of bribery in “Forensic linguistics dictionary of idioms”]. *Vestnik NovSU. Issue: Liberal Sciences*, 4-1 (87), 171–175.
- Marchenko O. V. (2014). Semanticheskiy analiz slova vzyatka, ili Skol'ko leksicheskikh lakun mozhet skryvat' odno yuridicheskoe ponyatie [The semantic analysis of the word bribe, or how many lexical gaps may a single legal concept hide]. *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural*

Communication, 1, 26–32.

- Novak B. V. (2008). *Vzyatka i otkat* [Bribery and rollback]. St. Petersburg: Piter, 143.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1999). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik, 81.
- Plotnikova A. M., Starikova K. V. (2016). Dinamika leksiko-semanticheskogo polya “vzyatka” v russkom yazyke [Dynamics of the semantic field of the word “vzyatka” (bribe) in the Russian language]. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 3.2, 51–56.
- Sklyarevskaya G. N. (ed.). (2005). *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Language changes of the end of XX century]. Moscow, Astrel: AST, 124.
- Shipitsyna G. M. (2016). Istoriko-lingvisticheskiy vzglyad na kontsept “vzyatochnichestvo” [Historical and linguistic view on the concept of bribery]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya techeniya* [Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the 20th–21st centuries: Current directions], 2, 296–305.
- Shchetinina A. V. (2017). Ne podmazhesh' – ne poedesh': leksicheskaya reprezentatsiya temy vzyatochnichestva v russkom yazyke [Ne Podmazhesh – Ne Poedesh: Lexical Representation of Bribery Topic in Russian Language]. *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 6, 96–111. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-96-111.
- Shuy R. W. (2013). *The Language of bribery cases*. Oxford, Oxford univ. press.
- Timoshenko I., Khodeev F. (2003). “Vzyatka” v prave i russkom yazyke [“Bribery” in law and the Russian language.]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 10, 56–57.
- Tolkovyy slovar' korruptsionera* (2018) [The explanatory dictionary of a corruptionist]. Available at: <https://dzen.ru/a/WoQJAH3d6KM9uMsC> (accessed 22.10.2023).
- Topchiy A. (n.d.). *Ponyatie i znachenie dogovora* [The concept and meaning of the contract]. Available at: https://spravochnik.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_i_znachenie_dogovora/ (accessed 22.10.2023).
- Ustyuzhanina A. K. (2014). Tema vzyatochnichestva vo frazeologizмах i pogovorkakh (na materiale tekstov rossiyskikh SMI) [“Bribery” in phraseology and sayings (in Russian media texts)]. *Vestnik NovsU*, 77, 242–244.
- Vorkachev S. G. (2018). Darov ne primay: mzdoimstvo v tekste Biblii [Do not accept a bribe: bribery in the biblical text]. *Russian Studies Without Borders*, 2, 3, 8–13.
- Vorkachev S. G. (2019). Kontsept “mzdoimstvo” v leksikograficheskom predstavlenii [Bribery concept in lexicographic representation]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 5, 66–73. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-66-73
- Wang Haijiao, Wang Qing (2022). Kharakteristika pryamoy kommunikatsii cherez prizmu teorii rechevykh aktov vo vtorichnom zhanre “Dogovor” [Characteristics of direct communication through the theory of speech acts in the secondary genre “contract”]. *The world of science, culture, and education*, 2 (93), 370–372.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.10.2023.
Принята к публикации 24.11.2023.

Об авторе

Владлен Иванович Макаров — кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-0404-9330; vladlen.makarov@novsu.ru

Makarov V. I.

“LET'S MAKE A DEAL”, OR ABOUT A LINGUISTIC MASK OF BRIBERY

Abstract. The article explores a way of linguistic representation of the act of bribery in the discourse of the participants

of this event. Bribery is an act that is prosecuted and morally condemned. Therefore, it is often referred to indirectly rather than directly in the speech of the people involved in this process. A briber giver and a bribe taker resort to linguistic mimicry, referring to the process of transferring a bribe and other related actions using terminology associated with other interactions involving the transfer of something from one person to another (e.g., gift, payment for services, bonus, etc.). It is also common to present a bribe as part of a mutually beneficial cooperation, for example, in the context of obligations set out in a contract. The genre of the contract and its elements become a respectable screen to hide the corruption process.

Keywords: bribe, contract, speech genre, linguistic mask, linguistic mimicry, linguistic expertise

For citation: Makarov V. I. "Let's make a deal", or about a linguistic mask of bribery. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 711-719. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).711-719

Рештаненко А. А.

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ЭЛЕМЕНТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Изучение особенностей функционирования креолизованных текстов в научном дискурсе является одним из этапов многоаспектного исследования автором данного типа текстов в современном русском языке. Особенностью такого формата является сочетание двух планов, принадлежащих к разным знаковым системам: вербального и невербального. Научный дискурс имеет ряд жанровых, стилистических и структурных особенностей, которые предопределяются содержанием текста и интенцией исследователя. Включение креолизованных текстов позволяет наглядно представить результаты исследования, упростить процесс декодирования информации реципиентами, что способствует лучшему пониманию и запоминанию материала. В работе были рассмотрены основные жанры поликомпонентных текстов на материале научных публикаций отечественных исследователей в области математики, физики, экономики, филологии и других сфер науки: формулы, таблицы, диаграммы, схемы, графики. Однако перечень возможных жанров не ограничивается упомянутыми ранее, встречаются, например, рисунки, чертежи. Изучение креолизованных текстов как элемента научного дискурса продемонстрировало взаимосвязь жанров дискурса с жанрами креолизованных текстов, а также проиллюстрировало потенциал данного типа текстов в изложении информации, в обучении реципиентов.

Ключевые слова: креолизованный текст, научный дискурс, жанр, креолизация

Для цитирования: Рештаненко А. А. Креолизованный текст как элемент научного дискурса // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 720-728. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).720-728

Научный дискурс представляет собой отдельную сформированную структуру в дискурсивном поле русского языка. Выделение такого типа дискурса предопределяется особыми целью и стратегиями, которые выбирает автор, назначением текста и его особенностями.

Под научным дискурсом, по мнению Н. Н. Дюмона, понимается «совокупность всех наличных текстов, вербализующих научное знание как результат познавательной деятельности субъектов науки» [Дюмон, 2008]. Как и любому типу дискурса, научному дискурсу свойственны определённые черты: например, равенство участников научного общения, критическое отношение к чужим и своим изысканиям [Дюмон, 2008]. Ч. И. Сальман Чиад пишет, что научный дискурс существует «в научных текстах, в особых правилах словоупотребления и синтаксиса, особой семантике, в особом мире научного знания» [Сальман Чиад, 2022]. Учитывая, что понятие дискурса может трактоваться с позиции «узкого» и «широкого» подходов, следует уточнить, что в своём исследовании мы опираемся на понимание научного дискурса как совокупности текстов, объединённых общностью тематики и функциональных особенностей. Такие тексты репрезентуют научное знание для ограниченного сообщества, т.к. требуют от реципиентов определённого уровня знаний, владения узкой терминологией и сведениями.

Поскольку научный дискурс представляет собой чётко структурированное, классифицированное письменное изложение научного материала, в лингвистике традиционно выделяют несколько видов дискурса в сфере научной коммуникации: академический, научно-информационный, научно-критический, научно-популярный, научно-учебный. И. Р. Гальперин пишет о том, что академические тексты реализуют исследовательские цели и вербализуют новое научное знание, научно-популярные –

создаются с целью массового распространения, популяризации сведений, научно-учебные – создаются для учебных целей [Гальперин, 1981].

Описывая научный дискурс, исследователи к его основным чертам относят: ёмкость, содержательность, лаконичность, строгую логическую организацию, относительно однообразные лексический и синтаксический состав, безличный, объективный характер изложения, наличие цитат и ссылок на тексты других исследователей, включение в дискурс паралингвистических средств, таких как схемы, эскизы, иллюстрации, номинальный характер научного дискурса [Кротков, Кожемякин, 2013]; объективность, точность, бесстрастность языковых средств, лишение их индивидуальности [Гальперин, 1981].

Характеризуя научный дискурс, Е. А. Кротков пишет о том, что одним из его элементов могут выступать паралингвистические средства (схемы, эскизы, иллюстрации) [Кротков, Кожемякин, 2013]. Определить и описать единую степень распространённости паралингвистических средств в научном дискурсе затруднительно, поскольку некоторые материалы требуют большего включения подобных элементов, чем другие.

Под паралингвистическими средствами в лингвистике традиционно понимаются особенности почерка, начертания, шрифта, цвета и других визуальных характеристик текста. В связи с этим возникает необходимость в расширении границ понятия «текст» и, как результат, – возможность отнесения к паралингвистическим средствам и других невербальных компонентов текста.

Говоря о включении в структуру текста компонента, принадлежащего к другим знаковым системам, можно упомянуть несколько терминов, закрепившихся в отечественной и зарубежной лингвистике: поликодовый, поликомпонентный, синкретический текст. В данном исследовании будет употребляться термин «**креолизированный текст**», который встречается в работах Е. Е. Анисимовой, В. М. Березина, Л. С. Большиановой, Н. С. Валгиной, О. Л. Каменской, В. М. Клюканова, Н. В. Месхишвили, О. В. Поймановой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. Под креолизированным текстом (КТ) подразумевается «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990]. На наш взгляд, при определении понятия КТ важно подчеркнуть этимологическую основу термина (*creolization* ‘смешение языков’) и указать, что негомогенные компоненты КТ не просто включены в его структуру, а взаимодействуют в той или иной степени, формируют единое информационное и коммуникативное пространство, т.е. не рассматриваются как самостоятельные элементы, а воспринимаются реципиентом как единое образование.

Цель исследования заключается в изучении особенностей употребления КТ в научном дискурсе. Для наблюдения за функционированием данного типа текстов методом сплошной выборки материалов из научных журналов, размещённых в открытом доступе за последние 15 лет (2008-2023 гг.), было отобрано 128 КТ. Помимо этого, в исследовании частично была использована имеющаяся авторская картотека текстов из публикаций разных жанров, насчитывающая более 400 примеров за период 2012-2022 гг.

Этой теме посвящено не так много работ, однако исследователи нередко упоминают научные тексты, описывая степень креолизации. Например, Е. Е. Анисимова пишет о текстах с нулевой, частичной и полной креолизацией [Анисимова, 2003]. В текстах с полной креолизацией присутствуют два компонента, которые формируют единый смысл, находятся в синсемантических отношениях, в связи с чем верная полноценная интерпретация материала возможна только с учётом содержания всех планов. Примером такого типа текстов могут служить научно-технические и технические тексты, в которых изобразительный компонент выполняет познавательную функцию. Так, в физико-математических, химических текстах обычно приводятся формулы, графики, таблицы, технические рисунки и другие КТ, которые являются смысловыми компонентами текста.

Тексты с частичной креолизацией также выступают в роли элементов научного дискурса: отношения между компонентами таких КТ являются автосемантическими, поскольку вербальная часть получает относительную автономность, в то время как невербальные элементы являются факультативными.

Н. С. Валгина пишет о том, что невербальный компонент в научных (особенно научно-технических) текстах является обязательным, поскольку его утрата приводит к утрате познавательной сущности всего текста, вербальный текст при этом трансформируется в т.н. «упаковочный материал» [Валгина, 2003].

М. А. Терпак, Л. В. Абдрахманова в работе «Сравнительный анализ методов и типов креолизации англоязычных и русскоязычных научно-технических текстов (на примере текстов железнодорожного дискурса)» описывают связь между вербальным и невербальным компонентами на разных уровнях: семантическом, семантико-синтаксическом, композиционном. Авторы пишут о том, что иконические знаки выступают в роли членов предложения и связаны с ними в семантико-синтаксическом аспекте. Исследователи приводят в пример англоязычный текст с формулой и пишут, что формула и отдельные её элементы являются полноценными членами предложения [Терпак, Абдрахманова, 2020].

Кроме того, в исследовании КТ в научном дискурсе важной оказывается композиционная организация, поскольку расположение вербальных и невербальных элементов напрямую влияет на смысл, т.е. перенесение элементов креолизации в другую часть лишает смысла представленный абзац и место рисунка или другого КТ определяется содержанием вербального элемента. М. А. Терпак и Л. В. Абдрахманова называют это явление «смыслосодержащей последовательностью» [Терпак, Абдрахманова, 2020].

Следует отметить, что необходимость использования КТ предопределяется также жанром текста. Например, в тезисах не используются КТ, кроме тех случаев, когда они являются основной смысловой частью текста, а в научной статье КТ нередко могут быть представлены графиками, таблицами и другими жанрами. Количество КТ также коррелирует со стилистическими особенностями текста и выбранным подстилем. Например, в учебно-научных текстах большая доля КТ, поскольку представление информации в виде поликомпонентного текста обеспечивает лучшее восприятие и запоминание материала.

Использование графиков, диаграмм, схем и других КТ позволяет показать

взаимосвязь отдельных элементов, их последовательность. Несмотря на соотносимость данных жанров с научными текстами статистического содержания, они также используются в гуманитарных текстах: например, для демонстрации последовательности действий, поскольку такой формат выражения информации сокращает объем текстовых данных, упрощает процесс восприятия, упорядочивает мысль и излагает её в хронологической или иерархической последовательности.

Е. А. Соловьёва, описывая роль графики в создании текстовой информации как теоретическую и методическую проблему, говорит о том, что включение графической информации позволяет создать диалогическую структуру текста. Автор пишет о неактуальности вопроса о первичности КТ или вербального материала и, ссылаясь на М. М. Бахтина, напоминает о том, что любое высказывание функционирует в диалогической цепи общения. Графичность текста в свою очередь также демонстрирует проявление диалогичности [Соловьёва, 2006].

Помимо этого, стоит упомянуть структурную составляющую использования КТ в научном дискурсе: таблицы, рисунки и графики позволяют автору компактно размещать объёмные цифровые или статистические данные в тексте, представлять результаты исследования, а читателям – декодировать больший объём информации за меньшее время.

Несмотря на строгость и кодифицированность научных текстов, КТ в этом типе дискурса представлены в широком жанровом разнообразии. К основным жанрам можно отнести КТ с геометрическим и символьным содержанием: графики, диаграммы, рисунки, таблицы, схемы, чертежи, формулы. По мнению Ч.И. Сальман Чиад, эти КТ объясняют и представляют данные на универсальном языке, что упрощает восприятие и понимание информации [Сальман Чиад, 2022].

Рассмотрим особенности каждого из названных жанров на примере КТ, отобранных в процессе исследования.

1. Формула.

Согласно толковому словарю под ред. Д. В. Дмитриева, термин «формула» имеет несколько вариантов определения. Понимание формулы как жанра научного дискурса базируется на следующем определении: «Формула – это условное выражение числами, буквами, знаками каких-либо величин, отношений, составов, элементов и т.п.» [Дмитриева, 2003]. Для выражения формулы применяются особые символы и знаки, она может быть создана с помощью машинного набора или изложена в письменном варианте и оцифрована.

Описывая особенности функционирования формул в научных текстах, М.А. Терпак и Л.В. Абдрахманова предлагают рассматривать формулу или её элементы как полноправные члены предложения [Терпак, Абдрахманова, 2020]. По мнению исследователей, декодирование формулы иногда невозможно без глобальной информации, содержащейся в тексте. Кроме того, реципиент должен обладать особыми знаниями и компетенциями для верного прочтения. В остальных же случаях формулы являются самостоятельными единицами и носителями информации, поэтому их связность с текстом объясняется авторской интенцией, но не необходимостью раскрытия содержания текста.

К особенностям формул можно отнести использование специальных знаков и

символов, букв греческого и латинского алфавитов для обозначения величин, сокращений и числовых данных. В текстах научного дискурса это даёт возможность сжато излагать результаты вычисления и демонстрировать связь явлений, т.к., например, вместо словосочетания «ускорение свободного падения» достаточно использовать общепринятую букву *g*. Как правило, формула следует после краткого комментария, а затем размещается блок с обозначениями элементов формулы с традиционной конструкцией «где *A* – это..., *B* – это...».

Формулы встречаются в математических, физических, химических научных текстах. Но их использование возможно также в научно-популярных статьях. Например, в 2014 г. на портале Lenta.ru была опубликована статья «Красота спасёт "пи": 38 самых привлекательных математических формул», в которой содержатся формулы из разных отраслей математической науки.

2. Таблица.

Следующей формой изложения выступает таблица – способ структурирования информации, заключающийся в распределении данных по столбцам и строкам. Таблица позволяет обобщить и систематизировать результаты исследования, продемонстрировать взаимозависимость и соотносимость различных элементов, особенно, если перед автором стоит задача передать ряд числовой информации.

Таблица включает несколько основных и факультативных элементов: как правило, все тексты содержат графы (колонки), строки, часто – головки с делением на заголовки и подзаголовки граф, боковик (графа для заголовков). Информация, преподнесённая в таком виде, нередко содержит сокращения, условные обозначения, текст может оформляться полужирным начертанием или курсивом для выделения значимых частей.

Например, в работе экономической направленности «Анализ состояния фармацевтического рынка в Российской Федерации в условиях предкризисной ситуации» Н. В. Юргель, Е. А. Тельновой (2009) можно встретить несколько таблиц: «Таблица 1. Основные экономические и социальные показатели по Российской Федерации», «Таблица 2. Индексы цен и тарифов на конец периода, %», «Таблица 8. Динамика соотношения импортных и отечественных ЛС на фармрынке в 2006-2007 гг., в %» и др. Такой формат позволяет отразить динамику обозначенных величин при одинаково заданных параметрах (например, индекс потребительских цен в ноябре и декабре 2007 г.).

Данный жанр КТ широко применяется в научных текстах различной направленности, нередко в дидактических целях, поскольку позволяет облегчить процесс декодирования и запоминания учащимися материала, наглядно демонстрирует процесс классификации, установления причинно-следственных связей. Также Э. Н. Кашапова и Е. В. Яковлева в работе «Приёмы работы с таблицей в обучении русскому языку» пишут о том, что таблицы оказываются особенно эффективными в процессе изучения частей речи, поскольку в краткой форме излагают информацию о морфемном составе слова, характерных морфологических признаках и синтаксической роли [Кашапова, Яковлева, 2016].

3. Диаграмма.

Оптимальным средством для выражения процентных или числовых значений

выступает диаграмма – графическое изображение, демонстрирующее соотношение различных единиц, динамику коэффициентов, хронологию событий, объём данных. Одним из преимуществ такого жанра можно считать возможность автора самостоятельно определять внешний вид текста, подбирать цветовую гамму и тип диаграммы.

В научных статьях, как правило, встречаются диаграммы-области, гистограммы, круговые, сетчатые диаграммы. Они активно используются в работах по экономике, праву, политологии и другим социальным наукам.

Например, в работе «Вероятностная модель прогнозирования прибытия круизных или паромных судов в морской порт для оценки инфраструктуры» И. И. Майорова, В. А. Фетисова, А. А. Добровольской (2022 г.) приведены столбчатые и линейные диаграммы: *«Анализ пассажиропотока морских пассажирских портов Балтийского моря в период 2018-2022 гг.»*, *«Распределение прибытий круизных и паромных судов в Пассажирский порт Санкт-Петербург»*. В первом случае для построения диаграммы авторы использовали цветовую дифференциацию для обозначения количества пассажиров для 6 портов в 4 временных промежутках. Во втором случае каждый столбец диаграммы соответствует отдельному причалу Пассажирского порта Санкт-Петербург и указывает количество судов.

Независимо от выбранного типа диаграммы, использование этого жанра КТ даёт возможность наглядно изобразить соотношение элементов, упрощает процесс сравнения значимых компонентов. Кроме того, использование различных цветов и форм также служит средством изложения авторской мысли.

4. Схема.

Схема, как и ранее названные жанры КТ в научном дискурсе, позволяет визуализировать и отразить на письме различные процессы, отобразить динамику явлений, наглядно показать последовательность различных этапов этих явлений.

Схема является одним из наиболее свободных жанров, поскольку характеризуется большей вариативностью структуры при довольно широком наборе элементов. Для демонстрации связи и иерархичности используются стрелки, линии, геометрические фигуры. Например, О. О. Высокоморная, Г. В. Кузнецов, П. А. Стрижак в работе «Тепломассоперенос при локальном нагреве и зажигании жидкого топлива сфокусированным потоком излучения» (2010) приводят *«Схему области решения задачи: 1) парогазовая смесь; 2) жидкое топливо»*, которая включает линии разного характера (прямые, изогнутые, пунктирные), заштрихованные элементы, буквы для обозначения радиуса, области и других величин и данных.

Нередко информация в научном дискурсе излагается в виде блок-схем – схем, в которых каждый элемент заключен в отдельный прямоугольник, при этом расположение единиц отражает принадлежность компонентов к определённому уровню и взаимосвязь между собой. Такой, например, является *«Схема материальных потоков химического завода ОАО "АЭХК"»* из статьи О. Б. Громова, А. Н. Дьяченко, Д. А. Петрова, В. А. Середенко «Извлечение вольфрама и молибдена из ураносодержащих растворов системы регенерации отходов сублиматного производства» (2011).

5. График.

Графиком принято называть чертёж, который изображает количественные показатели состояния чего-либо при помощи кривых. Такой жанр КТ помогает автору изложить данные об одном элементе научного исследования или о нескольких, что делает сравнительный анализ ещё более наглядным.

Как и таблицы, графики позволяют изображать значения измеряемых единиц в динамике и в соотношении с другими данными, используя несколько цветов или типов линий. Примером графиков могут служить рисунки, приведённые в статье Е. Ю. Головиной, Ю. Д. Горюновой, Г. Н. Чупахиной «Накопление некоторых антиоксидантов в листьях колосняка песчаного (*Leymus arenarius* (L.) Hochst.) Балтийской и Куршской косы»: «Рис. 1. Содержание АК в листьях колосняка песчаного Балтийской косы», «Рис. 2. Динамика накопления рутина в листьях колосняка песчаного Балтийской косы» и др.

Для оформления данных в графиках часто используют условные обозначения, сокращения. Как правило, такие КТ не являются самостоятельными и требуют кратких комментариев, обычно они располагаются в подписи к рисунку или рядом с графиком.

Перечисленные виды КТ являются наиболее используемыми в научном дискурсе, однако перечень возможных форм и жанров не ограничивается приведёнными выше. Авторы обращаются к жанрам рисунка, чертежа, которые имеют относительно свободную структуру изложения мысли, нежели таблицы или формулы, а также характеризуются большим набором элементов для создания КТ.

Определённая закономерность в употреблении отдельных жанров КТ в научном дискурсе разной тематической направленности всё же есть. Анализ отобранного нами материала показал, что, например, формулы довольно редки для работ по гуманитарным дисциплинам (филология, история), а в текстах технической направленности их число может достигать нескольких десятков. Таблицы же являются более универсальными элементами и функционируют (разумеется, в разной степени) как в естественных и точных, так и в социальных науках.

Употребление КТ в научном дискурсе объясняется необходимостью реализации ряда функций в тексте: когнитивной, информативной, аттрактивной, смысловыделительной и др. Различное сочетание вербальных и невербальных компонентов позволяет визуализировать информацию, заложенную в тексте, иллюстрировать сведения, дополнять текстовый материал поликомпонентными элементами. Таким образом, потенциал КТ, их роль в изложении информации, в обучении делают их использование необходимым этапом в создании текстов научного дискурса.

Литература

- Анисимова Е. Е. (2003). *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. Москва, Академия, 128.
- Валгина Н. С. (2003). *Теория текста*. Москва, Логос, 173.
- Гальперин И. Р. (1981). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва, Наука, 139.
- Дюмон Н. Н. (2008). Понятия «научный текст» и «научный дискурс» в лингвистических исследованиях». *Альманах современной науки и образования*, 8 (15), 1, 65–67.
- Кашапова Э. Н., Яковлева Е. В. (2016). Приемы работы с таблицей в обучении русскому языку.

Филологический класс, 2 (44), 52–56.

Кротков Е. А., Кожемякин Е. А. (2013). Научный дискурс. *Дискурс-Пи*, 3(10), 138–139.

Сальман Чиад Ч. И. (2022). К вопросу о научном дискурсе и его особенностях *Преподаватель XXI век*, 2-2, 421–432.

Соловьева Е. А. (2006). Роль графики в создании текстовой информации как теоретическая и методическая проблема. *Интеграция образования*, 3, 172–176.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. (1990). Креолизированные тексты и их коммуникативная функция. *Оптимизация речевого воздействия*. Москва, Наука, 180–186.

Терпак М. А., Абдрахманова Л. В. (2020). Сравнительный анализ методов и типов креолизации англоязычных и русскоязычных научно-технических текстов (на примере текстов железнодорожного дискурса). *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 2 (26), 127–136.

Дмитриева Д. В. (ред) (2003). *Толковый словарь русского языка* Москва, Астрель, 989.

References

Anisimova E. E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)*. [Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts)] Moscow, Akademiya, 128.

Valgina N. S. (2003). *Teoriya teksta* [Text theory] Moscow, Logos, 173.

Gal'perin I. R. (1981). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research] Moscow, Nauka, 139.

Dyumon N. N. (2008). Ponyatiya «nauchnyy tekst» i «nauchnyy diskurs» v lingvisticheskikh issledovaniyakh». [The concepts of "scientific text" and "scientific discourse" in linguistic research"] *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 8 (15), 1, 65–67.

Kashapova E. N., Yakovleva E. V. (2016). Priemy raboty s tablitsy v obuchenii russkomu yazyku. [Techniques for working with a table in Russian language teaching] *Philological class*, 2 (44), 52–56.

Krotkov E. A., Kozhemyakin E. A. (2013). Nauchnyy diskurs [Scientific discourse] *Discourse-P*, 3(10), 138–139.

Sal'man Chiad Ch. I. (2022). K voprosu o nauchnom diskurse i ego osobennostyakh [On the issue of scientific discourse and its features] *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2-2, 421–432.

Solov'eva E. A. (2006). Rol' grafiki v sozdaniy tekstovoy informatsii kak teoreticheskaya i metodicheskaya problema [The role of graphics in the creation of textual information as a theoretical and methodological problem] *Integration of Education*, 3, 172–176.

Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function] *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech effects], Moscow, Nauka, 180–186.

Terpak M. A., Abdrakhmanova L. V. (2020). Sravnitel'nyy analiz metodov i tipov kreolizatsii angloyazychnykh i russkoyazychnykh nauchno-tekhnicheskikh tekstov (na primere tekstov zheleznodorozhnogo diskursa) [Comparative analysis of methods and types of implementation of English-language and Russian-language scientific and technical texts (using the example of railway discourse texts).] *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2 (26), 127–136.

Dmotrieva D. V. (ed) (2003). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* Moscow, Astrel', 989.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 25.10.2023.
Принята к публикации 30.11. 2023.

Об авторе

Рештаненко Анна Александровна – аспирант, преподаватель, Московский политехнический университет;
ORCID: 0000-0003-1289-0576; ann.reshtanenko@gmail.com

Reshtanenko A. A.

CREOLIZED TEXT AS AN ELEMENT OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. The study of the peculiarities of the functioning of creolized texts in scientific discourse is one of the stages of multifaceted study by the author of this type of texts in modern Russian language. Creolized texts are a combination of two inhomogeneous plans: verbal and non-verbal. Scientific discourse has a lot of genres, stylistic and structural features, which are chosen based on the content of the text and the intention of the researcher. The use of creolized texts allows to visually present the results of the study, simplify the process of decoding information by readers, which contributes to a better understanding and memorization of the material. The article examined the main genres of multicomponent texts based on the material of scientific Russian-language publications from various fields of science: formulas, tables, diagrams, graphs, drawings. The study of creolized texts as an element of scientific discourse demonstrated the connection of the genres of discourse with the genres of creolized texts, and also illustrated the potential of this type of text in the presentation of information, in the training of recipients.

Keywords: creolized text, scientific discourse, genre, creolization

For citation: Reshtanenko A. A. Creolized text as an element of scientific discourse. *Memoirs of NovSU*. 2023, 6(51), 720-728. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).720-728

Заика В. И., Яшина Д. С.

УЧЕБНЫЙ ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Аннотация. В работе рассматривается учебный вторичный текст понимается как результат речевой деятельности учащегося, выполняющего задание, трансформировать художественный текст. В процессе уточнения содержания центрального понятия подробно рассмотрено содержание терминологических элементов: текст, вторичный, учебный, а также терминов, обозначающих смежные явления. Исходный текст понимается как текст-объект, на который направлено внимание читателя; референтное пространство (произведение) понимается как продукт восприятия, понимания и переживания исходного текста; первичный текст – понимается как продукт восприятия исходного текста с установкой на создание вторичного текста. Референтное пространство и первичный текст являются ментальным образованием, промежуточным звеном в процедуре трансформации исходного во вторичный текст. Об особенностях устройства референтного пространства можно только догадываться, о первичном тексте можно только предполагать по эксплицированным словам, Вторичный же текст социально обусловлен, то есть написан по общепринятым нормам и открыт для понимания всяким носителем языка, в том числе обучающим. Этот фактор усиливается сформулированным заданием – вторым исходным текстом для написания вторичного. Описанные в статье понятия, связанные с учебным вторичным текстом следует учитывать при определении параметров описания этих текстов для выявления особенностей референтного пространства и первичного текста, которые являются скрытыми от непосредственного наблюдения механизмами трансформации художественного текста в учебный вторичный текст.

Ключевые слова: текст, исходный текст, вторичный текст, первичный текст, ключевые слова, произведение, референтное пространство, текст-объект, текст-результат

Для цитирования: Заика В.И., Яшина Д.С. Учебный вторичный текст: к вопросу о содержании понятия // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 729-743. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).729-743

Умение, навык создавать текст о тексте вырабатывается (или не вырабатывается) во время учебы в школе или вузе. Обучающийся, выполняя задачу пересказа текста (написания изложения, составления конспекта, плана, аннотации и пр.), составляет свой текст. Составление такого текста, который часто называют вторичным, формирует умение воспринимать, понимать **текст-объект**, и умение излагать результаты работы с текстом-объектом согласно заданию, предполагающему составление **текста-результата**, который является источником сведений о характере восприятия и понимания.

Для исследования текста-результата как продукта трансформации текста-объекта в процессе обучения пересказу необходимо точно определить основной термин – **учебный вторичный текст**, поскольку только по тексту-результату можно судить о сложностях восприятия, осмысления исходного текста и выражении мысли в продукте сложной речевой деятельности.

В приводимые определения термина включают признаки, существенные для исследования объекта, чтобы называемое понятие, будучи элементом теории, обеспечивало выполнение этой теорией своей главной функции – быть инструментом выполнения задач исследования. То есть набор признаков понятия должен соответствовать задачам исследования.

Цель статьи – определить содержание понятия учебный вторичный текст для исследования его особенностей как результата трансформации художественного текста.

Составной термин **учебный вторичный текст** определяется по-разному, и каждый его элемент требует уточнения.

Текст. В широком понимании текстом считается «всякий связный знаковый комплекс» [Бахтин, 1986, с. 297]. В работах по семиотике «текстом считается не только вербальное, но и невербальное произведение: это может быть музыкальное произведение, произведение живописи, танец, театральная постановка и др., то есть все, что построено с использованием знаковых систем» [Садченко, 2009, с. 104]. По отношению к текстам как разного рода семиотическим артефактам Ю.М. Лотман выделил такие признаки, как выраженность (текст зафиксирован в определённых знаках), отграниченность (противопоставляется знакам, не входящим в его состав, и другим системам, не имеющим границ), структурность (всегда иерархически организован) [Лотман, 1970, с. 67–69]. Многие свойства текста рассматриваются при разграничении в нем плана выражения – его языковой организации, и плана содержания – тематической, информационной его стороны [Купина, 1980; Лотман, 2001; Бондарко, 2001; Заика, 2006; Болотнова, 2009; Земская, Качесова, Комиссарова, Панченко, Чувакин, 2010] и др. Наличие этих двух планов обычно подразумевается в силу знакового характера текста.

В лингвистических работах понятие текст конкретизируется посредством введения различных уточняющих элементов. В определениях часто указывается на графическую форму и составные элементы: текст – **письменное** сообщение, **упорядоченное** множество предложений, обладающих связностью и целостностью [Лосева, 1980, с. 4; Лукин, 1999, с. 5; Тураева, 2018, с. 11] и др. В определении «текст – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [ЛЭС, 1990, с. 507] употреблен более точный, чем **упорядоченность**, термин **последовательность**. Упорядочены и линейные, и нелинейные тексты, например, живописные полотна, **последовательность** же подразумевает **линейность**, которой обусловлены указанные важнейшие признаки – **связность** (когезия) и **цельность** (когерентность). При исследовании словесных художественных текстов продемонстрирована важность связанных с линейностью связности, цельности, а также членимости [Заика, 2006].

В целом наиболее существенными, конститутивными свойствами текста, отмеченными в определениях, являются наличие знаков, их последовательность, связность и цельность [Лосева, 1980, с. 4; Слюсарева, Трошина, Новиков, 1982; ЛЭС, 1990, с. 507; Лукин, 1999, с. 5; Заика, 2006, с. 159; Тураева, 2018, с. 11] и др.

В специальных работах, посвященных вербальным текстам разного типа, обычно даются более развернутые определения, включающие, кроме основных признаков, иные признаки, обусловленные задачами исследования. Например, во многих работах о художественном тексте цитируется включающее большое количество свойств определение, предложенное И.Р. Гальпериным. Текстом он назвал «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную

целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2006, с. 18]. Кроме того, в тексте работы И.Р. Гальперин рассматривает ряд категорий, согласно которым конститутивными признаками текста являются информативность, членимость, модальность, интеграция, завершенность и др. [Гальперин, 2006].

В связи с применением понятия «текст» для исследования трансформации текста-объекта в текст-результат оптимальным считаем такое определение: **текст – последовательность знаков, обладающая связностью и цельностью**. Все перечисленные признаки подразумевают указанную выше двуплановость (двусторонность) текста.

Текст, произведение (референтное пространство). Прежде чем переходить к обсуждению других терминоэлементов, уточним в общих чертах смежное тексту понятие **произведение**. (Многочисленные случаи употребления термина произведение в качестве синонима термина текст мы не рассматриваем.)

При разграничении понятий **текст** и **произведение** различие их видится по-разному. Например, М. М. Бахтин писал: «текст – печатный, написанный или устный = записанный – не равняется всему произведению в его целом (или «эстетическому объекту»)» [Бахтин, 1986, с. 390].

Р. Барт разводит произведение как традиционное понятие и текст как «новый» объект, который получен «в результате преобразования прежних категорий», у него «произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст — поле методологических операций», «произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе», «Текст — не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом», «Текст ощущается только в процессе работы, производства. Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться — например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений» [Барт, 1989, с. 414]. Таким образом, текст понимается Бартом как деятельность в связи с вещественным результатом деятельности – произведением.

Другие же исследователи, напротив, считают, что произведение является более сложным, чем текст, например, Ю. М. Лотман, предлагавший отказаться от отождествления текста и художественного произведения: «Текст – один из компонентов художественного произведения, конечно, крайне существенный компонент, без которого существование художественного произведения невозможно. Но художественный эффект в целом возникает из сопоставления текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [Лотман, 1972, с. 24-25].

Полагаем, что в Бартовом понимании текст не просто «больше» произведения (в сравнении с противопоставлением этих понятий, например, у Ю. Лотмана), текст у Р. Барта «это более сложное и продуктивное видение объекта, ... а также иной объект, в истории словесности пришедший на смену произведению» [Заика, 2011а, с. 34].

Применительно к художественной литературе мы исходим из такого разграничения: «**Текст** – заданная, предопределенная замыслом последовательность элементов. **Произведение** – результат переживания восприятия этого текста. Психический результат зависит от стольких зыбких факторов, что говорить об

идентичности любых двух результатов невозможно» [Заика, 2006, с. 111]. Вместо термина **произведение** (ввиду его распространенности и неоднозначности) было предложено употребление термина **референтное пространство** (совокупность референтов), которое ограничивается от плана содержания текста (образов, обеспечивающих создание референтов) и от художественной модели (дотекстовой, авторской совокупности референтов) [Заика, 2006].

Разграничение текста и референтного пространства (произведения) существенно для рассмотрения текста-результата, например, школьного сочинения по некогда прочитанному тексту-объекту. Ниже мы вернемся к этому разграничению.

Исходный текст. Текст, учебные процедуры с которым являются предметом исследования (текст-объект), в разнообразной учебной литературе называется обычно **исходным текстом**. Исходными считаются все тексты, с которыми работают обучающиеся: пересказывают, воспроизводят, передают его содержание, основные мысли и т.д. В переводоведении понятие **исходный текст** считается теоретико-переводческой универсалией и определяется как «первичный текст относительно текста перевода; текст оригинала; текст, который переведен; оригинал» [Раренко, 2010, с. 55].

В лингвистических работах о вторичных текстах употребляют для обозначения текста-объекта, кроме термина **исходный текст**, также **текст-источник**, **текст-оригинал**, **первичный текст**, **прототекст** [Голев, Ким, 2009; Байкова, 2010; Мельник, 2014; Багдасарян, 2014] и др., а также **протослов** [Вербицкая, 2000], **встречный текст** [Исенбаева, 2009]. (Последние два термина распространения не получили.)

Термин **исходный текст** считаем наиболее подходящим обозначением текста-объекта для исследования текста-результата (вторичного текста).

Учебный текст. Относительно терминоэлемента **учебный** заметим следующее. В работах об учебных вторичных текстах [Бабайлова, 1987, с. 122; Яхиббаева, 2008], [Берецкая, 2018] и др. – это тексты, созданные в дидактических целях. В связи с разнообразием дидактических целей можно выделить два типа учебных вторичных текстов: тексты обучающих для обучаемых и тексты обучаемых для обучающихся.

Тексты первого типа создаются обучающими как средство обучения, являются «частью совокупной информации учебника, предназначенной для управляемого становления текстовой деятельности, на основе которой дается система знаний по определенной дисциплине» [Бабайлова, 1987, с. 5-6]. Это тексты для формирования знаний.

Тексты второго типа создаются обучаемыми. Создание текста такого типа – это трансформация (в том числе репродукция) исходного (в том числе художественного) текста для проверки и оценки умения обучаемого осуществлять речевую деятельность. Это тексты для контроля умений. К текстам этого типа относят не только изложения, рефераты, обзоры, клоуз-тесты, творческие диктанты, отличающиеся целостностью, но и фрагменты учебных текстов. Например, И. В. Лаврова под термином «аргументативный вторичный текст» подразумевает вторичный текст в сочинении ЕГЭ как компонент, выполняющий функции аргумента приведенного тезиса [Лаврова, 2009]. Автосемантическая природа таких компонентов подтверждается не только абзачным членением, но и наличием специальных клише для ввода этой «опоры на читательский

опыт» в текст сочинения.

Из двух типов учебных вторичных текстов (для знаний и для умений) наше внимание будет сосредоточено на втором типе, это продиктовано исследовательским интересом к интеллектуальным операциям воспринимающего, о которых можно судить по первичным текстам и референтным пространствам, так или иначе выраженным во вторичных текстах.

Таким образом, **учебный** применительно тексту-результату обозначает 'выполненный по заданию продемонстрировать умение излагать результаты восприятия, понимания, переживания исходного текста'.

Вторичный текст, паратекст. Термин **вторичный** текст обозначает распространенное понятие, используемое в научной, официально-деловой, юридической и других коммуникациях.

Понятие вторичного характеризуется двояко. Во-первых, перечислением объектов: в различных списках не только аннотации, рефераты, конспекты, школьные изложения, шпаргалки, пародии, переводы, рецензии, интервью, стенограммы, протоколы, но и заголовки, подзаголовки, оглавления, списки ключевых слов, библиографические описания, списки действующих лиц, комментарии-гlossы для иностранцев и др. Во-вторых, описанием значения термина, например, вторичным называется всякий текст, созданный в отношении (в связи, на основе, на тему, благодаря) исходного (первичного) текста, или иначе: вторичный текст – «знаковая (языковая) форма, объективирующая продукт речемыслительной деятельности индивида по пониманию исходного текста» [Исенбаева, 2010, с. 3]. Определенное таким образом понятие вторичный текст позволяют объединить самые разные объекты.

Некоторые исследователи сужают понятие вторичный текст, отграничивая он него так называемые **паратексты** (понятие и термин Жерара Женетта) – «пограничные элементы литературного текста, которые создают рамку его восприятия и интерпретации» (цит. по [Skare, 2020]). Это промежуточные текстовые инстанции между текстом и реальностью – «элементы оформления книги (печать, заголовков, аннотация) или сопутствующие ей внешние рекламные тексты, включая авторские интервью, «(знаки того, каким образом следует читать основной текст, то есть знаки авторской (и издательской воли)», («маргинальные» сигналы рецепции текста)» [Женетт, 1998, с. 21].

Согласно Ж. Женетту, паратекст подразделяется на **перитекст** и **эпитекст**: первый представляет собой то, что относительно тесно связано с самой книгой: суперобложка, название, указание жанра, предисловие и эпилог. Эпитекст состоит из утверждений о книге за её пределами: интервью, письма, дневники, переписки и статьи о тексте (цит. по [Skare, 2020]). С. Н. Зенкин выделяет метатекстуальную функцию как главную функцию паратекста: паратекст «задаёт в кратком или развёрнутом виде программу чтения текста, его код» [Зенкин, 2018, с. 262]. Это, разумеется, касается определенных типов паратекста.

Т. В. Шмелева рассмотрела паратекст медийного текста (заголовков, подзаголовков, лид, врезка и пр.), исходя из представления о трехэлементной структуре текста (тематическая основа, рематический сюжет, авторское начало). С авторским

началом соотносятся различные элементы презентации автора (фамилия, сведения о профессиональной деятельности и пр.), с рематическим сюжетом соотносятся распространенные в последнее время врезки рематизирующие наиболее существенные моменты материала. С тематической основой соотносятся такие элементы паратекста как заголовок, подзаголовок и лид [Шмелева, 2009]. В работе описаны разнообразные проявления медийного паратекста, относящегося, по удачному выражению автора, к **инфраструктуре** медиатекста.

Граница между видами паратекстов и собственно вторичных текстов размытая, многие паратексты (преимущественно перитексты) не вполне соответствуют понятию текст (заголовки, оглавления, ключевые слова, предметные указатели и др.), конститутивные признаки которого были перечислены выше, поэтому паратексты можно считать особыми типами широко понимаемых вторичных текстов.

Понятие **вторичный текст** конкретизируется в процессе изучения различного материала в разных аспектах. Так, М. В. Вербицкая, выясняющая филологическую сущность вторичных текстов, которые строятся на подражании другому (первичному) тексту [Вербицкая, 2000, с. 47], исследовала пародийные отступления и другие вторичные внесения в литературных произведениях. В работе подробно и многоаспектно сопоставлены **перифраз**, **пародия** и **стилизация**. Предметом изображения перифраза является объективная реальность. Форма перифраза воспроизводит особенности стиля другого широко известного произведения, к которому автор вторичного текста относится вполне положительно. Авторская оценка направлена на изображаемые аспекты действительности, а использование чужого стиля «подчинено задаче достижения комического эффекта за счет несоответствия формы и содержания». В пародии, в отличие от перифраза, литературное произведение изображается в единстве его формы и содержания, «то, что было формой оригинала (композиция, приемы создания образов, ритмическая организация и пр.) становится содержанием пародии» [Вербицкая, 2000, с. 80]. Стилизациями, по мнению автора, следует считать только те произведения, которые «ориентированы на воспроизведение «чужого стиля» как основного предмета изображения» [Вербицкая, 2000, с. 90].

Ряд проблем рассматривается в переводоведческих работах: разграничение первичных и вторичных текстов, выявление признаков самостоятельности последних [Нестерова, Попова, 2017], реализация стратегий, при которых во вторичных текстах воспроизводится только содержание исходного или и содержание, и форма [Дымант, Княжева, 2017]. Также вторичные тексты рассматриваются в связи с интерпретационной деятельностью, литературной критикой, автоматической обработкой текста и др.

Интерес исследователей вызывают **модели порождения вторичных текстов**, например, Н. Л. Сунцова описывает порождение вторичного текста по денотатной структуре – форме представления ментального образования, которое является результатом понимания исходного текста. Считается, что денотатная структура позволяет программировать порождение вторичного текста благодаря наличию в этой структуре предикативного плана [Сунцова, 1999]. Н. Д. Голев и Н. В. Сайкова, исходя из того, что производство вторичных текстов имеет деривационный характер, а

отношение между исходными и вторичными текстами понимается как «кодовые трансформации», предложили рассматривать **степень деривационности** в трех аспектах: аспекте **формы** (например, преобразования количественные при составлении конспекта или аннотации), аспекте **содержания** (различные преобразования, связанные с новыми содержательными компонентами: их отсутствием (диктант) или наличием (комментарий), аспекте **функции** (преобразования, связанные с родо-жанровыми трансформациями: киносценарий, доклад) [Голев, Сайкова, 2000].

Промежуточное звено. В работах о порождении вторичных текстов говорится о так называемом «промежуточном звене» этого явления. Имеется в виду **ментальное образование**, которое возникает в мышлении как результат осмысления и понимания исходного текста и служит исходным пунктом для порождения вторичного текста. Для наименования промежуточного звена употребляют термины «**смысловой сгусток**», «**концепт исходного текста**», «**инвариант преобразования исходного текста**» (Н. М. Нестерова, Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова, А. И. Новиков, Н. Л. Сунцова, Л. М. Яхиббаева и др.). Например: «При восприятии текста происходит его свертывание в некий "смысловой сгусток" (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму (варианты) [Голев, Сайкова 2000]. В более поздней работе с участием Н. Д. Голева моделируемая речевая единица называется **смысловой версией**: «Она, подобно лексико-семантическому варианту слова, извлекается из интерпретируемого текста в результате речевой интерпретационной деятельности реципиента, <...> версия воплощается в форме интерпретирующего текста» [Голев, Ким, 2009, с. 17]. А. И. Новиков и Н. Л. Сунцова в пределах промежуточного звена выделяют два рода явлений: 1) **темы и ключевые слова**, уточняя, что, будучи словами, они являются единицами внутренней речи и «служат знаками гораздо более широкого содержания, чем их собственные значения как слов естественного языка» (о широте содержания темы говорит то, что ее называют **пусковым механизмом** вторичного текста), а также 2) **предметно-схемные представления** текста – многослойные образования, которые состоят тоже из номинативных единиц, но эти единицы (подтемы, субподтемы, микротемы) иерархически связаны и уже потому подразумевают предикативность, указывающую «направление» развертывания. На этом основании авторы считают вторичными текстами не только рефераты, аннотации и пр. образованные в результате развертывания ментальных структур, но и сами ментальные структуры, если они вербализованы [Новиков, Сунцова, 1999].

Таким образом, в работах, упомянутых выше, понятие вторичный текст предполагает отношение его к тексту первичному – исходному, **интеллектуальные операции** над которым трактуются как некое промежуточное звено, ментальные структуры.

Первичный текст. В концепции философа И. Т. Касавина термин первичный текст, как нам представляется, используется для характеристики этого промежуточного звена. Разграничение первичного и вторичного текста у И. Т. Касавина основано на различиях первичной и вторичной работы: первичная является творческой, она побуждается личным интересом автора к новой теме, выражает его идеи и вкусы,

вторичная работа обусловлена внешними обстоятельствами [Касавин, 1999, с. 338], например, обстоятельствами, связанными с оформлением результатов исследования. Опираясь на положения Х. Л. Борхеса, Л. Витгенштейна и современных философов, И. Т. Касавин разграничивает первичные и вторичные тексты так: первичные тексты «связаны с процессом исследования, их смыслы индивидуальны и закрыты, интровертны, связи образов ассоциативны, стиль личностный, отражающий структуру индивидуального творческого процесса, «индивидуальной культурной лаборатории». Природа вторичных текстов определена задачами изложения, опубликования; их смыслы общезначимы и открыты для понимания, экстравертны, связи логические, стиль общепринятый» [Касавин, 2008, с. 203]. Автор поясняет различие между первичным и вторичными текстами также аналогией с мифом (ссылаясь на Курта Хюбнера): когда рассказчик мифа отождествляет себя с героем, и текст вырастает до реальности – это первичный текст. А когда мифы перерастают в фольклор, в мифологию, становятся литературой, то здесь человек уже не окунается в миф, а слушает. Миф оторван от ритуала, и это мешает человеку проживать этот миф. Это текст вторичный. Вторичные тексты – это тексты, созданные для социума, они являются источниками информации, могут быть прочитаны, поняты, оценены.

Особенности первичных текстов состоят в том, что они связаны с творческим актом и являются способом «фиксации некой новой реальности, о существовании которой до момента представления текста ничего нельзя сказать», – это «первая попытка упорядочения нового» [Касавин, 2008, с. 209, 212]. Автор иллюстрирует ситуацию создания первичного текста примером, в котором географ описывает неизвестную местность: «все чем располагает географ – это его одиночество, и предшествующее знание, опирающееся на убеждение о единообразии законов природы» [Касавин, 2008, с. 209]. Предшествующее знание исследователя сформировано в том числе при содействии разного рода текстов, которые в этой функции не называются первичными. **Первичный текст** – это результат осмысления исследователем действительности на стадии создания понятий и образов, начальный продукт приложения его индивидуального опыта к пониманию и переживанию **новой реальности**. Это **черновик**, которому предстоит стать вторичным текстом при изложении результатов понимания и переживания новой реальности посредством общезначимых единиц в общепринятом стиле. Полагаем, что коль скоро черновик назван текстом, то его создание – это своего рода семиозис, означивание новой реальности знаками, понятными только создателю. Знаки могут иметь экспоненты, например, в виде набора слов, схемы, плана, в котором содержание слов известно только автору (см. выше о нагруженности «слов» внутренней речи личностными смыслами слова). То, что это ментальное образование создается как подлежащее объективации во внешней речи – важнейший признак первичного текста, оправдывающий само его название.

Таким образом, первичный текст в концепции И. Т. Касавина – это не текст-объект, не исходный текст, а один из этапов создания текста, выражающего мысль. Выражающий мысль и предназначенный для восприятия социумом вторичный текст назван так относительно не исходного текста, а относительно первой стадии познания новой реальности.

Референтное пространство. Не будет преувеличением, если назвать чтение художественного текста познанием новой реальности. Приложение опыта читающего к пониманию и переживанию изображенной автором новой для читателя реальности художественного мира является творческим актом. Результатом восприятия художественного текста является упомянутое выше **референтное пространство** (произведение) – ментальное образование, возникающее в сознании читателя, который воспринимает исходный художественный текст: представляет внешность персонажей, воображает окружающую среду, сопереживает описанным событиям, размышляет с повествователем в лирических отступлениях и т.д. Эта смысловая область в пределах долговременной памяти содержит наиболее существенные результаты взаимодействия с текстом, актуальные для опыта читателя во время восприятия. Референтное пространство состоит из разнородных элементов (референтов), среди которых есть и языковые, к которым О. Лещак, описывая «ментальный сценарий», относит «заглавия, имена персонажей, специфические наименования мест событий» [Лещак, 1996, с. 307]. Несмотря на наличие в референтном пространстве языковых элементов, это ментальное образование в отличие от первичного текста – имеет незнаковый характер. А языковые элементы являются наиболее существенными средствами связи этой смысловой области с иными областями.

Таким образом, именно референтное пространство, как результат прочитанного художественного текста, является исходным при написании сочинения по художественному тексту, не исходный текст романа, а **результаты переживания** восприятия текста романа. (Речь, конечно, не идет о сочинениях по текстам, выученным наизусть.)

В связи с нечеткостью границ референтного пространства как смысловой области, нужно учитывать, что, существуя в опыте, референтное пространство изменяется. Референты – персонажи романа, окружающая их среда, изображенные события и др., – воображенные читателем при чтении романа, могут существенно корректироваться не только в результате повторных прочтений, но и в результате просмотра экранизаций и инсценизаций этого романа, чтения литературно-критических статей, учебников, пособий, а также различных сокращенных версий этого текста, пересказов (типа «Все шедевры мировой литературы в кратком изложении»), читательских дневников, рассказов одноклассников и пр. вспомогательных средств. Именно такое, обусловленное уже не только восприятием художественного текста, дополненное, скорректированное референтное пространство обычно становится исходным при написании сочинения по художественному тексту. Как видим, в этом далеком от полноты списке вспомогательных средств указаны разного рода вторичные тексты. (Разумеется, для современных обучающихся разного рода суррогаты («Краткие пересказы» или «Очень краткие пересказы») не корректируют имеющиеся референтные пространства, а являются единственным источником создания представления о художественном тексте. Они не образуют отдельной смысловой области, а входят в смысловую область «Как я сдавал экзамен».)

Итак, референтное пространство и первичный текст – разновидности результата переживания новой реальности, когда исходный текст читается для **себя** или **для иных**

целей, например, для создания учебного вторичного текста. При наличии такого рода цели, то есть перспективы превращения знания для себя в информацию, в знание «для других», обучающийся готовит «пусковой механизм» – придумывает из референтного пространства первичный текст – «черновик» будущего вторичного текста.

В учебных вторичных текстах очевидна их социальная обусловленность. Например, по наличию оснастки в виде клише ввода и удачных композиций характеристики, например, персонажа. При рассмотрении сочинения ЕГЭ как вторичного текста мы установили, что задание указывает на деривационную структуру этого вторичного текста: основу – действия над исходным текстом (сформулировать и прокомментировать проблему, выявить позицию) и формант (аргументируйте согласие/несогласие с позицией) [Заика, 2011б]. В процессе неоднократного выполнения задания вырабатывается определенная модель построения вторичного текста. На этом основании можно говорить, что учебный вторичный текст соотносится с двумя исходными текстами: художественным текстом-объектом и текстом задания.

В работе над материалом – вторичными текстами (сочинениями, изложениями, пересказами) созданными на основе восприятия исходных художественных текстов в учебных ситуациях, для определения понятия **учебный вторичный текст** нужно учитывать следующее. Учебными в этой работе являются тексты, которые выполняются согласно заданию, предполагающему выяснить умение излагать восприятия исходного текста, как объекта восприятия, понимания и освоения (овладения содержанием для последующего использования). В случаях, когда исходным является художественный текст (ситуации написания сочинения или изложения по художественному тексту) вторичный текст создается по референтному пространству (произведению) – ментальному образованию, возникшему в результате восприятия, переживания и понимания исходного текста. Это ментальное образование как результат интеллектуальных операций считается промежуточным звеном между восприятием исходного текста и порождением вторичного. Референтное пространство не имеет признаков текста (семиотичности и линейности) и часто создается на основе не только исходного текста, но и иных источников. В случае наличия перспективы выполнения задания в промежуточном звене на основе референтного пространства или на основе непосредственно исходного возникает так называемый первичный текст, который отличается от референтного пространства своей семиотичностью, наличием знаков, которые являются своего рода черновиком будущего вторичного текста. Совокупность знаков первичного текста может быть эксплицирована в виде плана воспринимаемого текста, ключевых слов и других точек фиксации осмысления первичного текста, полное содержание которых известно только обучаемому. Вторичный текст социально обусловлен, то есть должен быть написан согласно общепринятым нормам, открыт для понимания всяким носителем языка. Однако создание учебного вторичного текста иногда осложняется заданием, и тогда такой вторичный текст пишется по двум исходным текстам. Референтные пространства и первичные тексты, которые востребуются непосредственно (при написании изложения), и эти же элементы промежуточного звена, создаваемые заранее, например, при подготовке к сочинению по художественным текстам, существенно различаются. Еще только предстоит определить параметры описания

вторичных текстов, в том числе и «отягощенных» заданием, для выявления особенностей референтного пространства и первичного текста, которые являются скрытыми от непосредственного наблюдения механизмами трансформации художественного текста в учебный вторичный текст.

Литература

- Бабайлова А. Э. (1987). *Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку*. Саратов, изд-во Саратовского университета, 151.
- Багдасарян О. Ю. (2014). Теоретические подходы к изучению вторичных текстов. *Филологический класс*, 1 (35), 130–139.
- Байкова С. А. (2010). Метатекст. *Знание. Понимание. Умение*, 3, 248–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (Дата обращения: 02.09.2023).
- Барт Р. (1989). *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва, Прогресс, 616.
- Бахтин М. М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. Москва, Искусство, 445.
- Берецкая Е. А. (2018). Вторичный текст в формировании у иностранных студентов, изучающих русский язык, навыков связной речи *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2-1 (80), 189–192.
- Болотнова Н. С. (2009). *Филологический анализ текста: учеб. пособие*. Москва: Флинта, Наука, 520.
- Бондарко А. В. (2001). Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. *Текст. Структура и семантика*. Москва, СпортАкадемПресс. Т. 1. 4–13.
- Вербицкая М. В. (2000). *Теория вторичных текстов на материале современного английского языка*. Москва, Изд. МГУ, 220.
- Гальперин И. Р. (2006). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва, КомКнига, 144.
- Голев Н. Д., Сайкова Н. В. [Мельник] (2000). К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*. Барнаул. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (Дата обращения: 05.03.2023).
- Голев Н. Д., Ким Л. Г. (2009) Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии). *Вестник Челябинского государственного университета*, 27, 12–20.
- Дымант Ю. А., Княжева Е. А. (2014). О некоторых онтологических свойствах перевода в контексте теории вторичных текстов *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 88–94.
- Женетт Ж. (1998). *Фигуры = Figures: в 2 т.* Т. 1. Москва, Изд-во им. Сабашниковых, 470.
- Заика В. И. (2006). *Очерки по теории художественной речи*. Великий Новгород, 407.
- Заика В. И. (2011а). План содержания и референтное пространство художественного текста. *Когнитивная поэтика: проблемы, опыт исследования. Научная серия «Современная русистика: направления и идеи»* Т. III. Olzhtyn. 33–51.
- Заика В. И. (2011б). Ответ на задание с развернутым ответом как вторичный текст (на материале ЕГЭ по русскому языку). *Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей Вып. 4*. Кемерово, 46–53.
- Зенкин С. (2018). *Теория литературы: проблемы и результаты*. Москва, Новое литературное обозрение, 368.
- Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Комиссарова Л. М., Панченко Н. В., Чувакин А. А. (2010). *Теория текста: учеб. пособие*. Москва, Флинта, Наука, 222.
- Исенбаева Г. И. (2010). *Методология порождения вторичного текста: когнитивный аспект: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук*. Уфа, 38.
- Касавин И. Т. (1999). *Миграция. Креативность. Текст: Проблемы неклассической теории познания*. Санкт-Петербург, Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 407.
- Касавин И. Т. (2008). *Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка*. Москва, Канон+, 437.
- Купина Н. А. (1980). *Лингвистический анализ художественного текста: учебное пособие для студентов-заочников V курса факульт. яз. и лит. пед. ин-тов*. Москва, Просвещение, 78.

- Лаврова И. В. (2009). Ученическое сочинение-рассуждение как вторичный аргументативный текст *Культурная жизнь Юга России*, 5, 93–96.
- Лещак О. (1996) *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*. Тернополь, Підручники і посібники, 445.
- ЛЭС (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, Советская энциклопедия, 682.
- Лосева Л. М. (1980). *Как строится текст*. Москва, Просвещение, 96.
- Лотман Ю. М. (1970). *Структура художественного текста*. Москва, Искусство, 384.
- Лотман Ю. М. (1972). *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Ленинград, Просвещение, 271.
- Лотман Ю. М. (2001). *Семиосфера*. Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 703.
- Лукин В. А. (1999). *Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа*. Москва, Ось – 89, 189.
- Мельник Н. В. (2014). *Деривация русского текста: Лингвистические и персонологические аспекты*. Москва, ЛЕНАНД, 278.
- Нестерова Н. М., Попова Ю. К. (2017). О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. №4. 52–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-differentsiatsii-pervichnyh-i-vtorichnyh-tekstov> (Дата обращения: 20.12.2022).
- Новиков А. И., Сунцова Н. (1999). Концептуальная модель порождения вторичного текста. *Обработка текста и когнитивные технологии*, 3. Пушкино, 158–166.
- Раренко М. Б. (2010). Исходный текст. *Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ishodnyy-tekst> (Дата обращения: 25.03.2023).
- Садченко В. Т. (2009). Текст как объект лингвистической семиотики. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 5 (143). Вып. 29, 104–111.
- Слюсарева Н. А., Трошина Н. Н., Новиков А. И. и др. (1982). *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*. Москва, Наука, 192.
- Сунцова Н. Л. (1999). Лингвистическая модель порождения вторичного текста: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 22.
- Тураева З. Я. (2018). *Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика*. Москва, ЛИБРОКОМ, 144.
- Шмелева Т. В. (2009). Паратекст медийного текста. *Структурно-семантические параметры единиц языка и речи: сборник научных статей*. Мурманск, МГПУ, 145–149.
- Яхиббаева Л. М. (2008). Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса *Вестник Башкирского университета*, 4. 1029–1031. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnyy-tekst-kak-osobyiy-vid-vtorichnogo-teksta-i-sostavlyayushchaya-uchebnogo-diskursa> (Дата обращения: 25.03.2023).
- Skare Roswitha (2020). Paratext. *Encyclopedia of Knowledge Organization*. Publication date: 13 February 2020. *Энциклопедия организации знаний*. URL: <https://www.isko.org/cyclo/paratext> (Дата обращения: 25.03.2023).

References

- Babailova A. E. (1987). *Tekst kak produkt, sredstvo i ob'ekt kommunikacii pri obuchenii nerodnomu jazyku* [Text as a product, means and object of communication in teaching a non-native language]. Saratov, Saratov University Publishing House, 151.
- Bagdasaryan O. Yu. (2014). Teoreticheskie podhody k izucheniju vtorichnyh tekstov [Theoretical approaches to the study of secondary texts]. *Philological Class*, 1 (35), 130–139. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-vtorichnyh-tekstov> (Accessed 02.09.2023).
- Bakhtin M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 445.
- Bart R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 616.
- Baykova S. A. (2010). Metatekst. *Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 248–250. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (Accessed 02.09.2023).

- Beretskaya E. A. (2018). Vtorichnyj tekst v formirovanii u inostrannyh studentov, izuchajushhih russkij jazyk, navykov svjaznoj rechi [The role of a secondary text in the formation of coherent speech skills among foreign students studying Russian as a foreign language]. *Philology. Theory & Practice*, 2–1 (80), 189–192.
- Bolotnova N. S. (2009). *Filologicheskij analiz teksta: ucheb. Posobie* [Philological analysis of text: textbook]. Moscow, Flinta: Nauka, 520.
- Bondarko A. V. (2001). *Lingvistika teksta v sisteme funkcional'noj grammatiki. Tekst. Struktura i semantika* [Text linguistics in the system of functional grammar. Text. Structure and semantics]. Moscow, SportAkademPress, 1, 4–13.
- Dymant Yu. A., Knjazheva E.A. (2014). O nekotoryh ontologicheskikh svojstvah perevoda v kontekste teorii vtorichnyh tekstov [Considering essential characteristics of translation within the theory of secondary texts]. *Vestnik VGU. Serija: lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 1, 88–94.
- Gal'perin I. R. (2006). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga, 144.
- Golev N. D., Saykova N. V. [Mel'nik] (2000). K osnovanijam derivacionnoj interpretacii vtorichnyh tekstov [To the foundations of derivational interpretation of secondary texts]. *Jazykoe bytie cheloveka i jetnosa: psiholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty* [Linguistic existence of man and ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects]. Barnaul. Available at: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (Accessed 05.03.2023).
- Golev N. D., Kim L. G. (2009). Variativno-interpretacionnoe funkcionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granic lingvisticheskoi variantologii) [Variable-interpretive functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology)]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 27, 12–20.
- Isenbaeva G. I. (2010). *Metodologija porozhdenija vtorichnogo teksta: kognitivnyj aspekt* [Methodology for generating secondary text: cognitive aspect]: diss. ... Dr. Philol. Sci., abstract. Ufa, 38.
- Kasavin I. T. (1999). *Migracija. Kreativnost'. Tekst: Probl. neklassich. teorii poznanija* [Migration. Creativity. Text: Problem of non-classical theories of knowledge]. St. Petersburg, the Russian Christian Institute for the Humanities, 407.
- Kasavin I. T. (2008). *Tekst. Diskurs. Kontekst: vvedenie v social'nuju jepistemologiju jazyka* [Text. Discourse. Context: introduction to the social epistemology of language]. Moscow, Kanon+, 437.
- Kupina N. A. (1980). *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie dlja studentov-zaochnikov V kursa fakul't. jaz. i lit. ped. in-tov* [Linguistic analysis of literary text: a textbook for fifth-year part-time students of Language and Literature of Pedagogical Institutes]. Moscow, Prosveshhenie, 78.
- Lavrova I. V. (2009). Uchenicheskoe sochinenie-rassuzhdenie kak vtorichnyj argumentativnyj tekst [Student essay-reasoning as a secondary argumentative text]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 5, 93–96.
- Leshchak O. (1996). *Jazykovaja dejatel'nost'. Osnovy funkcional'noj metodologii lingvistiki* [Language activity. Fundamentals of functional methodology of linguistics]. Ternopil, Pidruchniki i posibniki, 445.
- Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'(1990)* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, SJe, 682.
- Loseva L. M. (1980). *Kak stroitsja tekst* [How the text is constructed]. Moscow, Prosveshhenie, 96.
- Lotman Yu. M. (1970). *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow, Iskusstvo, 384.
- Lotman Yu. M. (1972). *Analiz pojeticheskogo teksta. Struktura stiha* [Analysis of poetic text. Verse structure]. Leningrad, Prosveshhenie, 271.
- Lotman Yu. M. (2001). *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 703.
- Lukin V. A. (1999). *Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoi teorii i jelementy analiza* [Literary text: Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis]. Moscow, Os', 89, 189.
- Mel'nik N. V. (2014). *Derivacija russkogo teksta: Lingvisticheskie i personologicheskie aspekty* [Derivation of Russian text: Linguistic and personological aspects]. Moscow, LENAND, 278.
- Nesterova N. M., Popova Yu. K. (2017). O probleme differenciacii pervichnyh i vtorichnyh tekstov [The problem of differentiating primary and secondary texts]. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 4, 52–61.
- Novikov A. I., Suncova N. (1999). Kontseptual'naia model' porozhdeniia vtorichnogo teksta [Conceptual

- model of secondary text production]. *Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii* [Text processing and cognitive technologies], 3, 158–166.
- Rarenko M. B. (2010). *Ishodnyj tekst Osnovnye ponjatija perevodovedeniya (otechestvennyj opyt): terminologicheskij slovar'-spravochnik* [Source text Basic concepts of translation studies (domestic experience): terminological dictionary-reference book]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ishodnyy-tekst> (Accessed 25.03.2023).
- Sadchenko V. T. (2009). Tekst kak ob'ekt lingvisticheskoy semiotiki [Text as an object of linguistic semiotics]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism*, 5 (143), 29, 104–111.
- Shmeleva T. V. (2009). Paratekst mediynogo teksta [Paratext of media text]. *Strukturno-semanticheskie parametry edinic jazyka i rechi: Sb. nauchn. statej* [Structural and semantic parameters of units of language and speech: collection of articles]. Murmansk, MASU, 145–149.
- Skare Roswitha (2020). *Paratext. Encyclopedia of Knowledge Organization*. Publication date: 13 February 2020. Available at: <https://www.isko.org/cyclo/paratext> (Accessed 25.03.2023).
- Sljusareva N. A., Troshina N. N., Novikov A. I., et al. (1982) *Aspekty obshhej i chastnoj lingvisticheskoy teorii teksta* [Aspects of general and special linguistic theory of text] Moscow, Nauka, 192.
- Suncova N. L. (1999). *Lingvisticheskaja model' porozhdenija vtorichnogo teksta* [Linguistic model of secondary text generation]: diss. ... cand. Philol. Sci., abstract. Moscow, 22.
- Zemskaja Yu. N., Kachesova I. Yu., Komissarova L. M., Panchenko N. V., Chuvakin A. A. (2010). *Teorija teksta: ucheb. posobie* [Text theory: textbook. benefit]. Moscow, Flinta: Nauka, 222.
- Turaeva Z. Ja. (2018). *Lingvistika teksta. Tekst. Struktura i semantika* [Linguistics of text. Text. Structure and semantics]. Moscow, LIBROKOM, 144.
- Verbitskaya M. V. (2000). *Teorija vtorichnyh tekstov na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka* [Theory of secondary texts based on the material of modern English]. Moscow, Moscow State University, 220.
- Yakhibbaeva L. M. (2008). Uchebnyj tekst kak osobyj vid vtorichnogo teksta i sostavljajushhaja uchebnogo diskursa [Educational text as a special type of secondary text and a component of educational discourse]. *Vestnik Bashkirsk. un-ta* [Bulletin of the Bashkir State University], 4, 1029–1031. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnyy-tekst-kak-osobyy-vid-vtorichnogo-teksta-i-sostavlyayuschaya-uchebnogo-diskursa> (Accessed 25.03.2023).
- Zaika V. I. (2006). *Ocherki po teorii hudozhestvennoj rechi* [Essays on the theory of artistic speech]. Veliky Novgorod, 407.
- Zaika V. I. (2011a). Plan sodержaniya i referentnoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta [Plan of content and referential space of a literary text]. *Kognitivnaja pojetika: problemy, opyt issledovaniya. Nauchnaja seriya «Sovremennaja rusistika: napravleniya i idei»* [Cognitive poetics: problems, research experience. Scientific series "Modern Russian studies: directions and ideas"]. Vol. 3. Olzhtyn. 33–51.
- Zaika V. I. (2011b). Otvet na zadanie s razvernutyj otvetom kak vtorichnyj tekst (na materiale EGJe po russkomu jazyku) [Answer to a task with a detailed answer as a secondary text (based on the Unified State Examination material in the Russian language)]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnyh statej* [Current problems of modern word formation: collection of articles]. Issue 4. Kemerovo, 46–53.
- Zenkin S. (2018). *Teorija literatury: problemy i rezul'taty* [Theory of literature: problems and results]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 368.
- Zhenett Zh. (1998). *Figury* [Figures]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow, Sabashnikov Publ., 470.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.09.2023.
Принята к публикации 10.11.2023.

Об авторах

Заика Владимир Иванович – доктор филологических наук (10.02.01), доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; w.i.zaika@gmail.com. ORCID: 0000-0002-2206-772X;

Яшина Дарья Сергеевна – ассистент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; d.s.yashina@gmail.com. ORCID ID 0000-0001-5180-6352.

Zaika V. I., Yashina D. S.

EDUCATIONAL SECONDARY TEXT: CONCEPT CONTENT

Abstract. The work examines educational secondary text, which is understood as the result of the speech activity of a student performing a task to transform a literary text. In the process of clarifying the content of the central concept, the content of terminological elements is considered in detail including textual, secondary, educational; as well as terms denoting related phenomena. The source text is understood as a text-object to which the reader's attention is directed; the referential space (written work) is understood as a product of perception, understanding and experience of the source text; the primary text is understood as the result of the perception of the source text with the intention of creating the secondary text. The referential space and the primary text are a mental formation, an intermediate link in the process of transforming the source text into the secondary one. One can only guess about the peculiarities of the structure of the referential space; about the primary text, one can only assume in explicated terms. The secondary text is socially conditioned, that is, it is written according to generally accepted norms and is open to understanding by any native speaker, including teachers. This factor is enhanced by the formulated task – the second source text for writing the secondary text. The concepts described in the article related to the educational secondary text should be considered when considering the parameters of describing these texts for the zones of the referential space and the primary text, which are hidden from direct observation by the mechanisms of transformation of a literary text into an educational secondary text.

Keywords: text, source text, secondary text, primary text, keywords, written work, referential space, text-object, text-result

For citation: Zaika V. I., Yashina D. S. Educational secondary text: concept content. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 729-743. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).729-743

Ситько Ю. Л.

СИСТЕМА ЗНАКОВ Ч. С. ПИРСА КАК ОТРАЖЕНИЕ УЧЕНИЯ О КАТЕГОРИЯХ И ПРЕДИКАБИЛИЯХ: ИДЕИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса об истоках систематизации знаков, выдвинутой Ч. С. Пирсом. В основу положена гипотеза о заимствовании принципа систематизации из латинского перевода «Органона» Аристотеля, изданного Юлиусом Пациусом в 1584 г. Анализ издания «Органона» 1584 г. демонстрирует, что система категорий и связанных с ними предикабилий Аристотеля была представлена у Юлиуса Пациуса в виде диаграммы, изображающей связи предикабилий в категориях как суждениях так, что отношения между предикабилиями совпадали по номеру с категориями в списке Аристотеля. Кроме того, утверждается, что Пациус просчитывал также системы из большего, чем пять понятий, числа составляющих и установил количество связей-суждений между ними. В работе показано, что способ представления категорий в виде диаграмм заимствован Пациусом у Иоанна Экка. При этом нумерация Экка не совпадает с нумерацией категорий Аристотеля. Итогом рассуждения является демонстрация изоморфности системы знаков Ч. С. Пирса системе знаков Аристотеля в интерпретации Пациуса. В итоге в статье вводится представление о «направлении предикации» от акциденции к роду (справа налево) и от рода к акциденции (слева направо), что имеет перспективы для сравнения с семасиологическими и ономасиологическими способами изучения языка.

Ключевые слова: абдукция, знак, силлогистика, категории, предикабилии, Пирс, семиотика, предикация

Для цитирования: Ситько Ю. Л. Система знаков Ч. С. Пирса как отражение учения о категориях и предикабилиях: идеи Средневековья и Нового времени // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 744-759. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51). 744-759

Недавно закончил первый раздел по Аристотелю, его теория познания впечатляет, также удивило большое количество отсылок Аристотеля к Канту.

lavrentevdv.livejournal.com

Семиотическая терминология Чарльза Сандерса Пирса представляет собой довольно самобытную систему, которую часто воспринимают сквозь призму современных научных представлений. Обзор интерпретаций идей Ч. С. Пирса в современной философии коммуникации приведен у Н. А. Лукьяновой [Лукьянова, 2011]. Однако философ-томист, бенедектинец и специалист по проблеме универсалий, мексиканский профессор Маурисио Беучот в 1998 г. опубликовал статью «Абдукция и аналогия» [Beuchot, 1998], в которой обратил внимание на позднесcholастические и аристотелианские истоки семиотики Пирса. На примере всестороннего сравнения аналогии с абдукцией М. Беучот продемонстрировал, что близость Пирса к идеям Аристотеля к началу XX в. нарастала. Это выразилось в провозглашении Пирсом абдукции как приема обобщения и предвосхищения в познании. Аристотель и его теория вывода были в центре внимания Пирса на протяжении более чем пятидесяти лет. М. Беучот заметил, что для Пирса источником термина *abduction* был перевод Юлиуса Пациуса, деятеля эпохи Ренессанса, о чем писал сам Пирс: «Это английская форма слова *abductio*, слова, использованного Пациусом в качестве перевода слова *ἀπαγωγή*, которое было переведено Боэцием как *deductia* и *reductia* и даже *inductia*

схоластами» (Прим.1). Вместе с тем, исследуя именно аналогию, М. Беучот не говорит о связи между системой знаков Пирса и учением о категориях и предикабилиях Аристотеля и его схоластических последователей.

2. Гипотеза

Если в [Sowa, 2011] демонстрируется судьба предложенных Пирсом экзистенциальных графов как представления знаков в математике, мы концентрируемся на истории и происхождении предложенного Пирсом способа представления отношений между знаками и сопоставляем его с учением о категориях как о системе суждений.

Наша гипотеза (излагалась в [Ситько, 2015]) состоит в том, что система знаков Ч. С. Пирса генетически восходит к учению об отношениях между категориями Аристотеля, возникшему на заре Реформации в работах Иоанна Экка и развитом в издании «Органона» Аристотеля, предпринятом Юлиусом Пациусом в 1586 г.

Из выдвинутой гипотезы следует, что между знаками возможно выявление отношений, изоморфных отношениям между суждениями в пределах категорического силлогизма. Тогда интерпретанта знака аналогична среднему термину, репрезентамен – меньшему термину, а объект знака – большему, отношение означаемого к интерпретанте следует рассматривать как аналог большей посылки, отношение интерпретанты к означаемому – аналог меньшей посылки, а отношение означаемого к означаемому – аналог вывода силлогизма.

3. Предикабилии Аристотеля

Определив категории как виды отношений в суждении, Аристотель классифицировал эти отношения не по характеру отношений, а по их субъекту и предикату, которые в философии получили названия предикабилий (лат. *praedicabilia*, греч. *κατηγορούμενα*). Составляющие суждения разделены по признакам универсальности акцидентальности – субстанциональности, к которым относятся, с одной стороны, 1) универсальные и 2) партикулярные акциденции (лат. *accidentia*, греч. *συμβεβηκός*) как первые сущности, и по признакам универсальности – партикулярности, с другой стороны: 3) род (лат. *genus*, греч. *Γένος* (Прим.2)) и 4) вид (лат. *species*, греч. *εἶδος*) как вторые сущности [Долгоруков, Копылова, 2018, с. 36-37]. Четверичное деление сущностей Аристотеля известно как онтологический квадрат.

Различия, которые выделил Аристотель, параллельны различиям типов предикатов. Аристотель использовал эти различия в своих рассуждениях о десяти категориях. Так, вторая глава трактата «Категории» – «Сказываемое о предмете и находящееся в предмете» – обозначила два основных вида оппозиций, по которым строится квадрат и соответствующие им четыре класса: «то, что говорится о подлежащем», «то, что находится в подлежащем», «то, что не находится в подлежащем» и «то, что не говорится о подлежащем» [Аристотель, 2015, с. 4].

Сущности. Говоря о сущности, Аристотель определяет ее как нечто, что может быть в суждении или высказывании предикатом и быть субъектом суждения: «первая сущность не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. Относительно же вторых сущностей ясно и само собой, что они не находятся в подлежащем»

[Аристотель, 2015, с. 9]. Первая сущность от вторых отличается тем, что ей ничего не может быть противоположно, «будучи тождественной и одной по числу, она может получать противоположные определения. По отношению к остальному – всюду, где мы не имеем сущностей, нельзя было бы указать (на) что-нибудь подобное» [Аристотель, 2015, с. 11-12]. Применение противоположности изменяет по Аристотелю саму сущность [Аристотель, 2015, с. 12-13], что является ее неотъемлемым свойством.

Вид является продуктом установления связи между акциденцией и родом, то есть представляет собой понятие о суждении, субъектом которого является акциденция, а предикатом – род. Это суждение как категория у Аристотеля названа отношением (лат. *relatio*, греч. *τὸ πρὸς τί* (Прим.3)).

Род как сущность не может содержаться в акциденции, что очень близко к понятию синтетического суждения. Род и вид, будучи предикатами акциденции, не являются ее свойствами или признаками, то есть не выделяются из нее, а приписываются акциденции как самостоятельные сущности. Тогда предикация есть не приписывание признака, а *приписывание сущности*. Если акциденцию Аристотеля сопоставить с тем, что было названо феноменом («фанероном» у Ч.С. Пирса), легко прийти к выводу, что логические оппозиции приписываются феномену вместе с вовлечением его в суждении в сферу понятий (родов и видов) как вторых сущностей.

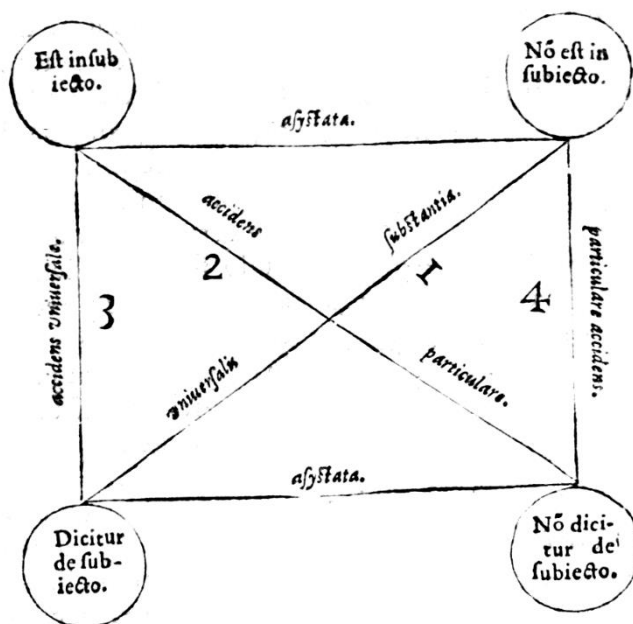
Не сущности, к которым принадлежит собственный признак (лат. *proprium* от *proprius* 'особый, характерный', греч. *ἰδιον* 'личная собственность, частное владение'), следует отнести и введенное Порфирием (Прим.4) видовое отличие (лат. *differentia*, греч. *διαφορά* 'различие, разница') не способны «принимать противоположности», то есть к ним применим закон исключения третьего, который, видимо, и регулирует употребление признаков в суждении: «один и тождественный по числу цвет не может быть белыми и черным» [Аристотель, 2015, с. 57] (Прим.5).

Таким образом, категории у Аристотеля являются видами суждений, отношениями между предикабилиями как видами предикатов, а предикабилии, в свою очередь, выступают в качестве предикатов и субъектов суждений-категорий. При этом род и акциденция являются своего рода «абсолютными» предикатом и субъектом. Это понимание нашло свое воплощение в различных логиках средних веков и в том числе – в ставшей «стандартом» схоластики «Сумме логики» Петра Испанского [Peter of Spain, 2014].

Представление категорий в «Органоне» Аристотеля в переводе Юлиуса Пациуса (Прим.6)

В центре нашего внимания находится греко-латинское издание Аристотелева «Органона» 1586 г. [Aristotelis, 1584]. В нем упомянутый онтологический квадрат представлен в привычном для нашего времени виде (рисунок 1 [Aristotelis, 1584, с. 35]):

Alius typus.

Numerorum nota, 1, 2, 3, 4, typis adscripta, ostendunt quo ordine auctor in his enumerandis usus est, quo facilius cum eius verbis typi conferrir possint.

Рисунок 1. Онтологический квадрат.

Диаграмма сильно схожа с современным представлением о логическом квадрате, с логическим квадратом Г. Фреге и семиотическим квадратом А. Греймаса. Онтологический квадрат у Пациуса указывает на характер отношений (линии) между образующими его понятиями и их распределении в субъекте высказывания (круги в углах). Важно, что та же диаграмма на той же странице представлена в виде «дуг» на рисунке 2 [Aristotelis, 1584, с. 35]:

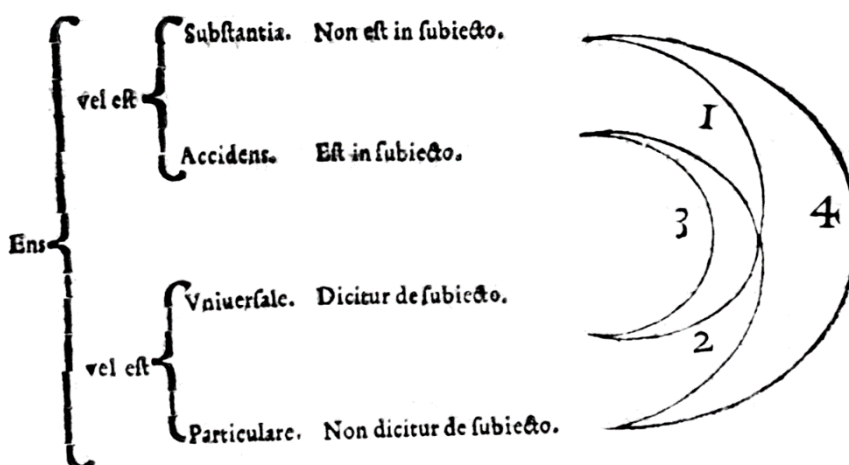

Рисунок 2. Онтологический квадрат: дуги.

Дуги изображают отношения между типами высказываний, понимаемые как непосредственные умозаклучения, то есть преобразования, позволяющие извлекать

из одного высказывания серию иных вместе с их характеристиками (истинность или ложность, распространенность предиката в субъекте и т.д.). И квадрат, и «дуги» изображают отношения в пределах логической системы (здесь – в онтологическом квадрате).

Аналогично Пациус изображал линиями или дугами отношения в суждениях, включенных в силлогизм, так что термины силлогизма «изображались» точками (углы треугольника или концы дуговых отрезков), а стороны или дуги – суждения. Например, изображая отношения в силлогизме *Barbara*, Пациус отмечает: «В контексте и характере этой главы α означает больший термин. β большую посылку. γ – заключение» (прим.7) [Aristotelis, 1584, с. 133]. Поскольку речь идет о первой фигуре, большая посылка α предикатирует как субъекты средний термин β и меньший термин γ , что отображено на диаграмме на рисунке 3 [Aristotelis, 1584, с. 133]:

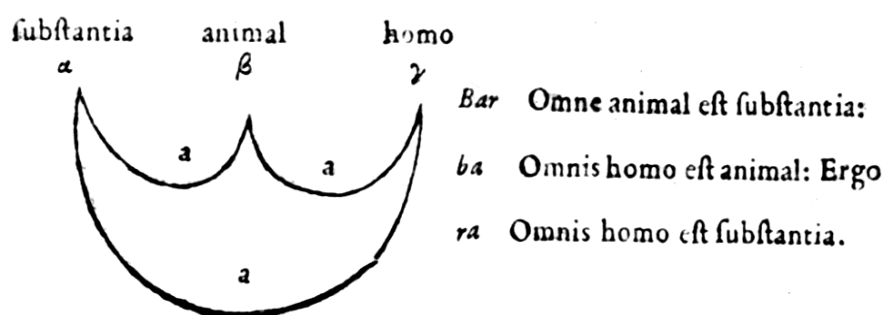

Рисунок 3. Силлогизм *Barbara*.

Аналогично изображение отношений в диаграмме силлогизма *Celarent* на рисунке 4 [Aristotelis, 1584, с. 133]:

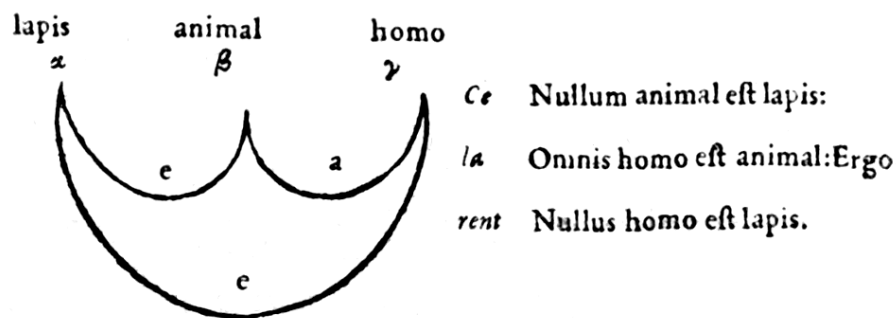

Рисунок 4. Силлогизм *Celarent*.

Правильные силлогизмы, порождающие верные заключения, изображаются тремя дугами между тремя точками, изображающими предикацию в суждениях, субъект которых находится на диаграмме левее, а предикат правее: *предикация на диаграммах осуществляется слева направо от предиката к субъекту*. Сами дуги помечены латинскими литерами a , i , e и o , символизирующими класс суждения по количеству и качеству (Прим.8).

Ложные силлогизмы с ошибочным заключением, несвязанным со второй посылкой, изображены с дугой, лишь один конец которой соединяется с точкой диаграммы, указывающей на термин силлогизма, другой же – указывает на термин, не

включенный в силлогизм, при этом «направление предикации» на диаграмме не учитывается (рисунок 5 [Aristotelis, 1584, с. 134]):

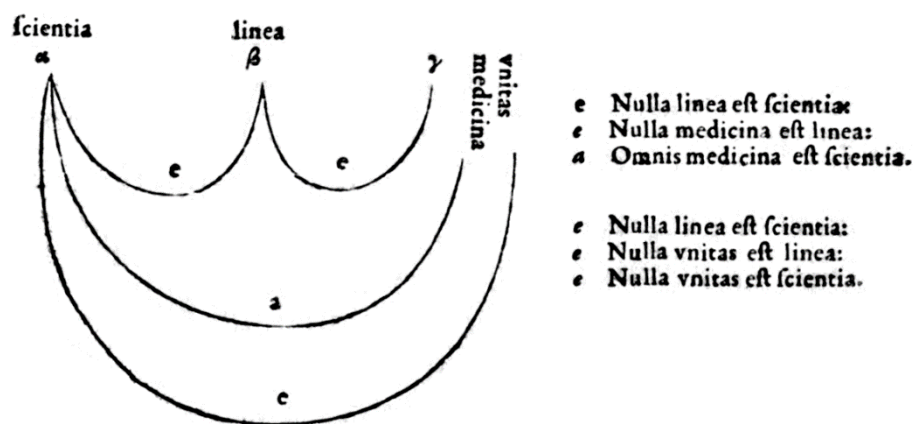

Рисунок 5. Ложный силлогизм.

Представление суждений силлогизма дугообразными линиями – четко выделяемый графический прием Пациуса (забегая вперед, скажем, что это роднит его с приемами Иоанна Экка, рисунок 11).

На рисунке 6 приведена диаграмма силлогизмов Festino (2 фигура) и Ferio (1 фигура) [Aristotelis, 1584, с. 142], где «дуговой» способ изображения предикативных отношений преобразовался в треугольник так, что катеты соответствуют посылкам, а гипотенуза в основании – заключению силлогизма:

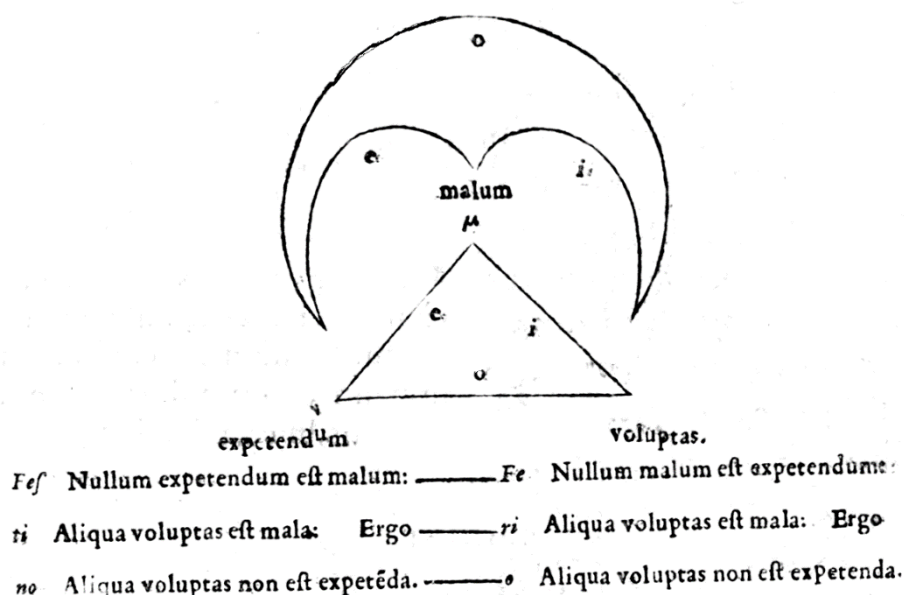

Рисунок 6. Силлогизмы Festino и Ferio.

Приведенные диаграммы, надеемся, достаточно убедительно иллюстрируют вывод о способах представления правильных силлогизмов в издании Пациуса: дуговые диаграммы Пациуса преобразовываются в диаграммы в виде треугольников (ниже будет приведен пример многоугольника) так, что 1) меньшие дуги (или стороны треугольника) символизируют посылки силлогизма, а 2) бóльшая дуга (или основание

треугольника) символизирует заключение силлогизма, 3) точка (или угол треугольника) слева символизирует предикат суждения по отношению к субъекту, символизируемому точкой (или углом треугольника), находящейся на диаграмме левее, 4) центральная точка (или вершинный угол треугольника) символизирует средний термин силлогизма, а крайние точки (или углы при основании треугольника) символизируют субъект и предикат заключения.

Перейдем к анализу отношений между предикабилиями и категориями Аристотеля – Порфирия в интерпретации Пациуса [Aristotelis, 1584, с. 28]. Пациус не откомментировал диаграммы, приводимые на рисунке 7 и на рисунке 8, что и заставило предпринять нас выше анализ диаграмм силлогизмов. Поскольку обсуждаемые диаграммы помещены рядом, а вторая еще и снабжена заголовком *Alius typus* ‘другая форма’, сосредоточимся на анализе диаграммы на рисунке 8.

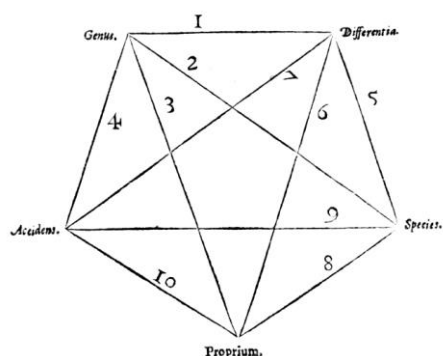

Рисунок 7. Категории и предикабилии: пентаграмма.

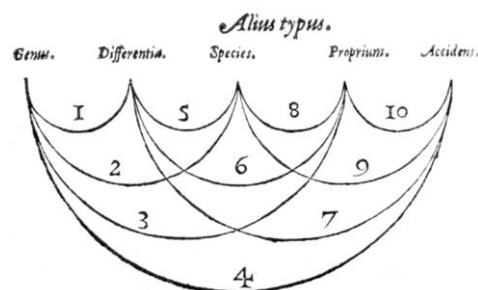

Рисунок 8. Категории и предикабилии: дуги.

Диаграмма представляет собой композицию из дуг, которые мы интерпретируем как изображения суждений, представляющих категории Аристотеля в изложении Порфирия, к которому диаграмма прилагается. Номера дуг, что очень важно для нашего рассуждения, соответствуют нумерации десяти категорий: 1) субстанция (др.-греч. οὐσία ‘сущность’); 2) количество (др.-греч. τὸ πόσον ‘сколько’); 3) качество (др.-греч. τὸ ποῖον ‘какое’); 4) отношение (др.-греч. τὸ πρὸς τί ‘то, по отношению к чему’); 5) пространство (др.-греч. ποῦ ‘где’); 6) время (др.-греч. πότε ‘когда’); 7) состояние (др.-греч. κείμενα ‘ситуация’); 8) обладание (др.-греч. εἶναι ‘условие’); 9) действие (др.-греч. τὸ ποιεῖν — ‘действовать’); 10) претерпевание (др.-греч. πάσχειν ‘страдание’). Особенность нумерации, примененной Пациусом, заключается в том, что номера дуг соответствуют порядку категорий, изложенному Аристотелем в главе IV «Категорий». Это позволило Пациусу наглядно представить субъектно-объектные отношения между предикабилиями в категориях как суждениях. Визуально же образовывается особый порядок расположения номеров, который мы позже найдем у Ч. С. Пирса (рисунок 12).

Пять предикабилий, предикатов категорий, соединены дугами: род (гр. γένος, лат. *genus*), вид (гр. εἶδος, лат. *species*), собственное отличие (гр. ἴδιον, лат. *proprium*),

акциденция, или случайное (привходящее) отличие (гр. *συμβεβηκός*, лат. *accidens*) и видовое отличие (гр. *διαφορά*, лат. *differentia*).

Дуги расположены таким образом, что, например, категория количества представляется как заключение силлогизма, в котором категория субстанции является большей посылкой, категория пространства – меньшей, а видовое отличие – средний термин. Род в данной диаграмме выступает только предикатом, а акциденция – только субъектом категорий как суждений. Интересно и важно, что категории отношения и времени, рассматриваемые как заключения силлогизмов имеют одинаковый средний термин.

Обобщая обзор диаграмм Пациуса, обратимся к схеме, на рисунке 9 [Aristotelis, 1584, с. 235].

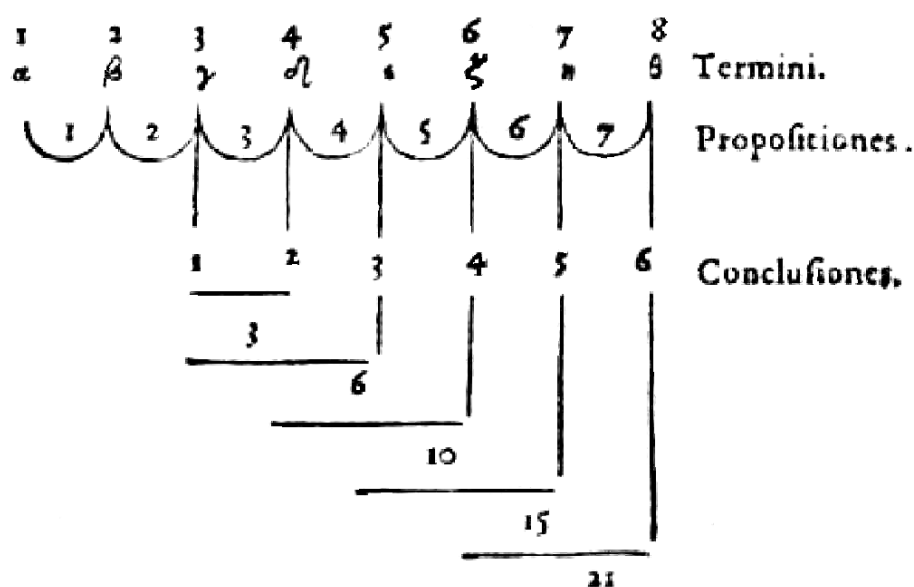

Рисунок 9. Система терминов, количество пропозиций и умозаключений в них.

На графе представлены три уровня. Первый уровень образует ряд из восьми терминов, которым соответствуют вершины дуг, отмеченные греческими литерами. Второй уровень обозначен пронумерованными дугами между точками первого уровня. Дуги обозначают суждения (пропозиции или предложения) как отношения между «соседними» терминами. Пациус в качестве примера [Aristotelis, 1584, с. 235] приводит суждения $\alpha\beta$, $\beta\gamma$ и т.д. Третий ряд указывает на количество возможных опосредованных суждений между терминами. Например, для системы из трех терминов α , β и γ возможно только одно опосредованное суждение $\alpha\gamma$, представляющее собой вывод силлогизма, а для системы из пяти терминов кроме трех выводов силлогизмов (третий ряд цифр), предполагаются еще и три вывода для полисиллогизмов. Таким образом, система из четырех терминов, например, онтологический квадрат включает в себя шесть (3+3) суждений, а система из восьми терминов включает в себя двадцать одно суждение. Ясно, что на данной диаграмме представлено то, что иногда называется «мистической розой» известной еще из трудов Раймунда Луллия, а в более поздние времена было названо математиками «полным графом» с формулой K_n . Поэтому мы приходим к выводу, что Пациус применил к

логике Аристотеля приемы иллюстрирования отношений между понятиями (терминами), которые сегодня выглядят как графы.

Обратимся к ближайшему источнику, у которого, как мы считаем, Пациус заимствовал идею графического представления категорий.

Представление категорий и предикабилей у Иоганна Экка (Прим.9)

В «Диалектике», изданной при участии Иоганна Экка в 1517 г., связанной с попытками дать удобное дидактическое изложение идей Аристотеля и Порфирия под влиянием ренессансного «нового обучения» [Kretzmann, Kenny, Pinborg, с. 128-142, 521], находим диаграмму [Aristotelis, 1517, f. XXXVI], представляющую отношения между предикабиями (рисунок 10).

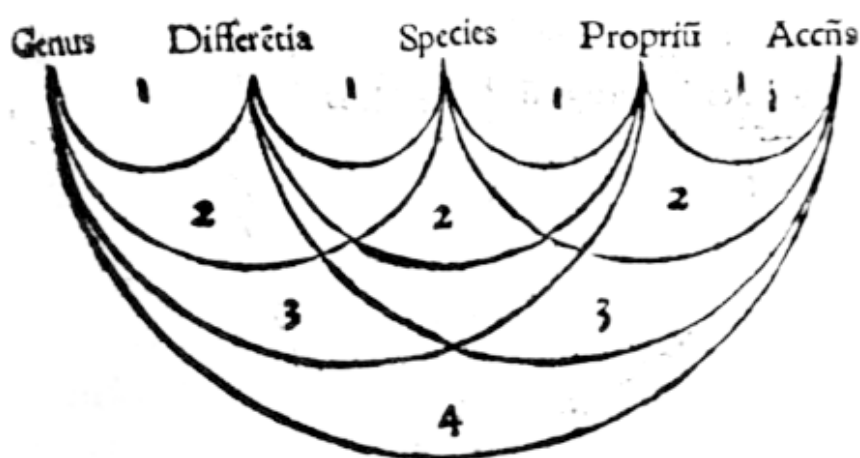

Рисунок 10. Отношения предикабилей по Иоанну Экку (1517 г.).

Еще Порфирий в одиннадцатой главе «Введения...» поставил вопрос о составе категорий как отношений между пятью предикабиями. Ход его рассуждения таков: если есть пять предикабилей, и каждая из них обладает четырьмя отличиями от других, то всего должно образоваться двадцать категорий как отношений: «Однако же дело обстоит не так, но так как все время подсчитываются <только> те, которые идут дальше в последовательном порядке, и двум <первым> недостает одного различия, потому что оно уже было принято во внимание ранее, а трем- (еще) двух, четверем- <еще> трех и пяти- <еще> четырех, <следовательно>, всего получается десять различий- четыре <да> три <да> два <да> одно» [Порфирий..., 2015, с. 70]. Это место было прокомментировано Петром Испанским (лат. *Ioannes PP. XXI*, в миру — Петрус Ребули Юлиани или Педру Жулиан, порт. *Pedro Julião*, лат. *Petrus Hispanus*; между 1210 и 1220 — 20 мая 1277) в его «*Summulae Logicales*». По поводу интерпретации количества и причин именно такого числа категорий Иоанн Экк написал два параграфа, перевод которых мы приведем полностью:

«8. Род и акциденция сходны в том, что они сказываются о многих: Но они имеют четыре различия. Во-первых, вид первый по внешнему виду; но акциденция также неотделима от своего предшествующего субъекта. Во-вторых, связь акциденции основана на интенции (намерении) и свободе, но не на связи. В-третьих, акциденция заменяет индивидуумы, на которые она указывает (означает), но роды и виды

предшествуют индивидуумам. В-четвертых, род приписывается какой-либо акциденции как качество.

9. Если скажете, что любая из универсалий может таким образом взаимодействовать с другими четырьмя универсалиями, то Порфирий ответил бы, что они будут такими-то и такими-то. Тем не менее, они не ставят двадцать по количеству, лишь потому что они повторяются в более низших универсалиях, и, таким образом, род соединяется с четырьмя, видовое отличие с тремя, вид с двумя, собственный признак с одним» (*Прим. 10*) [Aristotelis, 1517, f. XXXVI].

Приведенный фрагмент был воплощен Экком в диаграмме, которая кроме десяти категорий изобразила пять предикабилий и продемонстрировала их «степени различия» между предикатом и субъектом категории как суждения. Первый ряд дуг, изображающих предикацию левой предикабилии по отношению к правой, пронумерован единицами, и указывает на предикабилии, которые бы находились на соседних уровнях Древа Порфирия. Второй, третий и четвертый ряды дуг пронумерованы соответственно так, что категория отношения изображена дугой 4.

Четыре дуги, исходящие от точки, изображающей род, своими номерами могут указывать на первые четыре категории в списке Аристотеля: 1) субстанция, 2) количество, 3) качество, 4) отношение. Впрочем, диаграмма симметрична, что прекрасно видно по нумерации: категория сущности (отношение рода и видового отличия) симметрична категории обладания (отношение обладания) и т.д. Поэтому от точки, изображающей акциденцию, также исходят дуги 1, 2, 3 и 4.

Приводимая на рисунке 11 диаграмма [Aristotelis, 1517, f. XXXVI] характеризуется тем, что в ней цифры означают порядок возникновения категорий как отношений между предикабилиями и их принадлежность к одному этапу умозаключения [Aristotelis, 1517, f. XXXV об.]. Диаграмма у Экка призвана продемонстрировать не только категории как отношения между предикабилиями (линиями), но и взаимные отношения между категориями (цифры) как этапами или стадиями «созидания» категорий.

Схема была воспроизведена с некоторым изменением в «Теологии Петра Испанского» Иоанна Экка [Joan Eckii, f. XXX] (рисунок 11). Важно, что экземпляром «Теологии Петра Испанского лично владел Ч. С. Пирс [Bibliography..., 2000].

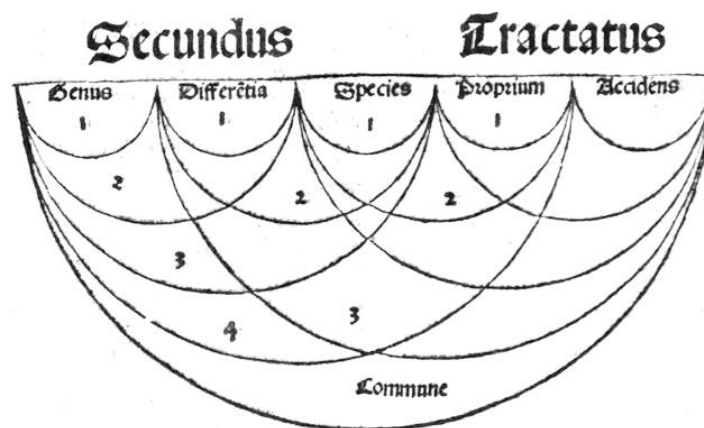

Рисунок 11. Отношения между предикабилиями и эссенцией.

Диаграммы Экка идентичны даже пропорциями дуг. На первой из них видно, что категории на них представлены как принадлежащие к одной группе или одному этапу. Вторая диаграмма представляет те же отношения с той разницей, что кроме акциденции на ней представлена еще и эссенция, а категории действия и состояния понимаются как предикаты к эссенции, а не к акциденции.

Выводы

1. Реконструируемые «предикабилии» Пирса – это простейшие и наиболее общие понятия (в этом, созданном, кажется, Г.В. Лейбницем и развитом И. Кантом, смысле они являются категориями), которые могут выступать в суждениях как предикаты, так и как субъекты суждений, а в знаковых ситуациях как в качестве означающих-репрезентантов, так и в качестве означаемых-объектов знаковых ситуаций.

2. Система категорий Аристотеля есть система и классификация высказываний по предикатам, которая порождает «вторичные сущности»: вид вполне может рассматриваться как результат установления отношения между акциденцией и родом, а видовой признак – как результат установления отношения между видом и родом и т.д. Поэтому мы можем сопоставить два отношения (отношения и времени), имеющие результатом одинаковую предикабилию (вид).

3. Аналогично система знаков Пирса может быть представлена как система высказываний (или, иначе, силлогизмов, объединяющих группу высказываний), организованная по объектам-означаемым (то есть меньшим терминам, субъектам вывода силлогизма) в их отношении означающим-репрезентантам (то есть к большим терминам, предикатам вывода силлогизма), а также по связанным с ними интерпретантам (по средним терминам силлогизма).

Примечания

1. «This is the English form of *abductio*, a word employed by Julius Pacius, as the translation of Ἀπαγωγή, which had been rendered *deduction* by Boëthicus and *reduction* and even *induction* by the schoolmen» [Peirce, 1984, с. 108].
2. Кроме значения 'рождение, происхождение' метафорически с ним связанных, интересно отметить значение 'элемент, стихия' в словосочетании τὰ τέτταρα γένη в «Тимее» Платона.
3. Предлог πρὸς с винительным падежом имеет значение 'место, время, повод или отношение, которые являются целью отношения'. Ксенофонт (444 — 345 гг. до н.э.) употребляет предлог πρὸς во фразе βουλευέσθαι πρὸς τι в значении 'совещаться о чем-либо', а неопределенное местоимение среднего рода τί указывает в названии категории на предикат суждения, то есть на род, который, видимо, понимается как наименее определенный, потому средний. Примечательно, что *relatio* в значении названия категории отношения связано со значением 'несение назад, отнесение': *crebra relatione morari manum* Q 'частым движением (пера к чернильнице) замедлять руку (т. е. процесс письма)'. Отношение, таким образом, могло

- пониматься латинским переводчиком как 'несение назад, несение к себе' от акциденции к роду.
4. «Ведение...» Порфирия (гр. *Πορφύριος*, настоящее имя гр. *Μάλχος* или гр. *Μαλίκ*; 232/233, Тир — 304/306, Рим) к «Органону» Аристотеля, известное также под названиями «О пяти гласах» (лат. «*De quinque vocibus*») и «Введение к категориям финикийца Порфирия ученика ликополитанца Плотина», переведенное на латынь и дважды прокомментированное Боэцием, служило «философским букварем» средневековой Европы. Вопрос об отношении «Введения...» к «Категориям» дискутируется в [Патронников, 2016].
 5. По поводу закона исключения третьего см. [Баумгартен, 2012, с. 144-145]. Согласно §§ 1-14, сущности как возможные либо имеют признак (А), либо его не имеют (не-А), а при полагании А и не-А возникает противоречие, характеризующее сущность в разные моменты времени.
 6. Юлиус Пациус (Giulio Pacio), известный как Джулио Паче да Берига (Julius Pacius de Beriga, Виченца, 9 апреля 1550 г. - Валанс, 1635 г.) — итальянский юрист и философ, изучал философию и право в Падуанском университете. В молодости, будучи приверженцем реформации, в 1574 г. из-за угроз падуанских религиозных авторитетов переселился в Женеву, центр кальвинизма. В 1575 г. стал профессором, как знаток древнегреческого языка с 1582 г. читал курсы логики и философии. В 1585–1594 гг. занимал юридическую кафедру в Гейдельбергском университете. Впервые за тысячу лет после перевел «Органон» Аристотеля и «Введение...» Порфирия с древнегреческого на латынь, издание которого принесло ему широкую известность. «Органон» стал почти официальным текстом, к 1623 г. вышло одиннадцать переизданий, этот перевод был включен в двуязычное греко-латинское издание Аристотеля под редакцией Исаака де Казобона и широко распространялось в Северной Европе. Пациус преподавал во университетах разных городов Европы (Седан, Женева, Монпелье, Ним, Эакс, Валанс, Падуя).
 7. In contextu ac typis huius capitis, α significat maius extremum. $\alpha\beta$ maiorem propositionem. $\alpha\gamma$ conclusionem.
 8. Напомним, что каждое суждение может быть сведено к одной из четырех логических форм, названных *A*, *E*, *I* и *O* на основе латинского алфавита (лат. *Affirmo* 'подтверждаю' для утвердительных суждений *A* и *I* и лат. *nEgo* 'отрицаю' для отрицательных пропозиций *E* и *O*). Суждение *A*, универсальное утвердительное (*universalis affirmativa*), форма которого по-латыни — *omne S est P*, обычно переводится как *каждый S является P*. Суждение *E*, универсальное отрицание (*universalis negativa*) — по-латыни *nullum S est P* — обычно переводится как *ни одно S не является P*. Суждение *I*, частное утвердительное (*specificis affirmativa*), по-латыни *quoddam S est P* — обычно переводится как *некоторые S являются P*. Суждение *O*, частное отрицание *specificis negativa* — на латинском *quoddam S nōn est P* — обычно переводится как *некоторые S не являются P*.
 9. Иоганн Майер Экк (нем. *Johann Maier aus Eck*; 13 ноября 1486, Эгг-ан-дер-Гюнц, Швабия — 13 февраля 1543, Ингольштадт, Верхняя Бавария) — доктор теологии, профессор университета в Ингольштадте, имел диспут с Лютером (1519 г.); участник сейма в Аугсбурге (1530 г.); принимал участие в попытках прийти к мирному соглашению с протестантами на собраниях в Вормсе (1540) и Регенсбурге и опубликовал свой перевод Нового Завета. Экк происходил из крестьян; в молодости дружил с Лютером, учился в университетах Тюбингена, Гейдельберга и Кельна, считался одним из образованнейших богословов своего времени.
 10. «Genus & accede[n]s conueniunt in hoc q[ue] pr[a]edicantur de pluribus: Sed quator habent differentias. Prima gen[us] est prius specie; sed accide[n]s etia[m] inseparabile est posterius suo subiecto. Secu[n]da co[m]mu[n]icatio accedentiu suscipit intensio[n]e[s] & remissione[s] / sed no[n]

generu co[m]municatio. Tertia, accidentia substitu[i]t in indiuiduis de quibus pr[a]edicantur : genera vero et species sunt priora indiuiduis. Quarta genus pr[a]edicat in quid / accidens in quale. 9. Si queris en q[u]odlibet universalium possit isto modo co[o]parari ad alia quator universalia. responder Porphy quod sic & ita erunt .xx. tame[n] dece[m] non ponent in numero / quod subinde solum repetantur in posterioribus universalibus: et sic geni het[aeria] .iiii. differe[n]tia.iii. spec[ia] .ii. p[ro]p[ri]u[m].i.» [Aristotelis, 1517, f. XXXV].

Литература

- Аристотель (2015). *Категории: с приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля*. Москва, URSS, 75.
- Баумгартен А. Г. (2012). *Метафизика. Einai*, 1(1), 141–156.
- Долгоруков В.В., Копылова А. О. (2018). «Онтологический квадрат» и теоретико-типовая семантика. *Логические исследования*, 2, 36–58.
- Кант И. (2006). *Сочинения на немецком и русском языках. Москва, Наука, 2001-2006. Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1*, 1081.
- Лукьянова Н. А. (2011). Значение идей Ч. С. Пирса для философии коммуникации. *Известия Томского политехнического университета*, 6, 82–88.
- Патронников И. А. (2016). Является ли Isagoge Порфирия введением к «Категориям» Аристотеля? *Философский журнал*, 4, 80–91.
- Порфирий (2015) Введение к Категориям финикийца Порфирия, ученика ликополитанца Плотина. *Аристотель. Категории : с приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля*. Москва, URSS, 51–76.
- Ситько Ю. Л. (2015) Гипотеза о связи классификации знаков Ч. С. Пирса и системы категорий Аристотеля через влияние перевода Юлиуса Пациуса. *The Peculiarity of Man*, 22, 37–48.
- Aristotelis (1584) *stagiritae perpateticorum principis Organum, hoc est libri omnes ad logicam pertinentes, graece et latine. Jul. Pacius recensuit : e graeca in latinam linguam ... Morgiis [Genève], Guillelmus Laimarius*, 832.
- Aristoteles (1517). *Aristotelis Stragyrite Dialectica: cu[m] qui[n]q[ue] vocibus Porphyrii Phenicis: Argyropilo traductore: a Joanne Eckio Theologo facili explanatione declarata: adnotationibus compendarijs illustrata: ac scholastico exercitio explicata ... Augustae Vindelicorum*, Miller, 190.
- Beuchot M. (1998) Abducción y analogía. *Analogía filosófica: revista de filosofía, investigación y difusión*, 12(1). 57–68.
- Bibliography of Peirce's References. (2000) *Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition*. Vol. 6: 1886-1890. Bloomington, Indiana University Press, 506–511.
- Brian P., Calvin G. Normore, Terence Parsons (2014) *Peter of Spain: Summaries of Logic: Text, Translation, Introduction, and Notes* Oxford, Oxford University Press, 547.
- Joan Eckii (1516) *Theologi in summulas Petri Hispani extemporaria et succincta atque succosa explanatio: p[ro] sup[er]ioris Germaniae scholasticis*. Augustae Vindelicorum: Miller. 112.
- Peirce, C. S. (1984) *The Writings of Charles S. Peirce. A Chronological Edition. Edited by Nathan Houser et al. Indianapolis: Peirce Edition Project*. Indianapolis: Indiana University –Purdue University. Vol. 2: 1867-1871. Edward C. Moore, Editor. Bloomington: Indiana University Press, 650.
- Porphyrii (1597) *Isagoge. Aristotelous organon: Aristotelis Stagiritae peripateticorum principiis Organum, hoc est, libri omnes ad Logicam pertinentes, graece et latine ... Accessit eiusdem Pacii in universum Organum Commentarius Analyticus, nunc primum in lucem editus*. (1597) [S. l.]: Apud Heredes Andreae Wecheli, Claudium Marnium & Iohan. Aubrium. 3-33.
- Sowa, J. F. (2011). Peirce's tutorial on existential graphs. *Semiotica*. 2011 (186), 347-394.

References

- Aristotel' (2015). *Kategorii: s prilozheniem «Vvedeniya» Porfirija k «Kategorijam» Aristotelja*. [Categories: with the appendix of Porphyry's "Introduction" to Aristotle's "Categories"] Moskva, URSS, 75.
- Baumgarten A. G. (2012). *Metafizika [Metaphysics]. Einai*. T. 1 (1), 141–156.

- Dolgorukov V. V, Kopylova A. O. (2018). «Ontologicheskij kvadrat» i teoretiko-tipovaja semantika [The "ontological square" and type-theoretic semantics] *Logicheskie issledovanija* [Logical research], 2, 36–58.
- Kant I. (2006). *Sochinenija na nemeckom i russskom jazykah. M.: Nauka, 2001-2006. T. 2: Kritika chistogo razuma: v 2 ch. Ch. 1* [Essays in German and Russian. Moscow, Nauka, 2001-2006. Vol. 2: Critique of pure Reason: in 2 hours Part 1], 1081.
- Luk'janova N. A. (2011). Znachenie idej Ch. S. Pirsy dlja filosofii kommunikacii. [The importance of C. S. Pierce's ideas for the philosophy of communication] *Известия Томского политехнического университета* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University.], 6, 82–88.
- Patronnikov I. A. (2016). Javljaetsja li Isagoge Porfirija vvedeniem k «Kategorijam» Aristotelja? [Is Porphyry's Isagoge an introduction to Aristotle's "Categories"?] *Filosofskij zhurnal* [Philosophical Journal], 4, 80–91.
- Porfirij (2015) Vvedenie k Kategorijam finikijca Porfirija, učenika likopolitanc Plotina [Porphyry An Introduction to the Categories of the Phoenician Porphyry, a disciple of the Lycopolitan Plotinus]. *Aristotel'. Kategorii : s prilozheniem «Vvedenija» Porfirija k «Kategorijam» Aristotelja*. [Aristotle. Categories : with the appendix of Porphyry's "Introduction" to Aristotle's "Categories"] Moskva, URSS, 51–76.
- Sit'ko Ju. L. (2015). Gipoteza o svjazi klassifikacii znakov Ch. S. Pirsy i sistemy kategorij Aristotelja cherez vlijanie perevoda Julijusa Paciusa [The hypothesis of the connection between the classification of signs by C. S. Peirce and the system of categories of Aristotle through the influence of the translation by Julius Pacius]. *The Peculiarity of Man*, 22, 37–48.
- Aristotelis (1584) *stagiritae peripateticorum principis Organum, hoc est libri omnes ad logicam pertinentes, graece et latine. Jul. Pacius recensuit : e graeca in latinam linguam ... Morgiis* [Genève], Guillelmus Laimarius, 832.
- Aristoteles (1517) *Aristotelis Stragyrite Dialectica: cu[m] qui[n]q[ue] vocibus Porphyrii Phenicis: Argyropilo traductore: a Joanne Eckio Theologo facili explanatione declarata: adnotationibus compendariis illustrata: ac scholastico exercitio explicata ... Augustae Vindellicorum, Miller*, 190 l.
- Beuchot M. (1998). Abducción y analogía. *Analogía filosófica: revista de filosofía, investigación y difusión*. Vol. 12. 1, 57-68.
- Bibliography of Peirce's References (2000). *Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition*. Vol. 6: 1886-1890. – Bloomington: Indiana University Press, 506–511.
- Joan Eckii (1516) *Theologi in summulas Petri Hispani extemporaria et succincta atque succosa explanatio: p[ro] sup[er]ioris Germaniae scholasticis*. Augustae Vindellicorum, Miller, 112 f.
- Peirce C. S. (1984). *The Writings of Charles S. Peirce A Chronological Edition. Edited by Nathan Houser et al. Indianapolis: Peirce Edition Project*. Indianapolis: Indiana University: Purdue University. Vol. 2: 1867-1871. Edward C. Moore, Editor. Bloomington, Indiana University Press, 650.
- Brian P., Calvin G. Normore, Terence Parsons (2014) *Peter of Spain: Summaries of Logic: Text, Translation, Introduction, and Notes* Oxford, Oxford University Press, 547.
- Porphyrii (1597) *Isagoge. Aristotelous organon: Aristotelis Stagiritae peripateticorum principiis Organum, hoc est, libri omnes ad Logicam pertinentes, graece et latine ... Accessit eiusdem Pacii in universum Organum Commentarius Analyticus, nunc primum in lucem editus*. (1597) [S. l.]: Apud Heredes Andreae Wecheli, Claudium Marnium & Iohan. Aubrium. 3-33.
- Sowa, J. F. (2011). Peirce's tutorial on existential graphs. *Semiotica*. 2011 (186), 347-394.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.09.2023.
Принята к публикации 05.11.2023.

Об авторе

Ситько Юрий Леонидович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ в г. Севастополе; ORCID ID: 0000-0001-6303-5022; yurii.sitko@gmail.com

Sitko Yu. L.

**SYSTEM OF SIGNS BY CHARLES SANDERS PEIRCE AS HIS REFLECTION OF STUDY
ABOUT CATEGORIES AND PREDICABILIA:
IDEAS OF THE MIDDLE AGES AND THE MODERN PERIOD**

Abstract. The article attempts to investigate scientific background underlying the system of signs proposed by Ch.S. Peirce. The study is based on the hypothesis that Ch.S. Peirce borrowed the principle of systematisation from the Latin translation of “Organon” by Aristotle published by Julius Pacius in 1584. Having analysed this issue of “Organon” the author demonstrates that the system of categories and predicabilia by Aristotle was transformed into a diagram presenting the interconnections between categories as judgements. Along with that it is shown that Pacius calculated the systems consisting of more than five notions as elements. Moreover, it is specified that Pacius borrowed the idea of representing categories in the form of diagrams from Johann Eck. It is possible to conclude from the investigation conducted that Ch.S. Peirce’s system of signs is isomorphic to Aristotle’s system of signs in the interpretation of Pacius. The article also introduces the idea about “the direction of predication” from accident towards gender (from right to left) and from gender towards accident (from left to right), which opens the perspective for future comparative analysis with semasiological and onomasiological methods of studying the language.

Keywords: abduction, sign, syllogistic, categories, predicabilia, Ch. S. Peirce, semiotics, predication

For citation: Sitko Yu. L. System of signs by Charles Sanders Peirce as his Reflection of Study About Categories and Predicabilia: Ideas of the Middle Ages and the Modern Period. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 744-759. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).744-759

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

2023 | 6 (51)

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**